

ДЕРИВАЦИОНА ГНЕЗДА У СЛОВЕНСКИМ ЈЕЗИЦИМА: СИСТЕМНОСТ ТВОРБЕНЕ ПРОДУКТИВНОСТИ

**XVII међународни конгрес слависта
(Париз, 25–30. VIII 2025)**

Тематски блок

DERIVATIONAL NESTS IN SLAVIC LANGUAGES: SYSTEMATICITY OF WORD FORMATION PRODUCTIVITY

**XVII International Congress of Slavists
(Paris, 25–30. August 2025)**

Thematic Block

Савез славистичких друштава Србије

Рецензенти

Д-р філол. наук, проф. Євгенія А. Карпіловська,
Інститут української мови Національної академії наук
України, Київ, Україна

Prof. dr hab. Jerzy Sierociuk, Instytut Filologii
Polskiej Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu,
Polska

Проф. др Божо Ђорић, Филолошки факултет,
Универзитет у Београду, Србија

Савез славистичких друштава Србије
Комисија за словенску творбу речи Међународног
славистичког комитета

ДЕРИВАЦИОНА ГНЕЗДА У СЛОВЕНСКИМ
ЈЕЗИЦИМА: СИСТЕМНОСТ ТВОРБЕНЕ
ПРОДУКТИВНОСТИ

XVII међународни конгрес слависта
(Париз, 25–30. VIII 2025)

Тематски блок

DERIVATIONAL NESTS IN SLAVIC LANGUAGES:
SYSTEMATICITY OF WORD FORMATION
PRODUCTIVITY

XVII International Congress of Slavists
(Paris, 25–30. August 2025)

Thematic Block

Београд, 2025
Савез славистичких друштава Србије

ДЕРИВАЦИОНА ГНЕЗДА У СЛОВЕНСКИМ
ЈЕЗИЦИМА: СИСТЕМНОСТ ТВОРБЕНЕ
ПРОДУКТИВНОСТИ

XVII међународни конгрес слависта
(Париз, 25–30. VIII 2025)

Тематски блок

Приредила
Рајна Драгићевић

DERIVATIONAL NESTS IN SLAVIC LANGUAGES:
SYSTEMATICITY OF WORD FORMATION PRODUCTIVITY

XVII International Congress of Slavists
(Paris, 25–30. August 2025)

Thematic Block

Edited by
Rajna Dragichevich

САДРЖАЈ

Рајна Драгићевић <i>Уводна реч</i>	9
Цветанка АВРАМОВА (Софийски универзитет „Св. Климент Охридски“, Бугария) <i>За някои спорни въпроси при позиционирането на думите в словообразователното гнездо</i>	21
Рајна ДРАГИЋЕВИЋ (Универзитет у Београду, Србија) <i>Творбено уланчавање деривата у српском језику (на материјалу Семантичко-деривационог речника српског језика)</i>	35
Nicol JANOČKOVÁ (Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra Slovenskej akademie vied, verejná výskumná inštitúcia, Bratislava, Slovenská republika) <i>(De)numerálne slovotvorné hniezda v slovenčine</i>	59
Лариса КИСЛЮК (Інститут української мови Національної академії наук України) <i>Динаміка словотвірного гнізда в сучасній українській мові</i>	85
Елена И. КОРЯКОВЦЕВА (Uniwersytet w Siedlcach, Polska) <i>Продуктивность гибридных дериватов в эпоху глобализации: социокультурная и системная детерминированность развития новых словообразовательных моделей</i>	99

Аляксандр ЛУКАШАНЕЦ

(Нацыянальная акадэмія навук Беларусі)

Складаныя словы ў словаўтваральным гнездзе:

да праблемы ўнутрыгнездавога і міжгнездавога

ўзаемадзеяння і перасячэння 123

Magdalena PASTUCH

(Uniwersytet Śląski w Katowicach, Polska)

Gniazda słowotwórcze dawnych zapożyczeń łacińskich

w języku polskim 141

Irena STRAMLJIČ BREZNIK

(Univerza v Mariboru, Slovenija)

Ustreznost strojno izluščenih štiripriponskih izpridevniških

besedotvornih nizov iz učne množice BSSJ 163

CONTENT

Rajna DRAGICHEVICH <i>Introduction</i>	9
Cvetanka AVRAMOVA (Sofia, Bulgaria) <i>On Some Controversial Issues in the Positioning of Words in the Word-Forming Nest</i>	21
Rajna DRAGICHEVICH (Belgrade, Serbia) <i>Derivational Chaining of Derivatives in the Serbian language (based on the material of the Semantic-Derivational Dictionary of the Serbian Language)</i>	35
Nicol JANOCHKOVA (Bratislava, Slovakia) <i>(De)numeral Word-Formation Nests in Slovak</i>	59
Larisa KYSLIUK (Kiev, Ukraine) <i>Dynamics of Word-Formation Nest in Modern Ukrainian Language</i>	85
Elena KORYAKOVCEVA (Siedlce, Poland) <i>Productivity of Hybrid Derivatives in the Era of Globalization: Sociocultural and Systemic Determination of the Development of New Word-Formation Models</i>	99

Alexandr LUKASHANETS

(Minsk, Belarus)

*Compound Words in a Word-Formation Nest:
Towards the Problem of Intra-Nest and Inter-Nest
Interaction and Intersection 123*

Magdalena PASTUCH

(Katowice, Poland)

*Word-Formation Nests of Old Latin Loanwords
in the Polish Language 141*

Irena STRAMLICH BREZNIK

(Maribor, Slovenia)

*Relevance of Machine-Extracted Four-Suffix Deadjectival
Derivative Sets from the BSSJ Learning Dataset..... 163*

УВОДНА РЕЧ

Овај зборник садржи радове осам учесника тематског блока *Деривациона гнезда у словенским језицима: системности творбене продуктивности*, који ће бити одржан на XVII међународном конгресу слависта у Паризу. Тематски блок је пријављен као блок Комисије за словенску творбу речи Међународног славистичког комитета. Организатор блока је др Рајна Драгићевић, председник ове комисије, а чланови Комисије који учествују у тематском блоку јесу др Цветанка Аврамова (Софија, Бугарска), др Никол Јаночкова (Братислава, Словачка), др Лариса Кисљук (Кијев, Украјина), др Елена Корјаковцева (Сједлице, Пољска), академик Александар Лукашанец (Минск, Белорусија), др Магдалена Пастух (Катовице, Пољска), др Ирена Страмлич Брезник (Марибор, Словенија).

Међународни славистички комитет је на свом заседању једногласно прихватио предложену тему Комисије за словенску творбу речи имајући у виду њен значај.

Системност творбе речи у словенским језицима највидљивија је у деривационим гнездима. Анализом организације деривационих гнезда и односа међу дериватима могу се открити бројне творбено-семантичке законитости између мотивних и мотивисаних речи. Циљ истраживача који учествују у тематском блоку био је да укажу на различите видове системности у деривационим гнездима и да упореде правилности у настајању деривационих ланаца у различитим словенским језицима. Сличности и различитости деривационих ланаца и деривационих гнезда омогућава стицање потпуније слике о најважнијим чињеницама (законитостима и односима) у творби речи у словенским језицима.

Зборник отвара рад Цветанке Аврамове „За някои спорни въпроси при позиционирането на думите в словообразователното гнездо” (О неким спорним питањима у позиционирању речи у творбеном гнезду). У раду се осветљавају нека питања правилног утврђивања односа између деривације и мотивације међу члановима гнезда. Као кључни проблем намеће се питање може ли се неки дериват изводити из једне мотивне речи по облику, а из друге по семантици. Као пример ауторка наводи апстракт-

не именице на *-сѣво* у неким словенским језицима (нпр. *мајчин-сѣво*). Ове именице се могу тумачити као образовања која потичу од придева, али се могу третирати и као творенице именичког порекла. Цветанка Аврамова предност даје семантичком приступу у односу на формални и деривате на *-сѣво* убраја у десупстантивне.

Други рад у зборнику носи наслов „Творбено уланчавање деривата у српском језику (на материјалу *Семантичко-деривационој речника српској језика*)”. Рајна Драгићевић у раду анализира деривациона гнезда соматизама у српском језику, који су обрађени у *Семантичко-деривационом речнику српској језика*. Изненађује чињеница да највећи број деривата у деривационим гнездима ових именица спада у деминутиве и аугментативе, на основу чега се изводи закључак о значају експресивне творбе речи, која је у језику заступљена исто колико и номинациона, а можда је и доминантнија од ње. У раду се затим анализирају значења деминутива и аугментатива из деривационих гнезда соматизама и закључује се да ова образовања имају велик семантички потенцијал. Могу означавати појаве у вези са човеком, биљкама, животињама и предметима. Велика бројност деминутива и аугментатива у деривационим гнездима соматизама објашњава се у раду њиховим богатим семантичким потенцијалом.

Зборник се наставља истраживањем Никол Јаночкове (Nicol Janočková) „(Де)нумерална творбена гнезда у словачком језику” ((De)numerálne slovotvorné hniezda v slovenčine). Описана су деривациона гнезда бројева *нула, један/џрви, два/друџи, џри, чеџири, џеџи, шесџи, седам, осам, деветџи, десетџи, сџо, хиљаду, милион, милијарда, џрилион* и др. Грађа за истраживање преузета је из једнојезичких речника словачког језика. Испоставило се да су деривациона гнезда бројева веома богата и да постоји неколико хиљада деривата насталих од њих. Највише деривата има број *два* (749), а затим следе *један* (449), *десетџи* (426), *џетџи* (376), *џри* (371), *осам* (253), *сџо* (250) итд. Деривација се може развијати до седмог степена, а такву седмостепену деривацију има само број *један*. Бројеви *два* и *десетџи* достижу шестостепене деривате. Осим што имају много деривата, денумерални деривати имају богату полисемију. Из свега се може закључити да бројеви представљају значајну врсту речи са великим творбеним и семантичким потенцијалом. Значај овог рада видимо и у разрађености појмовног и терминолошког апарата који се у њему користи, нпр. SLOVOTVORNÁ PARADIGMA, SLOVOTVORNÝ RAD, STUPNE MOTIVÁCIE, POLYMOTIVÁCIA, који представља тековину сло-

вачке дериватологије, а њој је посебно допринео Ј. Фурдик и његови ученици.

Четврти рад у зборнику написала је Лариса Кисљук (Лариса Кислюк), а он носи наслов „Динамика творбеног гнезда у савременом украјинском језику” (Динаміка словотвірного гнізда в сучасній українській мові). У раду се анализирају творбени процеси унутар различитих типова деривационих гнезда именица у савременом украјинском језику. Ауторка разликује унутрашњу динамику гнезда (*интерну динамику*) и спољашњу динамику гнезда (*екстерну динамику*). Интерна динамика је карактеристична за позајмљенице које већ дуго постоје у украјинском језику и у деривационим подгнездима у саставу коренских деривационих гнезда. Спољна динамика различито структурираних гнезда изражава процесе стицања творбене активности страних речи и манифестује се као трансформација „коренских гнезда” у „коренскотворбена гнезда”. Рад доноси мноштво значајних појмова и термина у вези са деривационим гнездима, који потичу из украјинске дериватолошке школе, а за творбу речи корисне су и одређене дистинкције међу творбено повезаним лексемама: КОРЕНЕВЕ ГНІЗДО, КОРЕНЕВО-СЛОВОВІРНЕ ГНІЗДО, СЛОВОВІРНЕ ГНІЗДО ИТД.

Тема рада Јелене Корјаковцеве (Елена Коряковцева) гласи „Продуктивност хибридних деривата у епохи глобализације: социокултурална и системска детерминисаност развоја нових творбених модела” (Продуктивність гибридных дериватов в епоху глобалізації: соціокультурна і системна детермінованість розвитку нових словообразовательних моделей). Предмет расправе у чланку је *продуктивності* – један од основних појмова модерне дериватологије. С тим у вези, истражује се проблем тумачења творбених процеса који укључују нове афиксе у савременом руском, пољском и чешком језику. Анализирају се унутарјезички и ванјезички фактори који утичу на системску и емпиријску продуктивност нових творбених типова. Ауторка закључује да је унутрашња способност творбеног система да ствара хибридне неодеривате само један од услова који одређују њихов квантитет и квалитет. Степен продуктивности неодеривата одређују пре свега такви екстралингвистички фактори као што су ЛИНГВОКУЛТУРАЛНА ИНТЕРФЕРЕНЦИЈА и ауторитет одређених медијских канала – главних добављача неологизама који одражавају социокултурне, когнитивне и комуникативне приоритете у ери глобализације.

Александар Лукашанец посветио је пажњу месту сложеница у деривационим гнездима белоруског језика. Његов рад носи назив „Сложенице у деривационом гнезду: проблеми унутаргнездовне и међугнездовне интеракције и укрштања” (Складаныя словы ў словаўтваральным гняздзе: да праблемы ўнутрыгнездавога і міжгнездавога ўзаемадзеяння і перасячэння). У чланку се испитује место сложеница у деривационом гнезду, семантичке и формалне мотивационе везе у творби сложеница и њихова могућност да припадају двама гнездима, питање одвајања сложеница у посебна подгнезда итд. У раду се показује да сложенице могу представљати првостепене, другостепене, трећестепене и др. деривате. Сложенице су богато заступљене у деривационим гнездима. Од 476 гнезда простих речи које почињу на слово Д у белоруском језику, чак 63 садржи сложенице. У неким деривационим гнездима сложенице могу сачињавати више од половине чланова. Тако, на пример, у деривационом гнезду лексеме *інездо* има 302 члана, од којих 234 представљају сложенице, у деривационом гнезду лексеме *дом* од 55 чланова чак 33 представљају сложенице, а од 140 чланова деривационог гнезда продева *добар*, 85 чланова спада у сложенице.

У чланку „Творбена гнезда старих латинских позајмљеница у пољском језику” (*Gniazda słowotwórcze dawnych zapożyczeń łacińskich w języku polskim*), ауторка Магдалена Пастух (*Magdalena Pastuch*) анализира творбену продуктивност и семантичку варијабилност најстаријих латинских позајмљеница у пољском језику. Анализа је спроведена на примеру лексема *природа* (*natura*), *страш*, *пасија* (*pasja*) и *афект* (*afekt*). Испитивани су следећи аспекти функционисања позајмљенице у пољском језику: кореспонденција између значења у језику-даваоцу и вредности у језику-примаоцу, стабилност и варијабилност семантичке вредности у пољском језику, утицај активности центра гнезда на семантичке трансформације и стабилност позајмљенице. Прегледом грађе види се да су старе латинске позајмљенице улазиле у пољски језик обично као једнозначне речи, али у току развоја добиле су нова значења. Показало се да је најотпорније значење у проучаваним јединицама доминантно латинско значење. Дијахронијска анализа је показала да су у наредним периодима присуства речи у пољском језику на њено значење утицали и други језици за које је латински такође био језик-давалац. Методологија примењена у овом истраживању представља комбинацију анализе гнезда традиционалне украјинске школе творбе речи са историјско-се-

мантичким методом заснованом на анализи употребе текста. Материјал за истраживање потиче из речника и корпуса који документују стари пољски језик.

Зборник се завршава чланком Ирене Страмљич Брезник (Irena Stramljič Breznik) „Релевантност машински екстрахованих деадјективних деривата са четири суфикса на основу грађе из BSSJ” (Ustreznost strojno izluščenih štiripriponskih izpridevniških besedotvornih nizov iz učne množice BSSJ). У раду се анализирају придевски деривати са четири суфикса на материјалу експерименталног *Речника деривационих гнезда* у словеначком језику. Овај речник садржи 666 деривационих гнезда са 11.136 лексичких јединица. Настао је коришћењем специјалног рачунарског програма на основу грађе из једнојезичких речника словеначког језика. Ауторка је спровела истраживање чији је циљ био да провери колико прецизну творбену анализу могу произвести рачунарски програми. Из примера који су приказани у раду произлази да ће за побољшање машинског препознавања изведеница на основу научених модела, бар у овој фази, бити потребно много додатног ручног прегледа и уклањања нетачно генерализованих међуфаза формирања, а самим тим и суфиксалних секвенци у скуповима суфикса. Рачунар још увек не може прецизно да изврши творбену анализу деривата.

Радови у овом зборнику разноврсни су и садржајни. Феномен деривационог гнезда у словенским језицима осветљавају из различитих углова. Истраживање М. Пастух показује како се деривациона гнезда могу истраживати дијахронијски, а у већини осталих радова представљена је слика деривационих гнезда из перспективе савремених словенских језика. У радовима се анализирају различите творенице, па тако А. Лукашанец испитује сложенице, Ј. Корјаковцева анализира лексеме са префиксима и префиксоидима, Ц. Аврамова, И. Страмљич Брезник и Р. Драгићевић суфиксалне деривате, а у другим радовима углавном се испитују сви типови деривата. Неки аутори су се фокусирали на одређене врсте речи, па тако Н. Јаночкова анализира денумералне деривате, И. Страмљич Брезник се усредредила на деадјективне, Р. Драгићевић на десупстантивне, а у преосталим радовима анализирају се деривати мотивисани различитим речима. Неки аутори, попут Ј. Корјаковцеве и Л. Кисљук, посебну пажњу посвећују неодериватима у творбеним гнездима, док су други више оријентисани на речи из општег лексичког фонда. М. Пастух анализира деривациона гнезда позајмљеница, Е. Корјаковцева истражује

хибридна образовања, а у осталим радовима се углавном испитују словенске речи. У раду Ц. Аврамове и у још неким истраживањима испитује се проблем вишеструке мотивације и немогућности јасног одређења мотивације, док се, на пример, у раду Р. Драгићевић истражују деривати са сасвим јасном мотивацијом. У радовима Ц. Аврамове и Ј. Корјаковцеве спроведена је компаративна анализа словенских језика, а остала истраживања посвећена су само једном словенском језику – белоруском, украјинском, пољском, словачком, српском и словеначком. У скоро свим радовима скреће се пажња на особености деривата с апстрактним значењем у односу на оне са конкретним значењем. У радовима се испитују и експресивна образовања у односу на она која не спадају у ову групу. У раду И. Страмлић Брезник истражују се могућности коришћења компјутерских програма у анализи деривационих гнезда. А. Лукашанец и Р. Драгићевић представљају деривациона гнезда на основу деривационих речника белоруског и српског језика, неки аутори су дошли до грађе послуживши се једнојезичким општим речницима, а неки су користили електронске корпусе.

Разноврсност истраживања огледа се у примењеној методологији. Неки аутори су нагласили да су се у својим анализама користили методама одређених дериватолошких школа словенске творбе речи, а неки су комбиновали методологију у складу са потребама корпуса.

Цео колоплет тема, методологија, разноврсна терминологија, богатство квантитативних података о структури деривационих гнезда у различитим словенским језицима, инспиративни закључци и бројна запажања и напомене чине овај зборник значајним доприносом дериватологији словенских језика. Не сумњамо да ће резултати изнесени у њему представљати допринос за даља истраживања деривационих гнезда словенских језика и за творбу речи уопште.

Београд, 25. фебруар 2025.

Проф. др Рајна Драгићевић
Председник Комисије за словенску творбу речи МКС

Организатор тематског блока *Деривациона гнезда у словенским језицима: системности творбене продуктивности* на XVII међународном конгресу слависта у Паризу, 25–30. VIII 2025.

INTRODUCTION

This volume of proceedings contains papers by eight participants of the thematic session *Derivational Nests in the Slavic Languages: The Systemacity of Word-Formation Productivity*, which will be held at the 17th International Congress of Slavists in Paris. The thematic session was registered as a session of the Commission on Slavic Word-Formation of the International Committee of Slavists. The session convenor is Dr Rajna Dragičević, the Commission Chair, and the Commission members taking part in the thematic session are: Tsvetanka Avramova (Sofia, Bulgaria), Dr Nicol Janočková (Bratislava, Slovakia), Dr Larisa Kislyuk (Kiev, Ukraine), Dr Elena Koriakowcewa (Siedlce, Poland), Academician Alexander Lukashanets (Minsk, Belarus), Dr Magdalena Pastuch (Katowice, Poland) and Dr Irena Stramljič Breznik (Maribor, Slovenia).

In its session, the International Committee of Slavists unanimously accepted the proposed topic of the Slavic Word-Formation Commission, bearing in mind its relevance.

The systemacity of word-formation in the Slavic languages is best visible in derivational nests. Analysis of derivational nest organisation and relations between derivatives can reveal many formation-semantic patterns between the motive and motivated words. The aim of the researchers in the thematic session was to point to the different aspects of systemacity in derivational nests and to compare the regularities in the emergence of derivational chains in diverse Slavic languages. The similarities and differences of derivational chains and derivational nests makes for a fuller picture of the most relevant facts (patterns and relations) in word-formation in the Slavic languages.

The collection opens with Tsvetanka Avramova's paper „За някои спорни въпроси при позиционирането на думите в словообразователното гнездо“ (“On Certain Contentious Issues in Word Positioning in a Derivational Nest”). The paper sheds light on some matters of the regular establishment of relations between derivation and motivation between the nest members. As the main issue, the question arises of whether a derivative can be derived from one motive word by form, and from another by semantics. The author

lists abstract nouns ending in *-stvo* in some Slavic languages as an example (e.g. *majčinstvo*). These nouns can be interpreted as adjective-derived word-formations, but they can also be treated as noun-derived word-formations. Tsvetanka Avramova gives preference to the semantic approach over the formal, and counts the *-stvo* derivatives in desubstantives.

The second paper in the proceedings bears the title “Word-Formation Enchainment of Derivatives in Serbian (on the Material of the *Semantic-Derivational Dictionary of the Serbian Language*)”. In the paper, Rajna Dragičević analyses the derivational nests of somatisms in Serbian, which were treated in the *Semantic-Derivational Dictionary of the Serbian Language*. She expresses surprise at the fact that the highest number of derivatives in derivational nests of these nouns belong to diminutives and augmentatives, on which basis she makes a conclusion on the importance of expressive word-formation which is as frequent in the language as much as nominational word-formation, perhaps even more dominant than the latter. The paper goes on to analyse the meanings of diminutives and augmentatives from the derivational nests of somatisms and concludes that these word-formations have a considerable semantic potential. They can denote phenomena related to humans, plants, animals and objects. The high incidence of diminutives and augmentatives in the derivational nests of somatisms is explained in the paper through their ample semantic potential.

The collection continues with the research of Nicol Janočková “(De)numerical Word-Formation Nests in Slovak” ((De)numerálne slovotvorné hniezda v slovenčine). The derivational nests of the numbers *zero, one / first, two / second, three, four, five, six, seven, eight, nine, ten, hundred, thousand, million, billion, trillion*, etc. are described. The research material was taken from monolingual dictionaries of the Slovak language. It turned out that the derivational nests of numbers are very abundant and that there are several thousand derivatives formed from them. The number *two* has the most derivatives (749), followed by *one* (449), *ten* (426), *five* (376), *three* (371), *eight* (253), *hundred* (250), etc. The derivation can be developed up to the seventh degree, and only the number *one* has such a seven-degree derivation. The numbers *two* and *ten* reach six-degree derivatives. In addition to having many derivatives, denumeral derivatives have a rich polysemy. From all this, it can be concluded that numbers represent a significant part of speech with a great formational and semantic potential. The significance of this paper is also seen in the elaboration of the

conceptual and terminological apparatus used in it, e.g. SLOVOTVORNÁ PARADIGMA, SLOVOTVORNÝ RAD, STUPNE MOTIVÁCIE, POLYMOTIVÁCIA, which represents an achievement of Slovak derivatology, to which J. Furdik and his students contributed in particular.

The fourth paper in the collection was written by Larisa Kislyuk, and it is entitled “The Dynamics of the Word-Formation Nest in Contemporary Ukrainian” (Динаміка словотвірного гнізда в сучасній українській мові). The paper analyses the word-formation processes within different types of derivational nests of nouns in the contemporary Ukrainian language. The author distinguishes between the inner dynamics of the nest (*internal dynamics*) and the exterior dynamics of the nest (*external dynamics*). Internal dynamics is characteristic of loanwords that have long existed in the Ukrainian language and in derivational subnests as part of root derivational nests. The external dynamics of differently structured nests expresses the processes of acquiring the word-formation activity of foreign words and manifests itself as the transformation of “root nests” into “root-formation nests”. The paper introduces a number of significant concepts and terms related to derivational nests, which originate from the Ukrainian derivatological school, and are useful for word-formation and certain distinctions between formationally related lexemes: КОРЕНЕВЕ ГНІЗДО, КОРЕНЕВО-СЛОВОТВІРНЕ ГНІЗДО, СЛОВОТВІРНЕ ГНІЗДО, etc.

The topic of Elena Koriakowcewa’s (Елена Коряковцева) work is “The Productivity of Hybrid Derivatives in the Era of Globalisation: Sociocultural and Systemic Determinism of the Development of New Word-Formation Models” (Продуктивність гібридних дериватів в епоху глобалізації: соціокультурна і системна детермінованість розвитку нових словообразовательних моделей). The subject of the paper is *productivity* – one of the basic concepts of modern derivatology. In this regard, the problem of interpreting the word-formation processes involving new affixes in contemporary Russian, Polish and Czech is investigated. Intralinguistic and extralinguistic factors that influence the systemic and empirical productivity of new word-formation types are analyzed. The author concludes that the internal ability of the word-formation system to create hybrid neoderivatives is only one of the requirements that determine their quantity and quality. The degree of productivity of neoderivatives is determined primarily by such extralinguistic factors as LINGUOCULTURAL INTERFERENCE and the authority of certain media channels – the main suppliers of neologisms that reflect sociocultural, cognitive and communicative priorities in the era of globalisation.

Alexander Lukashanets has researched the position of compounds in the derivational nests of the Belarusian language. His work is entitled “Compounds in the Derivational Nest: Questions of Intra- and Internest Interaction and Crossing” (Складаныя словы ў словаўтваральным гняздзе: да праблемы ўнутрыгнездавога і міжгнездавога ўзаемадзеяння і перасячэння). The article examines the position of compounds in the derivational nest, semantic and formal motivational connections in the formation of compounds and their possibility of belonging to two nests, the issue of separating compounds into separate subnests, etc. The paper demonstrates that compounds can represent first-degree, second-degree, third-degree derivatives, and so on. Compounds are amply represented in derivational nests. Out of 476 nests of simple words beginning with the letter D in the Belarusian language, as many as 63 contain compounds. In some derivational nests, compounds can make up more than half of the members. For example, in the derivational nest of the lexeme *gneздо* there are 302 members, of which 234 are compounds, in the derivational nest of the lexeme *дом* of 55 members as many as 33 are compounds, and out of the 140 members of the derivational nest of the adjective *добар*, 85 members are compounds.

In the article “Word-Formation Nests of Old Latin Loanwords in Polish” (Gniazda słowotwórcze dawnych zapożyczeń łacińskich w języku polskim), the author Magdalena Pastuch analyses the word-formation productivity and semantic variability of the oldest Latin loanwords in Polish. The analysis was conducted on the example of the lexemes *nature* (natura), *passion* (pasja) and *affect* (afekt). The following aspects of the functioning of the loanword in Polish were examined: the correspondence between the meaning in the source language and the value in the recipient language, the stability and variability of the semantic value in Polish, the influence of the activity of the nest centre on the semantic transformations and the stability of the loanword. A review of the material shows that old Latin loanwords usually entered the Polish language as monosemic words, but in the course of development they acquired new meanings. It turned out that the most resistant meaning in the studied units is the dominant Latin meaning. Diachronic analysis showed that in the subsequent periods of the presence of the word in the Polish language, its meaning was also influenced by other languages, for which Latin was also the source language. The methodology applied in this research is a combination of nest analysis of the traditional Ukrainian school of word-formation with a historical-semantic method based on the analysis of text usage.

The material for the research comes from dictionaries and corpora documenting the Old Polish language.

The collection ends with the article by Irena Stramljič Breznik “Relevance of Machine-Extracted Deadjectival Derivatives with Four Suffixes Based on Material from the *BSSJ* Training Set” (Ustreznost strojno izluščenih štiripriponskih izpridevniških besedotvornih nizov iz učne množice *BSSJ*). The paper analyses adjectival derivatives with four suffixes based on the material from the experimental *Dictionary of Derivational Nests in the Slovenian Language*. This dictionary contains 666 derivational nests with 11,136 lexical units. It was created using a special computer programme based on material from monolingual dictionaries of the Slovenian language. The author conducted research aimed at testing how precise a derivational analysis could be when produced by computer programmes. From the examples presented in the paper, it follows that improving machine recognition of derivatives based on learned models, at least at this stage, will require a lot of additional manual review and removal of incorrectly generalised intermediate stages of word-formation, and therefore suffixal sequences in suffix sets. A computer cannot yet accurately perform the word-formation analysis of derivatives.

The papers in this collection are diverse and informative. The phenomenon of derivational nests in Slavic languages is illuminated from different angles. M. Pastuch’s research shows how derivational nests can be investigated diachronically, and most of the other papers present a picture of derivational nests from the perspective of contemporary Slavic languages. The papers analyse different complex words, so A. Lukashanets examines compounds, E. Koriakowcewa analyses lexemes with prefixes and prefixoids, Ts. Avramova, I. Stramljič Breznik and R. Dragičević analyse suffixal derivatives, and the other papers generally examine all types of derivatives. Some authors focused on certain types of words, so N. Janočková analyses denominal derivatives, I. Stramljič Breznik focused on deadjectivals, R. Dragičević focuses on desubstantives, while the remaining papers analyse derivatives motivated by different words. Some authors, such as E. Koriakowcewa and L. Kislyuk, pay special attention to neoderivatives in formation nests, while others are more oriented towards words from the general lexical stock. M. Pastuch analyses derivational nests of loanwords, E. Koriakowcewa investigates hybrid word-formations, and the other papers mainly examine Slavic words. In the paper by Ts. Avramova and some other studies, the problem of multiple motivation and the impossibility of clearly determining

motivation is examined, while, for example, in the article by R. Dragičević, derivatives with quite clear motivation are investigated. The texts by Ts. Avramova and E. Koriakowcewa conducted a comparative analysis of Slavic languages, while other research is devoted to only one Slavic language – Belarusian, Ukrainian, Polish, Slovak, Serbian and Slovenian. Almost all the works draw attention to the peculiarities of derivatives with abstract meaning in relation to those with concrete meaning. The papers also study expressive word-formations in relation to those that do not belong to this group. In the paper by I. Stramljič Breznik, the possibilities of using computer programmes in the analysis of derivational nests are explored. A. Lukashanets and R. Dragičević present derivational nests on the basis of derivational dictionaries of the Belarusian and Serbian languages, while some authors obtained their material using monolingual descriptive dictionaries, and some used electronic corpora.

The diversity of the research is reflected in the applied methodology. Some authors emphasised that in their analyses they used the methods of certain derivatological schools of Slavic word-formation, while some combined the methodology in accordance with the needs of the corpus.

The whole range of topics, methodology, diverse terminology, the wealth of quantitative data on the structure of derivational nests in different Slavic languages, inspiring conclusions and numerous observations and notes make this collection a significant contribution to the derivatology of Slavic languages. We have no doubt that the results presented in it will contribute to further research into derivational nests of Slavic languages and word-formation in general.

Belgrade, February 25, 2025

Professor Dr Rajna Dragičević
Chair of the Commission on Slavic Word-Formation
of the International Committee of Slavists

Organiser of the Thematic Session
*Derivational Nests in the Slavic Languages: The Systematicity of
Word-Formation Productivity* at the 17th International Congress
of Slavists in Paris, August 25–30, 2025

Превео на енглески др Сергеј Мацура

ЦВЕТАНКА АВРАМОВА*
Софийски университет „Св. Климент Охридски“
Факултет по славянски филологии
Катедра по славянско езикознание

ЗА НЯКОИ СПОРНИ ВЪПРОСИ ПРИ ПОЗИЦИОНИРАНЕТО НА ДУМИТЕ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛНОТО ГНЕЗДО

Настоящото изследване се фокусира върху някои проблеми, отнасящи се до правилното определяне на отношенията на производност и мотивация между членовете на словообразователното гнездо. Тези проблеми са обсъждани многократно в научната литература, но липсва единство в мненията на изследователите. Във връзка с анализа на някои абстрактни съществителни имена, съдържащи суфикс **-ctv(o) //-ství/- (c)tví //-stv(o) -(c)tv(o)** в славянските езици, се поставя въпросът може ли да има разминаване между производността (разбирана като изводи-мост на една дума от друга еднокоренна дума на формално равнище) и мотивацията (разбирана като семантична обусловеност на дадена дума от друга еднокоренна дума), т.е. може ли по форма даден дериват да се извежда от една дума, а по семантика – от друга. Засяга се и въпросът за т. нар. множествена (неединствена) мотивация и множественост на словообразователната структура. Решението на поставените въпроси е пряко свързано с точното позициониране на думите в словообразователното гнездо и определянето на системните отношения между тях.

Ключови думи: словообразователно гнездо, абстрактни съществителни, мотивация, производност, форма, значение, словообразователна структура.

0.1. В славянската дериватология словообразователното гнездо (по-нататък СГ) се разглежда като йерархично подредена съвкупност от еднокоренни думи, свързани с отношения на словообразователна производност/мотивация. Връх на СГ е непроизводната дума, с която всички останали думи – членове на гнездото, се намират в отношения на непосредствена или опосредствана мотивация. СГ има строго определена структура, изградено е на принципа на последователното подчинение (йерар-

* avramova.cv@slav.uni-sofia.bg, ORCID: 0000-0001-8084-258X

хия). На хоризонталната ос (в синтагматичен план) като част от гнездото се откроява словообразователната верига, която е изградена от еднокоренни думи, свързани помежду си в отношения на последователна производност, т.е. всяка следваща дума във веригата е производна от предходната. По вертикала (в парадигматичен план) в качество на основна единица на СГ се явява словообразователната парадигма¹ – подредена съвкупност от всички производни / мотивирани думи, образувани непосредствено от една и съща произвеждаща / мотивираща дума, които не се намират помежду си в отношение на непосредствена мотивация (Тихонов 1985: 41; Furdík 2004: 74).

0.2. От горното следва, че за групирането на производните еднокоренни думи в СГ е необходимо най-напред да бъдат точно определени отношенията на производност/мотивация между тях. Като основополагащи за словообразователната подсистема на езика (в рамките на лексикалната система) тези отношения са изследвани многократно в славистичната литература от последните няколко десетилетия. Но въпреки това има въпроси, които според мен досега не са получили задоволително решение и си струва да бъдат обсъдени отново.

1.0. Самите понятия *производност* и *мотивация* се разбират от отделните автори нееднозначно. Без да имам претенции за изчерпателност (такава едва ли е възможна в рамките на един кратък доклад), ще посоча, че в редица изследвания терминът *производност* се употребява само в диахронен план, докато на синхронно равнище се използва терминът *мотивация*. Други автори обаче употребяват и двата термина на синхронно равнище, като свързват производността с формалната изводимост, а мотивацията – със семантичната обусловеност на производната / мотивираната дума от една и съща произвеждаща / мотивираща лексикална единица (лексикални единици), или използват термините производност и мотивация като синонимни и взаимозаменяеми (вж. по-подробно Аврамова 2003: 15–17).

По-нататък ще бъдат приведени някои дефиниции на двата термина в синхронен план.

1.1. Така например в предговора на „Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка“ В. В. Лопатин и И. С. Улуханов определят „словообразователно мотиви-

¹ В славистиката има и други становища за словообразователната парадигма, които тук няма да бъдат дискутирани, тъй като не са пряко свързани с темата на изследването.

раните думи” като „думи, значението и звученето на които са обусловени в съвременния език от други енокоренни думи (мотивиращи или производни). Мотивираните думи се осъзнават като образуванни от мотивиращите: *стол* – *столик* «маленький стол», *белый* – *белеть* «становиться белым» (Лопатин, Улуханов 2016: 22)². В цитирания труд понятията мотивация и производност, съответно мотивирана и производна дума, се употребяват като синоними, срв.: „Все слова делятся на словообразовательно мотивированные (производные) и немотивированные (непроизводные) (разредката на авторите, заб. моя, Ц.А.)” (Лопатин, Улуханов 2016: 22). По-нататък обаче се употребяват единствено термините мотивация, мотивирана дума.

1.2. За словашките изследователи Ян Хорецки, Кл. Бузашиова, Ян Босак и др. словообразователната мотивация е „диалектично, синхронно осъзнавано формално-семантично отношение между най-малко две думи, едната от които – изходна, мотивираща – се съдържа формално (чрез съвкупността от морфеми с изкл. на граматичните) и семантично в другата, производната, мотивираната дума” (Horecký, Buzássyová, Bosák a kol. 1989: 28).

1.3. Като словообразователно мотивирани в някои нови словашки дериватологични трудове се разглеждат еднословните названия, образуванни от други еднословни или многословни названия чрез промяна на формалната и семантичната им структура, в резултат на което възникват формално и семантично разчленени лексеми³.

1.4. Разлика между производност и мотивация на синхронно равнище прави авторът на ономаσιологичната теория М. Докулил. Според него отношението производност се изразява в това, че дадена дума, обикновено по-сложна по семантика и форма (производна), се основава на друга, обикновено по-проста по семантика и форма, а мотивационното отношение се състои в това, че мотивираната дума се обяснява, онагледява чрез връзката си с друга дума, която е нейна мотивираща (Dokulil 1962: 11, 124; Petr, red. 1986: 206–209; Dokulil 1996: 79–80). М. Докулил изтъква, че както производността, така и мотивацията се отнасят до двете страни на думата – формалната и семантичната, но

² Навсякъде преводът мой, Ц.А.

³ „Slovotvorne motivované sú jednoslovné pomenovania vzniknuté z iných pomenovaní alebo kombinácii pomenovaní na základe zmeny morfematickej štruktúry. (...) Zmena sa realizuje na úrovni formy aj na úrovni významu; výsledkom tohto procesu je formálne a sémanticky rozčlenená lexéma” (Ološtiak, ed. 2015: 91).

същевременно подчертава, че когато се говори за производност, се има предвид на първо място формата, а при мотивацията – значението (Dokulil 1996: 80), и че посоките на производност и мотивация винаги съвпадат (Petr, red. 1986: 209).

2.0. От приведените (предимно по-нови) дефиниции се вижда, че мотивацията и производността са тясно свързани и неотделими една от друга; те могат да бъдат характеризирани като две страни на една монета. Независимо от нюансите в отделните дефиниции, всички те включват изискването мотивираната / производната дума да е формално и семантично съотносима с друга енокоренна лексема⁴, т.е. *съотносима както по форма, така и по значение с една и съща енокоренна лексема*. Това аксиоматично изискване, залегнало във всички дефиниции на словообразователната мотивация / производност (не ми е известно то да е било предмет на спорове), обаче в словообразователния анализ на конкретни типове думи в славянските езици не винаги се спазва.

2.1. Отклонение се наблюдава например при интерпретацията на някои абстрактни съществителни имена, съдържащи суфикс **-ств(о) // -ství / -(c)tví // -stv(o) / -(c)tv(o)**, които по форма се съотнасят както със съществителни имена за лица, така и с относителните прилагателни, производни от тези съществителни за лица. Става дума за деривати от типа: бълг. *градинарство, директорство, епикурейство, лихварство, мениджърство, майчинство, моминство, ницшеанство, пленничество*; рус. *директорство, материнство, ницшеанство, отцовство, секретарство, ткачество, толстовство, франтовство*; чеш. *holičství, hornictví, kominictví, mateřství, otcovství, vdovství, vůdcovství, střelectví*; слш. *bačovstvo, dobráctvo, ošetrovatelstvo, otcovstvo, rodičovstvo, vdovstvo, vychovávateľstvo* и др. под.

2.1.1. В редица дериватологични трудове отделни деривати и групи деривати от разглеждания тип се интерпретират по различен начин. В много изследвания (напр. Шведова, ред. 1970: 93–94; Шведова, ред. 1980: 177; Petr, red. 1986: 297; Karlík, Nekula, Rusínová, ed. 1995: 138; Лопатин, Улуханов 2016) те се разглеждат като деривати на относителните прилагателни – от една страна, по аналогия на съществителните, мотивирани / производни от качествени прилагателни като *богатство, достойнство* (от

⁴ Или повече от една лексема (при композицията).

богат, достоен)⁵ и под., и от друга, поради по-голямата им формална близост (наличие на едни и същи морфеме и морфонологични редувания) с относителните прилагателни, напр.: рус. *мать* – *материнский* – *материнство*, *студент* – *студенческий* – *студенчество*, *шут* – *шутовский* – *шутовство*; чеш. *předseda* – *předsednický* – *předsednictví*, *krejčí* – *krejčovský* – *krejčovství*, *matka* – *mateřský* – *mateřství*; слш. *otec* – *otcovský* – *otcovstvo*, *dobrák* – *dobrácký* – *dobráctvo*.

2.1.2. В други славистични трудове обаче абстрактните съществителни се приемат за десубстантивни (Grzegorzczkova, Laskowski, Wróbl, red. 1998: 449–450; Štícha, ed. 2013: 140–141; Štícha, ed. 2018: 418–420); често се допуска също така двойна или тройна мотивация на някои имена (напр. Dokulil 1996: 93; Štícha, ed. 2013: 148; Šimandl, ed. 2016: 557–558; Štícha, ed. 2018; Ološtiak, Ivanová, ed. 2021: 546–549 и др.; преглед на становищата вж. в Bosák, Buzássyová 1985: 85–117) или се говори за паралелна мотивация на абстрактните съществителни и относителните прилагателни от съществителните за лица – когато основата на относителното прилагателно на **-sk(ý)** (в чешкия език) и съществителното на **-stv(í)** съвпадат (Pert, ed. 1986: 297). За различен подход при отделните типове абстрактни съществителни на **-stv(o)** в словашкия език и за различни решения при всеки тип апелира Кл. Бузашиова (Bosák, Buzássyová 1985: 85–117; Buzássyová 2018: 33–36).

2.1.3. В българското езикознание като деадективни се разглеждат съществителни, назоваващи роднински отношения, от типа *майчински*, *бащински* (Андрейчин 1978: 99), докато съществителните от типа *градинарство*, *директорство* и под. се приемат за десубстантивни, производни от названията на лица (Андрейчин 1978: 98; Стоянов, ред. 1983: 64; Стоянов 1984: 182; Радева 1991: 146–147). В „Словообразователен речник на съвременния български книжовен език“ (Пенчев, ред. 1999) се наблюдава непоследователност в това отношение, напр. еднотипните съществителни *бащинство*, *майчинство* са представени по два различни начина: *бащинство* – от *баща*; *майчинство* – от *майчин*; срв. също: *лихварство*, *учителство*, *християнство*, *моминство* и др. – от *лихвар*, *учител*, *християнин*, *мома*, но *учебникарство*, *фарисейство* и др. – от *учебникарски*, *фарисейски*; все пак преобла-

⁵ Производите от качествени прилагателни не са обект на настоящото изследване.

даващата част от разглежданите съществителни в речника са характеризирани като десубстантивни (вж. по-подробно Аврамова 2024б).

2.2. Групата на абстрактните съществителни имена, съдържащи суфикс **-ств(о) // -stv(ĭ) / -(c)tv(ĭ) // -stv(o) / -(c)tv(o)**, не е еднотипна, и за отделните типове са възможни различни решения. Прави впечатление обаче фактът, че *значението на деадективните деривати обикновено се извежда от значението на съществителните имена за лица*, т.е. от опосредствано мотивиращите ги думи, а не от непосредствено мотивиращите ги относителни прилагателни (Petr, red. 1986: 298; Šimandl, ed. 2016: 558 и др.; по този въпрос вж. по-подробно Аврамова 2024а).

2.2.1. Така например в „Грамматика современного русского литературного языка“ (Шведова, ред. 1970: 93–94) се посочва, че абстрактните съществителни с двойна (структурна, формална) мотивация – от относителни прилагателни и от съществителни за лица или животни – се мотивират семантично от названията на лица или животни. Отделните типове значения на дериватите се определят в зависимост от значението на семантично мотивиращите ги думи. Този принцип е още по-ясно формулиран в „Русская грамматика“ (Шведова, ред. 1980: 177), където се изтъква: „Существительные этого типа, непосредственно мотивированные относительными прилагательными, опосредствованно мотивируются существительными со знач[ением] лица, которыми, в свою очередь, мотивированы эти прилагательные.”

Типовите лексикални значения на абстрактните съществителни отново са изведени въз основа на значенията на опосредстващо мотивиращите ги съществителни имена. Класификациите на значенията в двете академични руски граматики в по-голямата си част съвпадат. Дефинирани са следните значения:

- 1) При мотивираните от нарицателни съществителни за лица – значенията: ‘свойство на характера или черти на поведението на лицето’ (*геройство, чуждачество*), ‘родствено отношение’ (*материнство, супружество*), ‘възрастово състояние’ (*детство, юношество*), ‘обществено явление’ (*рабство, крепостничество*), ‘принадлежност към социална прослойка’ (*купечество, крестьянство*), ‘национална и етническа принадлежност’ (*еврейство, славянство*), ‘идеологическо течение’ (*народничество, славянофильство*), ‘религиозно направление’ (*мусуль-*

- манство, католичество), 'занятие на лицето' (шпионство, учительство), 'пребиваване в длъжност, упражняване на власт на лицето' (королевство, директорство), 'звание, титла' (нѣрство, графство), 'прилика към лице по черти на характера, поведение' (барство, лакейство).
- 2) При мотивираните от собствени имена: 'обществено или идеологическо течение, свързано с името на лицето' (нищѣанство, толстовство), 'прилика към лицето по черти на характера, поведение' (донжуанство, донкихотство).
 - 3) При съществителните, мотивирани от названия на животни – 'сходство с животното по поведение' (свинство, попугайство) (Шведова, ред. 1980: 177; по сходен начин: Шведова, ред. 1970: 93–94).

Като десубстантивни в цитираните граматики са разглеждани само абстрактните деривати, които не могат да бъдат съотнесени с еднокоренни прилагателни поради факта, че такива в езика не съществуват.

2.2.2. В „Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка“ значителна част от изброените по-горе групи съществителни обаче са характеризирани като десубстантивни, но при някои от тях се допуска и „едновременна мотивация“ от прилагателни (вж. по-подробно Лопатин, Улукханов 2016: 640–643). Откроени са следните значения на деадективните деривати:

- 1) „родственное, общественное или иное состояние, занятие лица, отношение к которому указано мотивирующим прл. [прилагательным]“, напр.: *материнский* – *материн-ств-о* 'состояние и чувства матери'; по същия начин: *отцовский* – *отцов-ств-о*, *кумовский* – *кумов-ств-о*, *жениховский* – *женихов-ств-о* 'пребывание женихом', *королевский* – *королев-ств-о* 'деятельност, провление короля, королевская власть' и др.;
- 2) „свойство характера или черты поведения лица, отношение к которому указано мотивирующим прл. [прилагательным]“, напр.: *франтовской* – *франтов-ств-о* 'поведение, свойственное франту', *мотовской* – *мотов-ств-о* и др.;
- 3) „идеологическое, общественное, научное течение, связанное с именем лица, отношение к которому указано мотивирующим прл. [прилагательным]“: *толстовский*

– *толстов-ств-о* ‘толстовское учение, учение Льва Толстого’, *кантианский* – *кантиан-ств-о*, по същия начин: *ницшеан-ств-о*, *эпикурей-ств-о* и др.;

- 4) „общественная система, сфера деятельности, религиозное направление, физическое или иное явление, называемое также словосочетанием с моривирующим прл. [прилагательным] в роли определения”: *земское самоуправление* – *зем-ств-о*, *крепостнический строй* – *крепостнич-еств-о*, *католическая вера* – *католич-еств-о*, *электрическая энергия* – *электрич-еств-о*, *вегетарианское питание* – *вегетариан-ств-о* и др. (вж. по-подробно Лопатин, Улуханов 2016: 639).

2.2.3. Някои еднотипни по значение имена в речника са представени като деадективни и като десубстантивни. Например съществителните със значение „свойство характера или черты поведения лица, отношение к которому указано мотивирующим прл. [прилагательным]” (вж. по-горе зн. 2) и „черты характера и поведения, свойственное лицу, названному мотивирующим сщ. [существительным]”. Към първите се отнасят напр.: *франтовство* ‘поведение, свойственное франту’ (от *франтовской*) и др. (вж. по-горе), а към вторите: *чудач-еств-о* ‘черты характера и поведения чудака’ (от *чудак*), също: *герой-ств-о* (от *герой*), *невеж-еств-о* (от *невежа*) и др. (Лопатин, Улуханов 2016: 639–640).

2.2.4. При някои деривати се допуска „едновременно мотивация” от съществително и прилагателно, напр.: *холопство* (от *холоп* и *холопский*) ‘поведение холопа, холопское’, *хулиганство* (от *хулиган* и *хулиганский*), *ткачество* (от *ткач* и *ткацкий*) ‘ремесло ткача, ткацкое’, *секретарство* (от *секретарь* и *секретарский*) ‘дела, обязанности секретаря, секретарские’, *супружество* (от *супруг* и *супружеский*) ‘жизнь, отношения супругов; супружеская жизнь, супружеские отношения’, *фарисейство* (от *фарисей* и *фарисейский*) и др. (Лопатин, Улуханов 2016: 642).

3.0. Неоднозначната интерпретация на еднотипни по значение деривати свидетелства за трудностите при установяването на формалната и семантична мотивация на изследваните съществителни. Същевременно тя поставя въпроса дали е уместно по форма някои деривати да се извеждат (образуват) от една дума, а по семантика – от друга. Ако се върнем на представените по-горе примери от Лопатин, Улуханов 2016, ще видим, че *първите три типа значения на деадективните абстрактни съществителни в*

речника са дефинирани чрез значенията на опосредствано мотивиращите ги съществителни за лица, които са и непосредствено мотивиращи (произвеждащи) по отношение на относителните прилагателни: 'състояние / занятие / поведение... на лицето, отношението към което е указано от мотивиращото прилагателно'. Самата дефиниция на типовото лексикално значение на някои деривати, както и дефинициите на конкретните деривати, съдържат опосредствано мотивиращата дума; срв. представените по-горе дефиниции на *материнство*, *жениховство*, *франтовство*.

Този факт едва ли е случаен. Невъзможността да се формулира значението на абстрактните съществителни чрез значението на относителните прилагателни се състои в характера на самите прилагателни. За разлика от качествените, относителните прилагателни не назовават статичен признак (качество, свойство), а отношение към субстанция⁶.

3.1. Формалното образуване (деривирание) на думите от едни произвеждащи думи, а семантичната им изводимост от други еднокоренни думи, в руските дериватологични трудове се обозначава като „разцепване на формалната и семантична мотивация“ („разщепление формальной и семантической мотивации“) – определение на О.П. Ермакова (Ермакова 1972а: 68; Ермакова 1972б: 102⁷ – цит. по Buzássyová 2018: 33); по-рядко разминаването между формалната и семантичната съотнесеност се свързва с производността („расхождение отношений формальной и смысловой производности“) (Земская 2011: 71–75). Допускането на такава възможност обаче според мен представлява отклонение от изискването производната / мотивираната дума да се извежда както по форма, така и по семантика от *една и съща дума* – изискване, залегнало във всички дефиниции на производността и мотивацията. Всяко изключение от това правило би размило

⁶ Някои автори (напр. Д. Шлосар) изразяват мнението, че в такива случаи отношението (изразено чрез произвеждащото прилагателно) се разбира като признак на субстанция; в деривационния процес признакът се еманципира от своя носител и се схваща като независим, напр. *přátelský* – *přátelství* (Karlík, Nekula, Rusínová, ed. 1995: 138). Разбирането на отношението, релацията, като признак, според мен е възможно само при определени деривати, и то на лексикално равнище (на равнище лексикално значение).

⁷ Авторката го формулира във връзка с изследването на формалната и семантична изводимост на наречията от типа *по-писателски*, които по форма и значение може да бъдат съотнесени както с прилагателни (в случая: *писательский*), така със съществителни (*писатель*), но по значение – само със съществителните.

критериите за установяване на производност и мотивация между енокоренните думи, би довело до определянето на производността / мотивацията като съотнасяне не между две (или повече) думи (лексеми), свободнофункциониращи в езика, а между дума и корен – нали и съществителните за лица, и относителните прилагателни съдържат същия корен, както абстрактните съществителни.

3.2. Всичко това ми дава основания да отхвърля тезата за разцепване на формалната и семантичната мотивация. Как обаче да бъдат разрешени случаите, предизвикващи затруднения? От една страна, не може да бъде подминато по-голямото формално сходство между някои абстрактни съществителни и енокоренните относителни прилагателни. От друга страна, значението на абстрактните деривати почти от всички автори напълно основателно се извежда от значението на съществителните имена за лица. Изход от този омагьосан кръг виждам не в разминаване между формалната и семантичната изводимост на разглежданите деривати, а в промяна на фокуса на тяхното изследване, т.е. в прилагането на подхода от семантика към форма. Словообразователният анализ, изхождащ не от формалната прилика, а от значението, би обяснил възникналото противоречие, тъй като би показал, че *абстрактните деривати се мотивират и по значение, и по форма от едни и същи лексеми – съществителните имена*. Това означава, че в структурата на дериватите съгласно мнението на Кл. Бузашиова (Bosák, Buzássyová 1985: 112) би следвало да бъдат отделени разширени суфикси, съдържащи десемантизирани морфи **-ов-/-ов-**, **-ен-/-ен-** и др., напр.: бълг. *майка* – *майч-инство*, *баща* – *бащ-инство*; рус. *отец* – *отс-овств-о*⁸, *жених* – *жен-них-овств-о*, *Ницше* – *ницше-анств-о*; чеш. *krejčí* – *krejč-ovstv-í*, *lotr* – *lotr-ovstv-í*, *matka* – *mat-eřství* и др.

4.0. Може би този подход би довел до по-точно и еднозначно установяване на мотивационните отношения и в случаите на т. нар. полимотивация, означавана в дериватологичната литература като „неединствена мотивация“, „множествена мотивация“, „едновременна мотивация“, водеща много често и до различно членение на производната / мотивираната дума на словообразователна основа и формант (т. нар. „множественост на словообразователната структура“). За илюстрация ще посоча „Slovník slovotvorných prostředků v slovenčine“ (Ološtiak, Ivanová, ed.

⁸ Срв. Тихонов 1978.

2021), в който значителна част от разглежданите съществителни на **-stv(o)** са представени като полимотивирани, с различна словообразователна структура, срв. *bežkársky* – *bežkár-stvo* // *bezkár* – *bežkár-stvo* // *bežky* – *bežk-árstvo*; *herecký* – *herec-tvo* // *herec* – *herec-tvo* // *hrát* – *her-ectvo*; *zpravodajský* – *zpravodaj-stvo* // *dávat správy* – *sprav-o-daj-stvo* и мн. др. (вж. по-подробно Ološtiak, Ivanová, ред. 2021: 546–549). Остава неясно дали всички посочени мотивации са еднакво силни и как „полимотивираните“ думи – особено тези с „множествена словообразователна структура“ – биха били представени в речник на словообразователните гнезда.

5.0. Отношенията на производност и мотивация са основополагащи за словообразователната подсистема на езика. От тяхното определяне зависи точното позициониране на думите в СГ и установяването на системните връзки между тях. Адекватното решаване на спорните въпроси, свързани с производността и мотивацията, също така би облекчило работата по съставянето на гнездови деривационни речници на славянските езици.

ЦИТИРАНА ЛИТЕРАТУРА

- АВРАМОВА Цв. *Словообразователни тенденции при съществителните имена в българския и чешкия език в края на XX век*. София: Херон Прес, 2003.
- АВРАМОВА Цв. „Словообразователна и семантична структура на абстрактните съществителни с формант *-(e)ctв(o)//-stv(i)/-(c)tv(i)* в българския и чешкия език (дискусионни въпроси)”. В: *Česká slovo tvorná koncepce v kontextu slovanské jazykovědy*. I. Bozděchová, B. Niševa, K. Skwarska, eds. Praha: Academia, 2024a: 201–212.
- АВРАМОВА Цв. „За мястото на българските и чешките абстрактни съществителни с формант *-(e)ctв(o)//-stv(i)/-(c)tv(i)* и неговите варианти в словообразователното гнездо”. В: *Stopenjsko besedotvorje. Ljubljana*. Сборник от конференция. Под печат, 2024б.
- АНДРЕЙЧИН Л. *Основна българска граматика*. София: Наука и изкуство, 1978.
- ЕРМАКОВА О. П. „О некоторых закономерностях в расщеплении структурной и семантической мотивации производного слова”. В: *Актуальные проблемы русского словообразования*. Тихонов, А. Н., ред. Самарканд: Самаркандский государственный университет им. А. Навои, 1972а: 68–72.
- ЕРМАКОВА О. П. „Выступление О. П. Ермаковой”. В: *Актуальные проблемы русского словообразования*. Тихонов А. Н., ред. Самарканд:

- Самаркандский государственный университет им. А. Навои, 1972б: 102–106.
- ЗЕМСКАЯ Е. А. *Современный русский язык. Словообразование. Учебное пособие*. Москва: Наука, 2011.
- ЛОПАТИН В. В., УЛУХАНОВ И. С. *Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка*. Москва: Азбуковник, 2016.
- РАДЕВА В. *Словообразуването в българския книжовен език*. София: УИ „Св. Климент Охридски“, 1991.
- СТОЯНОВ Ст. *Граматика на съвременния български книжовен език*. Т. 2. *Морфология*. София: БАН, 1983.
- ТИХОНОВ А. Н. „Основные понятия русского словообразования“. В: *Словообразовательный словарь русского языка*. Т. 1. Москва: Русский язык, 1985: 18–52.
- ШВЕДОВА Н. Ю., ред. *Грамматика современного русского литературного языка*. Москва: Наука, 1970.
- ШВЕДОВА Н. Ю., ред. *Русская грамматика*. Т. I. Москва: Наука, 1980.

*

- BOSÁK J., BUZÁSSYOVÁ K. *Východiská morfémovej analýzy*. Bratislava: Veda, 1985.
- BUZÁSSYOVÁ K. „O rozštiepení štruktúrnej a sémantickej motivácie slov s formantom -stvo“. In: *Ako sa rodia a žijú slová*. II. *Výber z diela Kláry Buzássyovej*. B. Chocholová, N. Janočková (ed.) Bratislava: Veda, 2018: 33–36.
- DOKULIL M. *Tvoření slov v češtině*. 1. *Teorie odvozování slov*. Praha: Academia, 1962.
- DOKULIL M. „Tvoření slov“. In: *Čeština – řeč a jazyk*. M. Čechová a kol. Praha: ISV nakladatelství, 1996: 76–132.
- FURDÍK J. *Slovenská slovo tvorba (Teória, opis, cvičenia)*. M. Ološtiak, ed. Prešov: Náuka, 2004.
- GRZEGORCZYKOWA R., LASKOWSKI R., WRÓBL H., red. *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia*. Wydanie drugie, zmienione. Warszawa, 1998.
- HORECKÝ J., BUZÁSSYOVÁ K., BOSÁK J. a kol. *Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny*. Bratislava, 1989.
- KARLÍK P., NEKULA M., RUŠINOVÁ Z., ed. *Příruční mluvnice češtiny*. Brno: NLN, 1995.
- OLOŠTIAK M., ed. *Kvalitatívne a kvantitatívne aspekty tvorenia slov v slovenčine*. Prešov, Filozofická Fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2015.
- OLOŠTIAK M., IVANOVÁ M, ed. *Slovník slovo tvorných prostriedkov v slovenčine*. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove, 2021.
- PETR J., red. *Mluvnice češtiny*. 1. *Fonetika. Fonologie. Morfonologie a morfemika. Tvoření slov*. Praha: Academia, 1986.
- ŠIMANDL J., ed. *Slovník afixů užívaných v češtině*. Praha: Karolinum, 2016.

- ŠTÍCHA F., *Akademická gramatika spisovné češtiny*. Praha: Academia, 2013.
- ŠTÍCHA F., ed. *Velká akademická gramatika spisovné češtiny 1. Morfologie: Druhy slov / Tvoření slov*. Část 1, 2. Praha: Academia, 2018.

Цветанка Аврамова

О НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ ВОПРОСАХ РАСПОЛОЖЕНИЯ СЛОВ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ГНЕЗДЕ

Резюме

Настоящее исследование посвящено ряду проблем, касающихся правильного определения направления производности и мотивации между членами словообразовательного гнезда. Эти проблемы неоднократно обсуждались в научной литературе, однако единства во мнениях исследователей нет. Сами понятия производность и мотивация неоднозначно понимаются отдельными авторами. Но независимо от нюансов в их определениях, во всех них существует аксиоматическое требование того, чтобы мотивированное/производное слово было формально и семантически связано с другой однокорневой лексемой, т.е. соотносимо по форме и значению одной и той же родственной лексеме. Однако при словообразовательном анализе в некоторых типов слов в славянских языках это требование не всегда соблюдается. Отклонение от него наблюдается, например, в толковании абстрактных существительных, содержащих суффикс **-ctb(o) // -ství / -(c)tví // -stv(o) / -(c)tv(o)**, которые по форме относятся как к существительным, обозначающим лица, так и к относительным прилагательным, образованным от этих существительных, напр.: болг. *градинарство, епикурејство, лихварство, майчинство*; рус. *директорство, ницшеанство, отцовство*; чеш. *holičství, mateřství, vdovství*; слш. *bačovstvo, dobráctvo, rodičovstvo* и т.п.

Во многих исследованиях такие существительные рассматриваются как производные от относительных прилагательных – с одной стороны, по аналогии с существительными, мотивированными/производными от качественных прилагательных, а с другой – в силу их большей формальной близости к относительным прилагательным, напр.: рус. *мать – материнский – материнство*; чеш. *předseda – předsednický – předsednictví*; слш. *otec – otcovský – otcovstvo*.

В других исследованиях абстрактные существительные принимаются как десубстантивные; нередко допускается также двойная или тройная мотивация некоторых существительных, или принимается

параллельная мотивация от относительных прилагательных и от существительных, называющих лица.

Значение деадективных производных обычно выводится из значения существительных, т.е. опосредствованно мотивирующих слов, а не из значения непосредственно мотивирующих относительных прилагательных. Невозможность дефинировать значение абстрактных существительных через значение относительных прилагательных обусловлена природой самих прилагательных – в отличие от качественных прилагательных, относительные прилагательные называют не статический признак, а отношение к субстанции.

Допуск «расщепления формальной и смысловой мотивации» – это отклонение от требования, чтобы производное/мотивированное слово было образованным и по форме, и по семантике от одного и того же слова – требования, присущие всем дефинициям производности и мотивации. Во избежание такого несоответствия формальной и семантической мотивации мы полагаем, что анализ производных слов должен основываться не на формальной, а на семантической стороне. Предпочтение семантическому подходу показывает, что анализируемые абстрактные существительные мотивированы как по значению, так и по форме одними и теми же лексемами – именами существительными.

Ключевые слова: словообразовательное гнездо, абстрактные существительные, мотивация, производность, форма, значение, словообразовательная структура

РАЈНА ДРАГИЋЕВИЋ*
Универзитет у Београду
Филолошки факултет
Катедра за српски језик са јужнословенским језицима

ТВОРБЕНО УЛАНЧАВАЊЕ ДЕРИВАТА У СРПСКОМ ЈЕЗИКУ (НА МАТЕРИЈАЛУ СЕМАНТИЧКО-ДЕРИВАЦИОНОГ РЕЧНИКА СРПСКОГ ЈЕЗИКА)

У раду се анализирају деривациона гнезда соматизама који су обрађени у *Семантичко-деривационом речнику српског језика*. Творбено уланчавање соматизама представљено је тако што су изложени подаци о броју деривата добијених суфиксацијом сваког соматизма, а затим су сви деривати разврстани у тематске групе. Утврђено је да међу дериватима соматизама има убедљиво највише именица субјективне оцене (деминутива и аугментатива). У раду се анализирају значења ових именица с циљем да се закључи због чега деминутиви и аугментативи сачињавају највећи део деривата у семантичко-деривационим гнездима соматизама у српском језику. Закључено је да ове именице имају веома богату полисемију и да успевају полисемијом да произведу систем семантичких јединица, паралелан по броју и припадности тематским групама са системом свих осталих деривата у деривационим гнездима соматизама. Закључено је да именички деминутиви и аугментативи, посебно ови први, имају веома значајну улогу и у деривационим гнездима соматизама и у лексичком систему српског језика.

Кључне речи: деривационо гнездо, дериват, деривација, творба речи, именице субјективне оцене, деминутив, аугментатив, српски језик.

1. Семантичко-деривациона гнезда соматизама у српском језику

Одређена деривациона гнезда у српском језику за сада су најпотпуније и најбогатије представљена у *Семантичко-деривационом речнику српског језика* (СДР). Међутим, у том речнику нису обрађена сва деривациона гнезда, већ само она која су постала од именица што се односе на човека, а то су гнезда лексема које означавају делове тела човека, унутрашње органе, сродство итд.

* rajna.dragicevic@fil.bg.ac.rs, ORCID: 0000-0001-7833-1027

Иако је у питању сразмерно мали број деривационих гнезда, она спадају у репрезентативна због чињенице да лексема које се одnose на делове тела у српском језику, као и у многим другим језицима, имају најбогатију деривацију.

Наша интересовања у овом раду усмерена су на основни правац развоја семантичко-деривационог потенцијала лексема које означавају делове тела у српском језику. Задржаћемо се овога пута само на дериватима добијеним суфиксацијом.

До неких важних резултата дошли смо у једном од својих ранијих истраживања (Драгићевић 2008), а овом приликом надовезујемо се на њих. На почетку рада изложићемо две важне табеле из тога рада у којима су изнесени подаци који представљају подстицај за ово истраживање.

На основу грађе из првог тома СДР испоставило се да соматизми, што је и очекивано, имају различит број деривата насталих суфиксацијом:

Именица	Укупан број деривата	Именица	Укупан број деривата
врат	8	чело	13
груди	11	стомак	4
длан	7	шака	19
леђа	5	брада	26
нога	21	грло	19
глава	68	зуб	43
нос	15	језик	32
око	30	кожа	39
прст	28	кост	44
труп	9	лик	19
уд	2	образ	13
рука	55	ухо	19

Табела 1: Број деривата соматизама насталих суфиксацијом у СДР1¹

¹ Табела 1 преузета је из Драгићевић (2008).

Показало се, такође, да највише деривата које смо квантитивно представили у табели број 1 спада у именице које имају разноврсна значења.

Субјективна оцена	вратак, вратина, вратић, грудашца, грудићи, дланић, дланчина, дланчић, леђанца, леђашца, ногетина, ножетина, ногица, ножица, ножичица, ножурда, ножуретина, ножурина, ношка, главетина, главић, главица, главичина, главичица, главњица, главура, главурина, главурда, главусина, главуча, главуца, главуша, главче, носак, носина, носић, носуљак, носурина, оканце, окашце, окце, очце, ошце, очице, очурде, очурине, прстенац, прстетина, прстић, трупак, трупак, трупетина, трупић, трупчина, трупчић, удић, уснетина, усница, усничица, усташца, рукетина, рукица, ручекања, ручерда, ручетања, ручетина, ручина, ручица, ручурда, ручурина, уванце, увенце, увешце, увце, челанце, челце, чеоце, стомачина, стомачић, шакетина, шачетина, шачица, шачурина, брадетина, брадина, брадица, брадура, брадурина, брадускера, грланце, грлањак, грлашце, грлина, грлце, гроце, зубак, зубачић, зубекања, зуберина, зубина, зубић, зупчић, језичак, језичац, језичина, језичић, кожетина, кожица, кожурина, кожурица, коштура, коштурина, кошчина, кошчица, кошчурина, лишце, образина, образић, обрашчић
Носилац особине	вратоња, грудоња, главаш, главешина, главоња, главоњица, главурдан, носак, носан, носоња, прсташ, устоња, увоња, ухоња, ушоња, челник, чеоник, челница, брадан, брадаш, брадекања, брадоња, брадоњица, зуба, зубан, зубача, језичавка, језичара, језичка, језичник, језичница, коштуњавац, коштуњавко
Део одеће	вратник, грудњак, ногавица, рукав, рукавина, рукавић, рукавица, рукавичетина, рукавичица, рукавница, рукавчић, кожњак, кожун, кожунчина, кожунчић, кожух, кожушак, кожушина, кожушић, кожушчина, кожушчић
Особина	грудатост, главатост, очитост, прстатост, усменост, рукатост, грлатост, зубатост, језичавост, језичност, коштуњавост, кошчатост, образност, образованост

Предмет	ногаре, ногари, ногарице, главчина, оканце, окно, очале, очица, прстен, прстенак, прстенчац, прстенче, прстенчић, рукуница, руче, ручка, ручник, ручничић, ушица, челенка, стомаклија, грлак, грлић, зубац, зупчаник, личило, личина
Место	ножиште, очиште, очница, рукавичарница, ручаоница, брадиште, зубиште, кожара, кожарница, костурница, образовалиште
Термин из анатомије	грудњача, ножје, носница, носњача, очњак, прстенник, прстењак, прстењача, ручје, ушка, чеоница, чеоњача, шакић, брадавица, брадавичица, брадавичњак, брадавка, гроник, зубало, зубнина, зубовина, језичатост, костур, костурина, костурчић, костурић, костурица, лице
Вршилац радње	главар, главарица, главничар, прстенар, прстенција, рукавичар, рукавичарка, руковалац, руковатељ, шакач, зубар, зубарица, зубарка, језичар, кожар, кожунар, кожунаш, кожухар, кожушар, ликовњак, лицкало, личилац
Занимање, активност	главарство, рукавичарство, зубарство, кожарство, кожухарство, кожушарство
Термин из ботанике	главатац, главница, главња, главочика, очаница, прстенка, уснатице, ушац, челашица, зубачица, зубовац, језичњак, језичњача, коштица, коштичица, коштунац, коштуница, коштуничарка, коштуњак, коштуњац
Термин из зоологије	главатица, главаћ, главашица, главина, главоч, носанка, прставац, прстац, прстенаш, уснача, рукуничар, ушара, ушарица, ушата, брадавичар, брадац, брадашица, градуша, грлаш, зубатак, зубатац, кожушкар, коштуњавка, коштуњача, личинка
Појава	главарина, ручак, ручаница, кожура, образац
Глаголска именица	главање, главињање, главичање, главичење, очијукање, очитовање, прстеновање, руковање, ручавање, ручање, шакање, шакатање, шакетање, шакосање, грљење, зубање, зубљење, зупчање, језикање, језиковање, језичарење, лицкање, личење, образовање

Партикула- ризатор	главнина, главница, шачица, зубатка
Термини из осталих наука	главутака, ушће, рукавац, рукача, зубачњак
Збирна име- ница	прстење, трупље, костурје
Синоним	трупло

Табела 2: Именице настале од именица са значењем делова тела²

„Семантика добијених именица најчешће се суфиксацијом помера са дела тела ка човеку у целини, ка животињама и биљкама. Прецизније, запажа се шест доминантних значењских категорија мотивисаних именица: 1. ДЕО ТЕЛА (субјективна оцена); 2. ЧОВЕК (носилац особине, особина, вршилац радње, радња, термин из анатомије); 3. ЖИВОТИЊА (термин из зоологије, термин из анатомије); 4. БИЉКА (термин из ботанике); 5. МЕСТО; 6. ПРЕДМЕТ” (Драгићевић 2008).

Наше претходно истраживање ове теме (Драгићевић 2008) закључено је запажањем да се није испунило очекивање да деривација служи пре свега за испуњавање празних места у лексичком систему јер се показало да се у деривационим гнездима соматизама гомилају речи субјективне оцене (деминутиви и аугментативи), уместо да највећи број изведеница означава предмете и појаве за које не постоје називи. Показало се такође да је у праву С. Кубрјакова (2006: 142), која као један од важних задатака у изучавању творбе речи наводи кориговање традиционалног мишљења да основну функцију творбе речи треба тражити у попуњавању лексичког фонда. У праву је и И. С. Улуканов (2000: 9), који запажа да настајање нових речи у језику најчешће представља стварање синонима већ постојећих лексема и да многи синонимски редови обилују дериватима.

² Табела 2 преузета је из Драгићевић (2008).

2. Именице субјективне оцене у деривационим гнездима соматизама

Ови закључци отварају нова истраживачка питања, а најважније је одакле толика потреба за стварањем лексема субјективне оцене и зашто су деминутиви и аугментативи најбројнији деривати именица које означавају делове тела, иако оне представљају најважнији генератор за настанак нових речи у српском језику.

Да бисмо одговорили на ова питања, ексцерпирали смо све именице субјективне оцене из првог тома *Семантичко-деривационог речника*, а затим смо анализирали њихову употребу у два електронска корпуса савременог српског језика – *Срјко* и *ПДРС*.³ Корпуси пружају реалну слику о употреби ове лексике у савременом српском језику.

Анализирали смо укупно 117 именица субјективне оцене⁴ од 24 мотивне речи: *брада*, *враш*, *лава*, *јрло*, *јруди*, *глан*, *зуб*, *језик*, *кожа*, *кош*, *леђа*, *лице*, *ноја*, *нос*, *образ*, *око*, *јрсш*, *рука*, *сшомак*, *шруј*, *уд*, *усна*, *ухо*, *чело*, *шака*.⁵

Пре свега, показало се да има оних деминутива и аугментатива који нису регистровани у електронским корпусима, што указује на њихову слабу продуктивност у савременом српском језику.⁶ Ниједан од два електронска корпуса која смо претражили не региструје следеће именице: *брадина*, *брадура*, *брадускера*, *врашак*, *лавичина*, *лавњица*, *лавура*, *лавусина*, *јрланце*, *јрлањак*, *јрлаице*, *јрлина*, *јрудацица*, *јрудићи*, *гланић*, *гланчић*, *зубачић*, *зуберина*, *зуйчић*, *кошшур*, *кошшурина*, *леђаица*, *ножичица*, *ношка*, *носак*, *носуљак*, *носурина*, *образић*, *окаице*, *очице*, *ошице*, *јрсшенина*, *рукешина*, *ручекања*, *ручешања*, *ручурина*, *шрујак*, *шрујац*, *шрујешина*, *шрујић*, *шрујчина*, *уванице*, *увешце*, *удић*, *усничица*, *чеоце*, *шачурина*.

³ Ова два електронска корпуса представљају корисну допуну један другом јер се *ПДРС* искључиво заснива на грађи која је повучена са интернета (а то су текстови који припадају разговорном и новинарском функционалном стилу), а *Срјко* садржи доста грађе из српских књижевних дела, што значи из књижевно-уметничког стила.

⁴ Њихов списак наведен је у првом одељку табеле број 2.

⁵ У првом тому *Семантичко-деривационог речника* обрађена су деривациона гнезда 88 соматизама, али ми смо се определили за 25 соматизама који имају највећи број именичких суфиксалних деривата.

⁶ Грађа за *Семантичко-деривациони речник* (СДР) преузета је из шестотомног *Речника српскохрватског књижевног језика* Матице српске. Тај речник изграђиван је од 1967. до 1976. године и није ажуриран.

Само у једном од два електронска корпуса регистроване су следеће именице субјективне оцено: *џлавурина*, *џлавче*, *џрлце*, *џланчина*, *џошчурина*, *џоџеџина*, *џожеџина*, *џруџиџић*, *џснеџина*, *џшачеџина* (корпус ПДРС); *џлавуча*, *џзубак*, *џзубеџања*, *џкожеџина*, *џлеџанџа*, *џочурџе*, *џочурине*, *џручина*, *џручурџа*, *џуеџице*, *џчеланџе*, *џчелџе* (корпус Срџко).

Из чињенице да за многе именице субјективне оцено регистроване у СДР1 не постоје потврде у електронским корпусима савременог српског језика закључујемо да је тај лексички слој врло нестабилан. Именице из ове групе лако настају, имају много варијаната, али се само неке од њих користе с већом учесталошћу, а већина их нестаје или се не употребљава фреквентно.

Деминутиви соматизама који имају највише потврда у електронским корпусима српског језика јесу: *руџиџа* (2.584), *џлавиџа* (2.307), *џножиџа* (1.159), *џшачиџа* (880), *џзубић* (723), *џкожиџа* (710), *џносић* (568), *џрсџић* (436), *џлавић* (415), *џсџомаџић* (282), *џбраџиџа* (234), *џноџиџа* (225), *џуџе* (181), *џусџиџа* (181), *џкошџиџа* (146), *џоџе* (139), *руџиџа* (109) итд.⁷

У аугментативе соматизама који имају највише потврда у електронским корпусима спадају следећи: *џобразиџа* (148)⁸, *руџерџа* (81), *џезиџина* (55), *џлавурџа* (52), *џносиџа* (40), *џножурџа* (33), *џлавуџа* (32), *џсџомаџина* (25), *џбраџурина* (24), *џвраџина* (12), *џочурџе* (8) итд.⁹

Из овог списка закључујемо да је фреквентних деминутива више него фреквентних аугментатива. Запажамо такође и да је фреквенџија учесталих деминутива далеко већа од фреквенџије

⁷ Податке о фреквенџији преузимамо смо из оних корпуса где је одговарајућа имениџа потврђена већим бројем примера. Из корпуса ПДРС преузели смо фреквенџију имениџа *џлавиџа*, *џлавић*, *џзубић*, *џкожиџа*, *џкошџиџа*, *џножиџа*, *џноџиџа*, *џносић*, *џрсџић*, *руџиџа*, *руџиџа*, *џсџомаџић*, *џуџе*, *џшачиџа*, а из корпуса Срџко смо преузели податке о фреквенџији следећих деминутива: *џбраџиџа*, *џезиџаџа*, *џобраџина*, *џоџе*, *џусџиџа*. У овој групи лексема се сваџако налази и *џезиџаџа*, али због хомоформије са придевом *џезиџиџа* не можемо утврџити тачан број појављивања овог деминутива у електронским корпусима.

⁸ Лексема *џобраџина* се само по начину творбе уврштава у именице субјективне оцено, али нема очекивано аугментативно значење, већ значи маску, прекривач који помаже некоме да се сакрије и представи другачијим него што јесте. Ако се има у виду ова чињениџа, онда имениџа *руџерџа* представља најфреквентнији аугментативни соматизам, бар према подацима из електронских корпуса.

⁹ Фреквенџија аугментатива *џлавуџа* и *џсџомаџина* преузета је из корпуса ПДРС, а фреквенџија осталих аугментатива (*џбраџурина*, *џвраџина*, *џлавурџа*, *џезиџина*, *џножурџа*, *џносиџа*, *џобраџина*, *џочурџе*, *руџерџа*) преузета је из корпуса Срџко.

учесталих аугментатива. На крају, запажамо и да корпус *Срѣко*, који садржи доста грађе из књижевноуметничког стила, региструје више учесталих аугментатива, а мање учесталих деминутива у односу на корпус *ПДРС*, који сакупља грађу из разговорног и медијског језика. Овај податак је неочекиван јер су аугментативи који често спадају у пејоративе главни носилац негативне експресије, која је једна од главних одлика лексике медијског језика (исп. Драгићевић 2019). Ипак, показује се да аугментатива изгледа ипак има више у језику књижевних дела него у медијском језику.

Да сведемо оно што је до сада речено. Најбогатија деривациона гнезда имају соматизми. Највећи број деривата у њиховим деривационим гнездима спада у речи субјективне оцене (а то су деминутиви и аугментативи). Неки деривати из ове групе нису потврђени у електронским корпусима, неки су слабо потврђени, али су неки од њих врло фреквентни. Ако лексеме спадају у најмногобројнију тематску групу чији представници имају најбогатију деривацију и ако се фреквентно појављују у електронским корпусима, то значи да су оне кандидати за најважнију, најбазичнију и најплодоноснију лексику у лексичком систему српског језика. Зато заслужују анализу и покушај да се одговори на питање због чега су ти деривати толико значајни у лексичком систему.

Пре свега, треба имати у виду да су именице субјективне оцене једнореферентни деривати (Белић 1957–1958: 131; Гортан Премк 2004: 127–128), што можда утиче на њихов семантички потенцијал. То значи да, за разлику од многих других деривата који су двореферентни јер на једног референта упућује творбена основа, а на другог суфикс, суфикс именица субјективне оцене не реферише на другог референта већ само детерминише референта исказаног творбеном основом (нпр. суфикс *-ица* у именици *кућица* значи *мала* или *широина* или *симпашична* итд. *кућа*). Именице субјективне оцене по тој једнореферентности подсећају на немотивисане лексеме, што им, можда, омогућава већи семантички потенцијал.

3. Семантички потенцијал деминутива

Скоро све лексеме које имају форму деминутива имају семантички потенцијал који надилази деминутивно значење.

3.1. Ипак, најчешће реализују (и) **ДЕМИНУТИВНО ЗНАЧЕЊЕ**.

Бебама је потребно мало времена да ојачају свој *врашић*.

У првим месецима живота дете [...] покушава да стави *ноћицу* у уста.

Доста течности, обарање температуре и чишћење *носића* су главни задаци за родитеље.

Али ја не желим да ме (готово да зајеца) убоду иглом у *прсшић*.

Соматизми у деминутивном облику остварују деминутивно значење обично онда када се односе на делове тела детета. У таквој употреби деминутивно значење се у мањој или већој мери комбинује са хипокористичким. Запазили смо доста примера у којима се лекари обраћају родитељима саветима у вези са дечијим здрављем. У текстовима који су написани формалним стилем, с елементима научног, деминутиви са хипокористичком значењском нијансом служе да се придобије поверење родитеља јер се деминутивом исказује заинтересованост и емпатија лекара према њиховом детету. Међутим, деца заиста имају мале делове тела у односу на одрасле говорнике, па је употреба деминутива пре свега у складу са реалним стањем ствари.

3.2. У неким случајевима готово да се губи деминутивна семантика и преовлађује **ХИПОКОРИСТИЧКО ЗНАЧЕЊЕ** деминутива.

Ајде, још само мало, дај ми *рукицу*.

Лијепу Катy *зубак* заболио.

Александар, већ сувоњави *страчић*, са златним наочарима, паметног *лишца*.

Девојчино *лишце* је било млечно и бело.

На прелепим *обрашчићима* суза јој сузу стиже.

Тешко је проценити однос између мере деминутивности и хипокористичности, али ова значења обично употпуњују једно друго. Степен хипокористичности се додатно увећава код имена која подлежу тзв. даљој деминуцији, нпр. *вишњицица*, *слободичица*, *прадићак*, *комадићак* (исп. Ђорић 2015).

3.3. Експресивна семантика деминутива често се разлива ка иронијској употреби и **ПЕЈОРАТИВНОМ ЗНАЧЕЊУ**.

Трчим, трчим, све ударам *ноћицама* у гузу [иронично].

У већини дижу своја два *џрштића* да изгласају баш све што Влада Србије хоће.

И шта нам је кроз *уштаица* своје портпаролке рекла Демо-кратска странка.

Само ти се осмехује и шапуће ти на клемпаво *увце*.

Био је висок само метар седамдесет, имао је проређену косу, ситне свињске *очице*.

Изиђе старица права – колац бели, сасушена, оштар нос, *очице* избледеле гледају у нас.

У прва три наведена примера пејоративност деминутива производи цео контекст који је ироничан. На негативан однос према онима о којима се говори указује се презривом употребом деминутива и то баш оних именица којима се именују они делови тела којим те особе раде оно што говорника узнемирава (посланици гласају *џрштићима*, портпаролка говори *уштаицима*). У четвртном, петом и шестом примеру пејоративност деминутива очигледна је из колокација, тј. придева који се користе уз именице (*клемпаво увце*, *свињске очице*, *избледеле очице*). Пејоративно значење чешће имају деминутиви којима се именују делови тела од којих се према уобичајеним мерилима лепоте очекује да не буду мали. Тако, на пример, *очице* имају пејоративно значење у скоро свим примерима јер се од лепих очију очекује да буду крупне, а пошто се од лепих шака и стопала очекује да не буду крупна, онда се деминутивна значења углавном укрштају са хипокористичним. Дакле, ванјезички разлози, тј. систем вредности језичке заједнице, може утицати на тип експресивности деминутива.

Српски језик користи и варијанте деминутива (фонетске дублете) као средство за успостављање семантичких разлика. Познато је, на пример, да лексеме *рукица* и *ноћица* имају скоро искључиво деминутивно значење и не могу се метафоризовати, док дублети у којима је извршена палатализација често развијају метафоричка значења. Електронски корпуси су потврдили ово запажање неких аутора (исп. нпр. Радић 1997; Јанић 2012, 2013; Драгићевић 2016).

У првим месецима живота, дете [...] покушава да стави *ноћу* у уста.

У њима се *ноћица* неће знојити.

Испружили су *рукице* обрасле ситним жутиим длакама.
И сад се сећам – ћушноу *рукицу* у уста.

Иако *ножица* и *рукица* могу метафорички означавати и предмете, таква употреба није честа и скоро да је резервисана за деминутиве *ножица* и *ручица*.

Нисам спустио *ножицу*, то се дешава и искуснијим мотористима од мене.

Помоћни точкови и потпорне *ножице* су добра идеја.
Уклањањем *ножица*, висина машине се смањује за 10 mm.
Нагло је покренуо *ручицу* за управљање гасом.
Окретао је *ручицу* чекрка и лагано је намотавао.
Разлике се јављају када се мало заврти *ручица* пројектора.

3.4. И остали деминутивни соматизми, а не само ови који имају дублете, захваљујући метафоричким преносима, могу означавати **предмете**. Разлог за велику метафоричку продуктивност соматизама, па и соматизама-деминутива лежи у антропоцентричности лексичког система и потреби човека да према свом телу као референтној тачки именује појаве око себе:

Ја откидох *јлавић* са палидрвца.

Шешир је висио на вратима на великој прибадачи с црвеном *јлавицом*.

Кућа би забрујала и задрхтала сваки пут када би чекић спустио на *јлавицу* ексера.

Ми смо у тој тами имали зрачак сунца који је продирао кроз прљаво *оканце*.

Језичици ваге никад се неће дотаћи.

Велик је творбено-семантички потенцијал деминутива у грађењу именица које означавају предмете, а један од показатеља тога јесте и чињеница да се тај процес понекад завршава лексикализацијом, тј. потпуним напуштањем деминутивне семантике и творбом именица које означавају само предмете, нпр. *ушица*, *зубац*, *зучић*, *образац* итд. Пошто више не спадају у деминутиве, ове именице нису предмет нашег рада, али важно је констатovati ову значајну творбено-семантичку способност.¹⁰

¹⁰ Опширније о лексикализацији деминутива исп. Јанић (2012; 2013), Драгићевић (2016).

3.5. Деминутивни соматизми су продуктивни и у означавању **ДЕЛОВА БИЉАКА**, па и **ФИТОНИМА** јер човек успоставља везе између делова биљака или биљке као целине са сопственим телом.

Овај додатак исхрани је потпуно природан, на бази ароматичног каранфилића, сувог екстрата полена и цветова *врашчића*.

Ја га руком, као да ћу лепухну *лавицу* маслачка помиловати, пипаво дотакнем.

Човек згази *лавицу* цветне травке.

Лелујају суве макове *лавице*.

Радомир је изашао на тераси, на један *шруйчић* сео.

Листови су им мали, једноставни, при основи са *језичцима*.

3.6. **ДЕЛОВИ ТЕЛА ЖИВОТИЊА** такође се могу именовати деминутивним соматизмима.

За коначну оцену уговора о извозу пилећих *ноћица*, бубаца и крилаца за Кину треба сагледати све аспекте.

Папагаји климају *лавицама* лево-десно.

Голубови понекад мрзе да лете, растује се, *лавице* увуку у перје.

Подигао је његов теријер једно *увенце*.

Запалаца змијским *језицим*.

Куки би повремено лизнула руку свога господара храпавим *језичићем*.

Била је жгољава као рибља *кошчица*.

Д. Гортан Премк (2002: 106) ову појаву да се према људским деловима тела именују и делови тела животиња (па и биљака) не сматра метафором по сличности, већ симилисемијом, тј. слично-значношћу. Глава животиње као предњи део тела и глава човека као горњи део тела повезани су изразитом сличношћу, али се ти појмови не могу изједначити. Међутим, веза међу њима не може се сматрати метафоричком, а ове две чињенице огледају се у томе што се у лексикографији називи за делове тела човека и животиње дефинишу у оквиру једне дефиниције. Ипак, дефинишу се као два дела унутар једне дефиниције. Тако се, на пример, *лава* у Речнику САНУ дефинише као горњи део човековог односно предњи део животињског тела.

3.7. Деминутивима соматизама могу се именовати **ДЕЛОВИ ЉУДСКОГ ТЕЛА**:

Симптоми су: плава или модра боја једног или оба тестиса, болови у стомаку, бол у *лавићу* пениса, често мокрење.

Повлачила је *кожицу* носа навише одижући тако ноздрве.
Мале усне стиднице или *уснице* вагине јесу меки кожни на-
бори унутар великих усана.

Сва ова значења добијена су метафором, али има и мето-
нимијских трансформација које доводе до тога да један део тела
означава други. Тако, на пример, *брадица* скоро никада не озна-
чава малу браду као део лица, већ длаке на бради:

Гладио је *брадицу*.
Онда дозва Мишковића са риђом, јарећом *брадицом*.

Улога соматизама да именују и друге соматизме донекле је
парадоксална. Обично се деминутивима назива за главне делове
тела именују делови мањих делова тела.

3.8. Деминутиви соматизама, захваљујући механизму сине-
гдохе (која је обично удружена са метафором или метонимијом),
могу да означају и **особу**. Механизам који се покреће у тим слу-
чајевима јесте ДЕО ЗА ЦЕЛИНУ, ОДНОСНО ДЕО ТЕЛА – ЧОВЕК.

Чувај ти ту своју усијану *лавицу*, а за уметност се не брини.
Шта ли се крило у тој риђокосој *лавици*, иза тог чистог чела?
Оног часа када помилује последњу тршаву *лавицу*, подели
последњу бомбону, спусти последњи пар *ножица* на чврсто тло.
Збуњене су дечје *лавице*.
Пустио је глас у премијерско *увце*.

У зависности од особине која се жели истаћи, са значењем
особе могу се користити различити соматизми. Уз одговарајући
придев, као у примеру *премијерско увце*, добија се и снажна експре-
сивна порука, али се постиже и језичка економија јер се синтагма
користи уместо целе реченице којом би се рекло да је премијер
обавештен о нечему. Када се жели нагласити нека чињеница у
вези са расуђивањем, онда се особа назива *лавом*, као у примеру
Збуњене су дечје лавице.

3.9. Неки деминутивни соматизми развијају и **ЗНАЧЕЊЕ ПАР-
ТИКУЛАРИЗАТОРА**, често партикуларизатора-уобличивача:

Примири је попрскавши је *шачицама* хладне воде.
Набијао је *лавице* прокеља на виљушку.
Треба додати *лавицу-две* црног лука и *пола лавице* белог
лука.

Посебно је упадљиво како се партикуларизаторска значења лексеме *шачица* шире од значења количине која може да стане у шаку, ка значењу мале количине уопште, а затим и малобројности:

Шачица убица, које је Влада унапредила у полицијске агенте
покушава да слисти нашу Редакцију.

Прати их само изабрана *шачица* најсензибилнијих људи.

Значење *шачице* се, затим, даље развија ка апстрактном значењу мале количине емоција или других апстрактних вредности, показујући како је велик семантички потенцијал малог као концепта у језику:

Остаде иза њега *шачица* стихова.

Ретко ко успева да сачува оне неиспричане приче, *шачицу*
људске тоpline.

Усред свих тих космичких збивања стајао је он, Херман, са
својом *шачицом* стварности.

Једна *шачица* душе.

3.10. Нека метафоричка значења деминутивних соматизама излазе из сфере именовања људи, биљака, животиња и предмета и означавају многобројне врло **РАЗНОРОДНЕ ПОЈАВЕ**, од којих су неке апстрактне:

У дворишту се шепурио свети паун ширећи свој раскошни,
лепезасти реп са стотину очију и *окаца*.

По горњој ивици обода, свуда наоколо, утиснута су ситна
декоративна испупчења, читав ђердан малих лимених *окаца*.

Потом склапа *окаца* сећања, заборавом испира из себе давне
летње одсева облака.

Кроз бочицу су палацали пламени *језичици*.

Зар иза тог воденог *језичка* у лавабоу није било ничег другог?

Воз се споро спушта на дно зеленог *језичка* Истре.

Кад сунце сљушти са земље *кожицу* мрака.

3.11. У неким случајевима долази до још изразитијег повезивања механизма које као резултат има експресивне слике. Навешћемо пример за **МЕТАФТОНИМИЈУ** (у овом случају синегдоху у метафори):

Видим на пожутелим фотографијама његове ђаке, све до
једног подшишане „на нуларицу” и њега, усред тог *ірозда ілавица*
што сијају као мала сунца.

Цела слика грозда сачињеног од главица који сија на сунцу заснована је на метафори. Унутар метафоричке слике налазе се главице које, захваљујући механизму синегдохе, означавају децу којој те главе припадају.

3.12. Закључујемо да деминутиви соматизама могу имати следећа значења: 1) деминутивно; 2) хипокористичко; 3) пејоративно; 4) значење предмета; 5) значење делова биљака и фитонима; 6) значење делова тела животиња; 7) делови тела човека; 8) особа, човек; 9) партикуларизаторско значење; 10) значење разнородних појава добијених метафором, метонимијом, синегдохом, метафтонимијом.¹¹

4. Семантички потенцијал аугментатива

Утврђено је већ у овом раду да је мање фреквентних аугментатива него деминутива и да је фреквенција учесталих аугментатива знатно нижа од учесталости фреквентних деминутива. Приметићемо и да аугментативи имају далеко мање значења него деминутиви, али да, ипак, није у праву Јанко-Тринецка (1972), која је изнела занимљиво запажање да аугментативи не развијају даља значења, за разлику од деминутива.

4.1. Као што се и подразумева, типично значење аугментативних соматизама је **АУГМЕНТАТИВНО** (али се оно обично укршта с негативном или позитивном оценом аугментативности):

Ускоро, ево, вола, не збори баш ни речи, *очурге* само бечи.

На лицу Николине – *уснећине*, на ногама штиклетине.

Био је огромна раста, неспретних *ручерди* и *ножурди*.

Сћомачином га је угурала у тескобну кухињу.

Доводе ми пуковника – црвен фес, црна *брадећина*, на прси-
ма значка.

Под *брадурином* и кожним качкетом мало ко би га препознао.

4.2. За аугментативност типично се везује **ПЕЈОРАТИВНОСТ**, а она се посебно уочава ако се узму у обзир колокације и реченице у којима се аугментативи јављају:

Тикет је имао огромну *враћину* пандурску.

Срам те било, битанго једна, седи и покриј ушима ту *илавургу*!

Стриц је окренуо своју епску *носину* према тетки.

¹¹ О семантичком потенцијалу деминутива исп. и Јовановић (2010), Вељковић Станковић (2011), Страмлић Брезник (2015).

Прождрљиво наливаш вино у ту твоју *стомачину*!
Доћи ће дан да се крволок избаци из Београда и да му се *кошчурине* баце у Аустрију.

4.3. У неким случајевима аугментативност се позитивно вреднује, па се тада препознаје **хипокористичност**, која у неким примерима чак и преовладава:

Има твој отац *ручетшине* и леђа да исхрани целу чету.
Црн и слеп за оне који су га гледали с дивљењем, за оне који су му се улагивачки смешили, откривајући псећи беле и здраве *зубине*.
Својом гвозденом *ручердом* миловао је дечака по глави.
Моје се шаке сасвим изгубе у његовим *ручердама*, а полетео сам са земље као одапета стрела.
„Ја тебја љубју!”, козак је ширио *ручерде* у загрљетину.
Имаш те *брчетшине* и *очурде*, личиш на праву човечину.

Хипокористичност произлази из одређених стереотипа и вредности у српској културној заједници. Тако се, на пример, у стандарде лепоте убрајају крупне очи и велики, бели зуби, за које се верује да су симбол здравља. Симбол физичког рада су крупне шаке. Оне истовремено представљају и симбол заштите и сигурности. Такође, од мушкарца се очекује да буде крупан, па када се његов физички изглед описује аугментативима, у традиционалној слици света шаље се позитивна порука (исп. *Имаш те брчетшине и очурде, личиш на праву човечину*). Зато се у нашим примерима појављује отац са ручетинама које могу да прехране породицу, а са дивљењем се гледа на ручерде које милују и грле, на здраве зубине које се смеше и на очурде којима неко некога посматра.¹²

4.4. У вези са споменутих стереотипима, ваља приметити да се истакнутост неких делова тела у стереотипима везује за одређен тип људи, што се потврђује и у корпусу. Људи без моралних скрупула, али и они који имају низак ниво интелигенције имају широке вратове, политичари и људи који су се незаконито обогатили своју похлепу исказују својим дебелим стомацима,

¹² Нагласићемо још једном у овом раду примере именица субјективне оценое од именице *око*, јер указују на велик утицај вредносног система говорника на развој значења ових именица. Очекивања да лепе очи треба да буду крупне толико су велика да наша грађа показује како *очице* увек имају пејоративно значење, иако деминутив обично има хипокористичко значење, док *очурде* чешће имају хипокористичко значење иако се од аугментатива очекује да има пејоративно значење.

власт се концептуализује као особа са великим шакама које служе да се грађани пљачкају и др.

Дебеле врашине инвеститора и ђачкаша.

Тикет је имао огромну врашину ђандурску коју није могуће обухватити слабашним наркоманским шакама.

Рјепин је имао да гледа само његову врашину, као у некој бика.

Обојица су се неповређени извукли из полицијских ручерди.

А ову и овакву Црну Гору, ову званичну, у ручешинама власти – Њего презире.

Где год се војвода, утегнут у преуску униформу недостојну државничке сћомачине, запутио, око цокула му се мотао четвороножац.

Мантија их једва покрива, са наборима испод ауторитативних сћомачина.

Можда не би биле потребне исповеди пред уставним бирокрашким ѓлавурдама оних судија.

Нешто европског знања кренуло је у моју мутну словенско-балканску ѓлавурду.

Оваквим језичким поступком *ђандурска врашина* постаје тип врата којим се, применом механизма **СИНЕГДОХЕ**, може именовати одређен тип полицајаца, а затим и људи уопште (што у нашим примерима није извршено експлицитно, али јесте имплицитно). *Државничка сћомачина* и *бирокрашка ѓлавурда* подлежу истом механизму. По правилу се аугментативи у оваквим конструкцијама користе за пејоративно маркирање особа, али и народа, што закључујемо из примера у којем се спомиње *словенскобалканска ѓлавурда*.

4.5. Посебно место у овој групи примера заузима аугментатив *језичина*, који чак и у минималном контексту *имати језичину* (без атрибута који би послужио као семантички детерминатор) значи *бити сиреман на свађу* или *бити слободан у исказивању сопствене сћава* или *бити склон отоварању* и др. У многим примерима именица *језичина* остварује **МЕТОНИМИЈСКО ЗНАЧЕЊЕ**, које се реализује кроз употребу донекле модификованих фразеологизама *имати (гу) језичину*, *завезати језичину*, *развезати језичину*, *јусти-ти језичину* и др.:

Једва да си се обрео у садашњости због дуге *језичине* и кратке памети.

Морао би завезати *језичину*.

Развеже *језичину* и сипа.

Опасала се *језичином*, па лаје ли лаје.

4.6. У неким случајевима се уз аугментативне соматизме користе придеви карактеристични за људе, нпр. *недошуйавне шакеџине*, чиме се деловима тела дају људске особине, они се персонификују, метафоризују, а самим тим се и власник тога дела тела одређује истом том особином јер је човек са недотупавним шакеџинама и сам недотупаван. Тако се, опет, делом тела детерминише и именује особа као целина, што представља поступак својеврсне **МЕТАФОРЕ У СИНЕГДОХИ** [*недошуйавне шакеџине* (метафора) означавају *недошуйавној власника шакеџина* (синегдоху)]:

Својим кобасичастим прстима завијао је цигарету и *недошуйавним шакеџинама* стезао дизгине.

На једвите јаде угурао своје квржаве *сељачке ножурде* у дебелим чарапцима.

Није *будаласта илавуца* за таквог јунака!

4.7. Именице *кожурина* и *образица* представљају аугментативе према начину творбе, али су изгубиле то значење. За именицу *кожурина* у Речнику СЈ стоји значење *ауџ. и њеј. од кожа*, а *образица* је дефинисана као *маска, кринка*. У електронским корпусима се *кожурина* углавном, а *образица* обавезно, употребљавају **МЕТАФОРИЧКИ**, са значењем омотача, маске која човека скрива и показује га другачијим него што јесте.

Ваше је место у овој *кожурини* преда мном [...] За вас нема ни најмање изгледа да промените кожу.

Метафорично пузање одраних *кожурина* наговештава смрт.

Кад готово нико није смео или хтео, због властитог грађанског komodитета, да штампа нешто писмом и језиком коме су на девали туђа имена и отимали га, називали га националистичким, коме су на све стране навлачили *образину* каквог паганског божанства, он је једини то чинио.

Човек под *образином* гуслара стидно гледаше у свој неми инструмент.

Узимао сам на себе *образину* која ми је у том тренутку одговарала.

4.8. Закључујемо да аугментативи соматизама могу развити следећа значења: 1) аугментативно; 2) пејоративно; 3) хипокористично; 4) метафоричко (углавном на основу функције делова тела); 5) метонимијско (углавном према функцији делова тела), 6) синегдохско (од наглашеног дела тела ка особи као целини).

5. Дискусија ка закључцима

Као један од закључака анализе деривационих гнезда из СДР1, а то су деривациона гнезда 24 просте, неизведене мотивне речи, у свом истраживању из 2008. године изнели смо изненађење и извесно разочарање чињеницом да међу дериватима соматизама има највише именица субјективне оцене (деминутива и аугментатива). Писали смо тада о корисности деривата у лексичком систему и истакли да је много већа корист од деривата *зубац* (*изрезак или зарезак на предметима*) него *леђашица* (*мала леђа*), јер *зубац* настаје као резултат модификационог типа творбе, а *леђашица* су производ мутационог типа. *Зубац* је двореферентни дериват, а *леђашица* су једнореферентни дериват. Именицом *зубац* лексички систем добија могућност да искористи потенцијал асоцијативног повезивања и да лексемом која припада једном изворном домену сачини лексему која именује појаве из другог домена, а то као производ има везе између делова људског тела са предметима, биљкама, животињама, апстракцијама итд. Именицом *леђашица* крећемо из изворног домена *соматизми* и завршавамо у њему.

Изнели смо и уверење да је „беспотребно и нерентабилно гомилање аугментативно-пејоративних образовања *лаветшина*, *лавурина*, *лавурда*, *лавусина*, *лавуча*, *лавуца* итд.” Ово истраживање спровели смо због тога да бисмо установили да ли су многобројне именице субјективне оцене у деривационом систему соматизама заиста беспотребне.

Испоставило се, међутим, да су именице субјективне оцене (нарочито деминутиви) неочекивано семантички богати. На наше изненађење, када се узму у обзир сви именички деривати настали од соматизама, са широким спектром суфикса, закључиће се (као што смо показали у табели бр. 2) да они могу означавати субјективну оцену, особе, предмете, појаве, фитониме, зоониме, имена места, збирне појаве, партикуларизаторе, а да све то могу и њихови деминутиви. Разлика је само у томе што мотивни соматизми у томе успевају захваљујући суфиксацији (и другим творбеним начинима), а деминутиви полисемијом остварују сличан опсег семантичких резултата. Из тога следи да су именице субјективне оцене веома корисне у лексичком систему српског језика и да наш ранији поглед на њихову улогу није био исправан.

Деминутивни и аугментативни соматизми остварују секундарна значења платисемијом, метафором, метонимијом, метафтонимијом, синегдохом, што значи свим уобичајеним механи-

змима полисемије. Они успевају да направе дистинкцију међу својим значењима користећи дублете без морфоолошких алтернација и са њима (*рукица* и *ручица*, *ноџица* и *ножица*), везујући при томе одређена значења за једну варијанту дублета, а друга значења за другу варијанту. У том смислу семантички се разједначавају и некадашњи истокоренски синоними и прерастају у парониме (нпр. *језичић* и *језичак*, *обрашчић* и *образац*, *зубић* и *зубац*).¹³ Закључујемо да именице субјективне оцено у потпуности користе своје морфоолошке, творбене и семантичке могућности да би што богатије развиле своје полисемантичке структуре.

Богат семантички потенцијал именица субјективне оцено, нарочито деминутива, објашњавамо значајем дистинкције *мало* – *велико* у ванјезичкој стварности, а затим и у језику. Оно што у својој класи одступа по величини од очекиваног прво буде перципирано, а затим и именовано, управо према величини.

Велик број именица субјективне оцено у деривационим гнездима соматизама објашњавамо значајем експресивне творбе речи, која је важна баш колико и номинациона, а можда је и важнија од ње.

Иако језик тежи симетричности, примећујемо несиметрију у семантичком потенцијалу деминутива и аугментатива, који није очекиван. Све што може бити мање од очекиваног, може бити и веће. Све што као мање од очекиваног инспирише пажњу говорника и потребу за семантичко-деривационим маркирањем има и свој други пол, а то је веће од очекиваног и теоријски има исти потенцијал као оно што је мање од очекиваног. Ипак, није тако, јер деминутиви имају значајно већи семантички потенцијал од аугментатива. Изгледа да решење треба тражити у већој експресивности аугментатива него деминутива. Чини се да је код њих изразитије пејоративно значење од аугментативног, а да је код деминутива деминутивно значење изразитије од хипокористичког. Ако је твореница изразито експресивна, она је блокирана за даљи семантички развој.

6. Закључци. Све што је речено може се сажети у неколико најважнијих закључака.

- 1) У групу најбогатијих деривационих гнезда у српском језику спадају деривациона гнезда именица које означавају делове тела.

¹³ О десинонимизацији која као резултат има настајање паронима исп. Николић (2022).

- 2) У деривационим гнездима соматизама највећи број деривата представљају именице субјективне оцене (деминутиви и аугментативи).
- 3) Именице субјективне оцене имају бројне морфофонолшке дублете, као и истокоренске синониме. Лако и брзо настају и нестају. Велик број тих именица које су обрађене у СДР1 (и пре тога у РМС) нису потврђене у електронским корпусима српског језика, што значи да је ова група деривата у деривационим гнездима соматизама најбогатија, али и најнестабилнија.
- 4) Најфреквентнији деминутивни соматизам у електронским корпусима је *ручица* (2.584), а међу најфреквентнијим је и његов дублет *рукица* (109). Најучесталији аугментатив је *ручерга* (81). Руку, главу и ногу српски језик региструје као најважније делове тела.
- 5) Деминутиви су у српском језику доминантнији од аугментатива – фреквентнији су од њих, имају већи семантички распон (тј. њихова секундарна значења могу припадати и већем броју домена) и више значења. Ову семантичку несиметрију објашњавамо великим значајем који има категорија малог у ванјезичкој стварности и у језику и нашем хипотезом (коју ћемо истражити) да код примарних значења деминутива преовлађује значење малог (а не хипокористичко значење), док је код аугментатива у првом плану пејоративно, а у другом аугментативно значење.
- 6) Деминутиви соматизама могу имати следећа значења: 1) деминутивно; 2) хипокористичко; 3) пејоративно; 4) значење предмета; 5) значење делова биљака и фитонима; 5) значење делова тела животиња; 6) делови тела човека; 7) особа, човек; 8) партикуларизаторско значење; 9) значење разнородних појава добијених метафором, метонимијом, синегдохом, метафтонимијом.
- 7) Аугментативи соматизама могу развити следеће значења: 1) аугментативно; 2) пејоративно; 3) хипокористичко; 4) метафоричко (углавном на основу функције делова тела); 5) метонимијско (углавном према функцији делова тела), 6) синегдохско (од наглашеног дела тела ка особи као целини).
- 8) Истраживање је показало да именице субјективне оцене настале од соматизама механизмима полисемије (пла-

тисемијом, метафором, метонимијом, метафтонимијом, синегдохом) успевају да развију скоро сва значења која соматизми развијају суфиксацијом. То значи да ове лексеме, иако су настале мутационим типом творбе, имају огроман семантички потенцијал који у потпуности користе, па су веома значајне у тематској групи соматизама, али и у лексичком систему српског језика уопште.

ЦИТИРАНА ЛИТЕРАТУРА

- Белич А. „Природа и происхождение существительных субъективной оценки”. *Јужнословенски филолоџ XXII*, 1957–1958, 131–139.
- Вельковић Станковић Д. *Речи субјективне оцене у насјави српског језика и књижевности*. Београд: Филолошки факултет универзитета у Београду, 2011.
- ГОРТАН ПРЕМК Д. „Семантичко-деривациони речник српског језика”. *Дескриптивна лексикографија стандардног језика и њене теоријске основе*. Нови Сад – Београд: САНУ, МС, Институт за српски језик САНУ, 2002, 103–111.
- ГОРТАН ПРЕМК Д. *Полисемија и организација лексичког система у српском језику*. Друго издање. Београд: Завод за уџбенике, 2004.
- ДРАГИЋЕВИЋ Р. „Деривациона гнезда именица које означавају делове тела из угла лексичког богаћења”. *Научни састанак слависта у Вукове дане* 37/1, 2008, 371–389.
- ДРАГИЧЕВИЧ Р. „Недеминутивные значения деминутивов”. *Menjšalnice v slovanskih jezikih: oblika in vloga*. Uredila Irena Stramljič Breznik. Zora 113, Maribor: Filozofska fakulteta, Univerza v Mariboru, 2015, 88–102.
- ДРАГИЋЕВИЋ Р. „Лексикализација (на примеру именичких деминутива)”. *Зборник у част ђроф. Љ. Субошић. Теме језикословне у србистици кроз дијахронију и синхронију*. Уредници: Јасмина Дражић, Исидора Бјелаковић, Дејан Средојевић. Нови Сад: Филозофски факултет, 2016, 452–463.
- ДРАГИЋЕВИЋ Р. *Српска лексика у прошлости и данас*. Нови Сад: Матица српска, 2018.
- ДРАГИЋЕВИЋ Р. „Допринос глобализације банализацији лексичког фонда српског језика”. *Глобализација и славјанске словајтварѐне*: XVI Мијнародны з’езд славистај (Бјалград, 19–27. 08. 2018) : Тематичны блок / Нацыянальная акадѐмја навук Беларусі. Інстытут мовазнајства імя Якуба Коласа. Беларускі камітѐт славистај. Камісія па славјанскім словајтварѐннi пры Мијнародным камітѐце славистај. – Мінск: Права і эканоміка, 2019, 74–84.

- ЈАНИЋ А. „Критеријуми за идентификацију лексикализованих деминутива”. *Годишњак за српски језик*, XXV/12, 2012, 79–88.
- ЈАНИЋ А. „Лексикализација именичких деминутива у српском језику”. *Philologia mediana*, 2013, 367–380.
- ЯНКО-ТРИНИЦКАЯ Н. А. „Членимость слов типа ножка, ручка”. *Развитие современного русского языка, словообразование: членимость слова*. Москва: Академия наук СССР, Институт русского языка, 1972, 175–186.
- ЈОВАНОВИЋ В. *Деминуџивне и ауџментџивне именице у српском језику*. Београд: Институт за српски језик, 2010.
- КУБРЯКОВА Е. С. „О новых задачах в изучении функций словообразования”, *Функциональные аспекты словау́тварення*. Минск: ВТАА „Права і эканоміка”, 2006, 141–148.
- НИКОЛИЋ В. „Улога и значај електронског корпуса у истраживању паронима”. *Актуелна ишјања лексикологије и лексикографије српскога језика*. Уредник М. Ковачевић. Андрићград: Андрићев Институт, 2022, 251–279.
- РАДИЋ П. „О деривационом аспекту речничког богаћења”. *Језик глас*, 1, 1997, 22–24.
- ТОРИЋ Б. „О даљој деминуцији у српском језику”. *Manjšalnice v slovanskih jezikih : oblika i n vloga* = *Deminutivy v slavjanskih jazykah : forma i rol'* = *Diminutives in Slavic Languages : Form and Role* / uredila, editor Irena Stramljič Breznik. – V Mariboru : Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta, 2015. – (Knjižna zbirka Zora ; 113), str. 74–88.

*

STRAMLJIČ BREZNIK I. (ur.). *Manjšalnice v slovanskih jezikih : oblika i n vloga* = *Deminutivy v slavjanskih jazykah : forma i rol'* = *Diminutives in Slavic Languages : Form and Role*. Maribor : Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta, 2015.

UŁUCHANOW I. S. „Мотивированное слово о синонимическом ряду”. *Slowotwórstwo a inne sposoby nominacji*. Katowice: Wydawnictwo Gnome, 2000, 9–17.

Извори

СДР: *Семантичко-деривациони речник*, свеска 1: Човек – делови тела. Ред. Д. Гортан Премк, В. Васић, Љ. Недељков. Нови Сад, 2003: Филозофски факултет.

- РМС: *Речник српскохрватскога књижевног језика I–VI*, Нови Сад, 1967–1976: Матица српска.
- РСАНУ: *Речник српскохрватског књижевног и народног језика 1–21*, Београд, 1959– : Српска академија наука и уметности.
- РСЈ: *Речник српског језика*, друго издање, Нови Сад, 2018: Матица српска.
- Српко: *Корпус српског језика Матице српске*: korpus.rsj.rs, приступљено 30. јануара 2025.
- ПДРС: *Корпус српског језика*: <https://www.clarin.si/ske/#dashboard?corpname=pdrs10>, приступљено 30. јануара 2025.

Rajna Dragichevich

DERIVATIONAL CHAINING OF DERIVATIVES IN THE SERBIAN LANGUAGE (BASED ON THE MATERIAL OF THE SEMANTIC-DERIVATIONAL DICTIONARY OF THE SERBIAN LANGUAGE)

Summary

The paper analyzes the derivational nests of somatisms that are treated in the Semantic-Derivational Dictionary of the Serbian Language. The derivational chaining of somatisms is presented by presenting data on the number of derivatives obtained by suffixing each somatism, and then all derivatives are classified into thematic groups. It was determined that among the derivatives of somatisms, there are by far the most nouns of subjective evaluation (diminutives and augmentatives). The paper analyzes the meanings of these nouns with the aim of concluding why diminutives and augmentatives make up the largest part of derivatives in the semantic-derivational nests of somatisms in the Serbian language. It was concluded that these nouns have a very rich polysemy and that they manage to produce a system of semantic units through polysemy, parallel in number and affiliation to thematic groups to the system of all other derivatives in the derivational nests of somatisms. It was concluded that diminutives and augmentatives play a very important role both in the derivational nests of somatisms and in the lexical system of the Serbian language.

Keywords: derivational nest, derivative, derivation, word formation, nouns of subjective evaluation, diminutive, augmentative, Serbian language.

NICOL JANOČKOVÁ*

Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra Slovenskej akadémie vied,
verejná výskumná inštitúcia, Bratislava, Slovenská republika

(DE)NUMERÁLNE SLOVOTVORNÉ HNIEZDA V SLOVENČINE**

Slovotvorné hniezdo predstavuje štruktúru derivátov, (kvázi)kompozít, kompozično-derivačných jednotiek a analytických lexém spojených rovnakou koreňovou morféomou a usporiadaných do slovotvorných radov a slovotvorných paradigiem. Číslovky (numerále), hlavne určité, sú vo svojej podstate autoderivabilné [*päť* – *piaty*, *päťdesiat*, *päťoro*, *pätina*, *päťkrát/päť ráz*, (*po*) *piatykrát/(po) piaty raz*, *päťnásobný*, *päťnásobne*, *päťoraký*, *päťorako*], ich slovotvorba sa vyznačuje viac-menej pravidelnosťou, systematickosťou a otvorenosťou. Okrem toho motivujú substantívne deriváty (*pätica*, *pätorka*, *pätorča*, *piatak*), menej adjektívne (*pätinový*, *miliónový*) a slovesné (*jednotiť*, *strojnásobiť*, *poliť*). Prostredníctvom (kvázi)kompozít a kompozično-derivačných jednotiek sa slovotvorné hniezda čísloviek prepájajú jednak navzájom [*sto* + *tri* + (*desať* →) *dsať* + *päť* → *stotridsaťpäť* / *sto tridsaťpäť*], jednak s inými slovnými druhmi, hlavne so substantívami (*päťuholník* „útvár s piatimi uhlami“, *päťročný* „majúci alebo trvajúci päť rokov“, *päťmetrový* „vymedzený hodnotou päť metrov“). V našom príspevku sa preto zameriame na denumerálnu slovotvorbu v slovenčine.

Kľúčové slová: číslovky (numerálie), intranumerálna a denumerálna slovotvorba, slovotvorné hniezdo, slovotvorná paradigma, slovotvorný rad, stupne motivácie, polymotivácia, slovenčina.

1. Úvod a teoretický prehľad

Číslovky ako predmet slovotvorných analýz sa v slovenčine skúmali len okrajovo, obyčajne ako súčasť ťažiskového gramatického opisu (Morfológia slovenského jazyka 1966; Ondrus 1969, 1978; Jacko 1974; v češtine Mluvnice češtiny 1 1986; Šimandl 2011; Štícha a kol. 2013) alebo v rámci opisu slovotvornej štruktúry slova jednotlivých

* nicol.janockova@juls.savba.sk, ORCID: 0009-0004-3668-2733

** Príspevok bol vypracovaný v rámci riešenia projektu VEGA č. 2/0016/21 *Slovník súčasného slovenského jazyka – 7. etapa (koncipovanie a redigovanie slovníkových hesiel a s tým spojený lexikologicko-lexikografický výskum)*.

slovných druhov (Ondrus a kol. 1980; v češtine Šimandl 2015, 2016) či slovotvorných útvarov (Furdík 2004; Vužňáková 2012; v češtine Bozděchová 1994; Šlosar 1999). Využitie čísloviek v terminológii so zreteľom na numerický základ derivátov, kompozít a viacslovných spojení (*dvanásťorák, druhorodička, jednomotorové lietadlo, viacnásobný vetný člen*) skúmala O. Kajanová (1960). Na denumerálne slovesá (*štvrtiť, máliť sa, rozmnožiť – rozmnožovať*) a ich neurčité slovesné tvary (*pohlavné rozmnožovanie*) sa sústredila M. Marsinová (1979).

P. Ondrus a kol. (1980) opisujú najmä deriváciu a kompozíciu pri tvorení jednotlivých druhov čísloviek (napr. kompozíciu pri základných číslovkách, deriváciu radových čísloviek zo základných čísloviek pomocou adjektívnej paradigmy) a konštatujú, že číslovky fungujú aj ako motivačný základ pri zložených substantívach a adjektívach (*štvoruholník, prvotriedny*). Číslovky ako motivanty možno nájsť naprieč motivovanými slovnými druhmi, hlavne pri substantívach ako názvy osôb (*piatak*), názvy vecí (*množina*) a hromadné názvy (*tisícrocie*).

J. Furdík (2004: 76) hovorí o autoderivabilnosti čísloviek (*dvaďsaťšesť, piaty, štvoro, osemkrát, sedemnásobný*) aj o motivácii iných slovnodruhových motivátov – substantívnych derivátov (*ôsmak, trojica, milionár*) a substantívnych či adjektívnych kompozít s prvým numerálnym komponentom (*štvorvalec, prosím, horný index 1 presunúť za zátvorku: osemmesačný*¹). Pri prehľade onomaziologických kategórií derivátov a kompozít autor osobitne neuvádza denumerálne deriváty (*ôsmak, štvorka, prosím, horný index 2 presunúť za zátvorku: päťročatá*²) ani numerálne kompozitá (*stodvaďsať*). Nespomína ani sufixoidné kvázikompozitá typu *päťkrát, pätnásť, dvaďsať, päťdesiat*. K substantívnym kompozitám do modifikačnej kategórie radí atributívne kompozitá s prvým numerálnym slovotvorným základom (*prvočíslo, dvojhra, päťhlas, desaťboj, mnohočlen*). Z adjektívnych kompozít v rámci mutačnej kategórie uvádza determinatívne kompozitá s prvým numerálnym základom z atributívnych syntagiem (*jednoradový, stohlavý, viacúčelový*) a verbálnych syntagiem (*dvojznačný, trojnásobný*)³.

¹ Uvedené príklady sú utvorené kompozično-derivačným slovotvorným postupom: *štyri + valec* → *štv-or-valec* „motor so štyrmi valcami”; *osem + mesiac* → *osem-mesač-ný* „majúci alebo trvajúci osem mesiacov”.

² Derivát typu *ôsmak* by sme mohli zaradiť do mutačnej kategórie denumeratív s motivačným významom „názvy osôb vo vzťahu k poradiu vyjadrenému v základe”, *štvorka* – „názov toho, čo je označené číslom vyjadreným v základe”, *päťročatá* – „názov osôb, zvierat vo vzťahu k počtu uvedenému v základe”.

³ Uvedené príklady nevnímame ako čisté kompozitá, ale ako kompozično-derivačné jednotky: *jeden + rad* → *jedn-o-rad-ový* „pozostávajúci z jedného radu niečo” atď.

Komplexný prehľad onomaziologických kategórií denumerálnych derivátov a kompozít pripravila K. Vužňáková (2006). Naposledy sa číslovkám dostalo intenzívnejšej pozornosti pri slovotvornej syntéze slovenčiny, pri ktorej sa na číslovky nazeralo z dvoch perspektív – na číslovky ako motivant a číslovky ako motivát (Vužňáková 2015). Numeráliá podľa autorky motivujú 1,9 % autosémantických motivátov, najviac adjektív, ďalších numerálií a substantív, menej sloviess a adverbií. V rámci morfolologickej motivácie motivujú napr. neurčité adverbiá (*veľa, trocha*), substantíva (*Desatoro*), adjektíva (*posledný*), partikuly (*jedine*), konjunkcie/partikuly (*jednako*). Ako kvázisyntakticky motivované hodnotí K. Vužňáková (2015: 686) prípady typu *a jednako*. Zo slovotvorných spôsobov pri číslovkách prevažuje kompozícia nad deriváciou.

Slovotvorné hniezdo predstavuje štruktúru derivátov, kvázikompozít, kompozít, kompozično-derivačných a analytických lexém spojených rovnakou koreňovou morféomou a usporiadaných vzťahmi slovotvornej motivácie do slovotvorných radov a slovotvorných paradigiem⁴. Reprezentantom hniezdového spracovania slovenskej lexiky je Slovník koreňových morféom slovenčiny (Sokolová a kol. 2012; SKMS), ktorý má morfematically-derivačný charakter a hniezdovo zachytáva približne 66 500 jednotiek⁵. Slovník je primárne usporiadaný do súborov koreňových morféom (KM), ktoré sa často zhodujú so slovotvornými hniezdami. Pri polysémii koreňov sú súbory KM širšie ako slovotvorné hniezda a preto môžu obsahovať viacero hniezd.

Slovotvorná paradigma je užší pojem a zahŕňa zoskupenie motivátov v bezprostrednom vzťahu k svojmu motivantovi (vertikálny rozmer slovotvornej motivácie). Slovotvorné hniezdo pozostáva z 1 až n slovotvorných paradigiem. Sled jednotiek motivovaných jeden za druhým tvorí **slovotvorný rad** (horizontálny rozmer slovotvornej motivácie), v ktorom je každý motivát výsledkom predošlého slo-

⁴ J. Furdík (2004: 157) charakterizuje slovotvorné hniezdo ako súbor slovotvorných radov a paradigiem, ktoré majú spoločný východiskový motivant. K činiteľom, ktoré vplývajú na motivačný potenciál východiskového motivanta v slovotvornom hniezde radí: príslušnosť motivanta k slovnému druhu, stupeň vlastnej motivovanosti, mieru sémantickej korelácie motivačných párov, rozvinutosť sémantickej štruktúry, intenčnú hodnotu a valenčný potenciál, štylistickú hodnotu, frekvenciu, príslušnosť k produktívnemu alebo neproduktívnemu slovotvornému typu (Furdík 2004: 79–80).

⁵ SKMS materiálom vychádzal z Krátkeho slovníka slovenského jazyka (Kačala a kol. 1997), Pravidiel slovenského pravopisu (Považaj 1998) a pri dopĺňaní chýbajúcich jednotiek využíval Slovenský národný korpus (2011; SNK).

votvorného vzťahu a má v tomto rade svoju pozíciu ako motivant, motivát alebo oboje zároveň (motivačná intencia, Furdík 2004).

V rámci analýzy širších **motivačných** (teda nielen slovotvorných) **radov** v slovenčine (Ološtiak, Genči 2020) sa konštatuje, že najrozsiahlejšie hniezda majú číslovky *dva* (veľkosť hniezda 278 lexém, 219 radov), *jeden* (183 lexém, 134 radov), *štyri* (172 lexém, 119 radov), *tri* (149 lexém, 102 radov). Číslovky majú najvyššiu potenciu – na jedno numerále pripadá 73 členov hniezda a 48 radov. Nachádzajú sa na 4. mieste v pozícii iniciály (po substantívach, slovesách, adjektívach), na 7. mieste v pozícii terminály (po adjektívach, substantívach, adverbách, slovesách, pronomínach a partikulách). Medzi dvojčlenné denumerálne motivačné rady patria⁶:

Num → Adj: *sto (listov)* → *stolistý*

Num → Sub: *štyri* → *štvorica*

Num → Num: *tri* → *trojmo*

Číslovky sú vo výslednom motiváte slovotvorne priezračné, až na prípady so zastretou slovotvornou štruktúrou pri základných číslovkách typu *dvanásť*, *dvadsať*⁷.

V našom príspevku sa preto zameriame na denumerálnu slovotvorbu v slovenčine. Vzhľadom na obmedzený priestor sa nebudeme venovať širokej škále názorov na klasifikáciu čísloviek v slovenčine, pretože ide hlavne o gramatickú problematiku, ale sústredíme sa na ich slovotvorbu prostredníctvom analýzy ich slovotvorných hniezd. Problematike (de)numerálnych (kvázi)kompozít, kompozično-derivačných a analytických lexém sme sa venovali na inom mieste (Janočková, Šrámeková 2024).

2. Výskumný materiál a metodológia

Pri zostavovaní hniezd, ktorých prvotným motivantom je určitá číslovka – **(de)numerálnych slovotvorných hniezd** (DSH), sme výskumný materiál (určité číslovky, číslovkové deriváty, (kvázi)kompozitá, kompozično-derivačné jednotky a analytické lexémy) čerpali

⁶ Vysvetlivky skratiek: Num – numerále, Sub – substantívum, Adj – adjektívum, → smer motivačného vzťahu.

⁷ Segment *-násť* v číslovkách typu *dvanásť* vznikol z pôvodného tvaru **na desęte* „na desiatke, na desiatich“ (L sg. od psl. *desętb*), napr. *jedenásť* < **jedinę na desęte* „jeden (navyššie) na desiatich“, *dvanásť* < **dęva na desęte* „dva (navyššie) na desiatich“. Segment *-dsať* v číslovkách typu *dvadsať* vznikol z pôvodného tvaru **desętb*, teda z psl. **dęva desęti* (duál), *tridsať* < **tri desęti*, *štyridsať* < **četyri desęti* (plurál) (Králík 2015).

z troch zdrojov: Slovník slovenského jazyka (Peciar 1959 – 1968; SSJ), Krátky slovník slovenského jazyka (Kačala a kol. 2003; KSSJ) a Slovník súčasného slovenského jazyka (Buzássyová, Jarošová 2006; Jarošová, Buzássyová 2011; Jarošová 2015; Jarošová 2021) – a to prostredníctvom lexikografického korpusu LexiCorp (Benko 2019). Materiál predstavoval 3 724 jednotiek usporiadaných do slovotvorných hniezd (v tabuľkovom procesore Microsoft Excel). Do úvahy sme brali aj polymotivačné vzťahy (s nimi to bolo 4 599 jednotiek), ktoré vnímame ako otvorené. Analyzovali sme 18 DSH, v ktorých v pozícii prvého motivanta vystupovali tieto základné číslovky: *nula, jeden* (v rámci toho aj supletívne *prvý*), *dva* (v rámci toho aj supletívne *druhý*), *tri, štyri, päť, šesť, sedem, osem, deväť, desať, sto, tisíc, milión, miliarda, bilión*⁸.

Metodologicky sme vychádzali z teórie lexikálnej a užšie slovotvornej motivácie podľa J. Furdíka (2004, 2008). Motivačné vzťahy sme overovali v SKMS (Sokolová a kol. 2012), ale v niektorých prípadoch sme sa od neho odklonili, napr. *jednať sa* a ostatné jeho deriváty (*objednať, objednávka...*) sme zaradili do hniezda *jeden*. SKMS tieto deriváty spracúva v samostatnom hniezde s homonymnou KM *jedn-*, ale etymologicky tieto deriváty súvisia s číslovkou *jeden* (Králik 2015). SKMS rozlišuje sklonnú a nesklonnú podobu čísloviek v dvoch samostatných heslách, pričom nesklonná podoba je motivátom sklonnej (*dv-a* → *dv-a*«⁹). Sklonnú a nesklonnú podobu v hniezde nerozlišujeme, lebo táto variantnosť nezasahuje do slovotvorby. Zlomkové číslovky vnímame na základe slovotvorných parafráz ako polymotivované: zo základných čísloviek (*šesť* → *šest-ina* „časť celku vzniknutá jeho rozdelením na šesť rovnakých častí“) aj z radových čísloviek (*šesť* → *šiest-y* → *šest-ina* „šiesta časť celku“). SKMS ich spracúva ako motiváty len radových čísloviek (*šesť* → *šiest-y* → *šest-ina*).

Prostredníctvom slovotvorných hniezd sme analyzovali motiváty vzniknuté morfológickou motiváciou, deriváciou, transflexiou, (kvázi)kompozíciou či kombináciou týchto slovotvorných postupov, ale pre obmedzený priestor sa (de)numerálnym kvázikompozitám, kompozitám a analytickým lexémam¹⁰ na tomto mieste nebudeme

⁸ Číslovky *milión* a *miliarda* majú rovnakú koreňovú morfému *mili-*, ale analyzovali sme ich samostatne. Variantom koreňovej morfémy *mili-* je aj *míl-* s motivátmi typu *míľa, míl'ový, míl'ník*, ale tie sme do úvahy nebrali. Číslovka *bilión* bola prevzatá z francúzskeho *billion*, čo je skrížením latinského *bi-* a francúzskeho *million*, prevzatého z talianskeho *milione* (Králik 2015).

⁹ Znakom « sa v SKMS označujú neflektívne slovné druhy.

¹⁰ Ide len o pomocný termín. Uvedomujeme si jeho terminologickú vágnosť, keďže existujú rozličné prístupy k viacslovným pomenovaniám, ich klasifikácii

venovať. Viacslovné denumerálne jednotky (analytické lexémy) sme do hniezd začlenili len výberovo, ak vystupovali ako motivanty príslušných jednoslovných motivátov (**tri osminy** → *trojosminový*, **dva milióny** → *dvojmiliónový*, **mnoho miliárd** → *mnohomiliardový*). Analytické lexémy v pozícii motivátov sa vyskytli pri tvorení miliónov a miliárd základných číselníkov a pri tvorení zlomkových číselníkov [(*dva + desať*) → *dva-dsať + milión* → **dvadsať miliónov**; *osem + pol* → **osem a pol**]. Číselníky v terminologických spojeniach (*nultý poludník*; *divadlo jedného herca*; *prvá pomoc*; *druhá mocnina*; *tretí sektor*; *štvrtý rýchlostný stupeň*), lexikalizovaných spojeniach (*napísať niečo jedným ťahom*; *prvá dáma*; *druhý sviatok vianočný*; *sedem divov sveta*) a frazémach (*začínať od nuly*; *byť na jednej lodi*; *hrať dvojaká hru*; *nevstúpiš dvakrát do tej istej rieky*; *kúpiť niečo za päť prstov a šiestu dlaň*; *držať niečo pod siedmimi zámkami*; *ôsmy div sveta*; *trinásť komnata*; *situácia sa otočila o stoosemdesiat stupňov*; *nápad za milión*) neboli súčasťou analýzy, pretože si vyžadujú osobitný prístup ako syntakticky či frazeologicky motivované jednotky.

Podobne do hniezd neboli začlenené ani viacslovné terminologické spojenia (*jednoduché cukry*; *podvojný účtovníctvo*; *štvrtaktný cyklus motora*; *Sedembolestná Panna Mária*; *desatinné číslo*) a frazémy obsahujúce denumerálny motivát (*Adamov/Evin prvotný pád*; *ľúbostný trojuholník*; *do tretice všetko dobré*; *kamarát z mokrej štvrte*; *nemať piatku ani sviatku*; *sedemmilľové čizmy*). Avšak samostatné jednoslovné denumerálne motiváty (*jednoduchý*, *prvotný*, *trojuholník*...) sme do hniezd zaradili.

3. Numeráliá v slovotvorbe

Slovotvorbu, pri ktorej ako motivanty vystupujú číselníky (**denumerálna slovotvorba** v širšom zmysle), možno rozdeliť do dvoch skupín:

či hľadaniu hraníc medzi voľným spojením (voľnou syntaktickou konštrukciou) a ustáleným spojením (viacslovným pomenovaním), porov. napr. Ološtiak – Ivanová (2013). V našom prípade ako analytické lexémy hodnotíme akékoľvek formálne viacslovné (obyč. dvojslovné) spojenie, ktoré vystupuje ako denumerálny motivát (**dva milióny** → *dvojmilión-ový*) alebo denumerálny motivát (*dva + milión* → **dva milióny**, *osem + pol* → **osem a pol**). Ako analytickú lexému vnímame aj prípady typu *tri štvrte*, *päť ráz*, ktoré fungujú ako ortografický variant kompozita či kvázikompozita (*trištvrte*, *päťkrát*).

A. Intranumerálna slovotvorba – tvorenie čísloviek od čísloviek¹¹:

- nižšie základné (do *sto*, aj sufixoidmi *-násť*, *-dsať*, *-desiat*)¹² a vyššie základné (od *stojeden/sto jeden*),
- nižšie radové (do *stý*) a vyššie radové číslovky (od *stoprvý/sto prvý*),
- skupinovú (sufixmi *-oje*, *-oro*),
- zlomkové (sufixom *-in-a*; transflexne: *štvrtý* → *štvrt-0*),
- násobné adjektívne a adverbiálne (sufixoidmi *-krát*, *raz/razy/ráz*; kompozično-derivačne *-dvakrát/dva razy + násobiť* → *dv-oj-násob-n-ý*; transflexne: *dv-oj-násob-n-ý* → *dv-oj-násob-n-e*),
- druhovú adjektívne a adverbiálne (sufixmi *-oj-ak-ý*, *-or-ak-ý*; transflexne: *dv-oj-ak-ý* → *dv-oj-ak-o*, *štv-or-ak-ý* → *štv-or-ak-o*).

B. Denumerálna slovotvorba (v užšom zmysle) – tvorenie iných slovnodruhových derivátov, (kvázi)kompozít a kompozično-derivačných jednotiek z čísloviek, napr. substantív (*jedn-ota*, *jedn-o-bož-stvo*, *jedn-o-rož-ec*, *multi-milionár*), adjektív (*jedn-ot-livý*, *jedn-o-duch-ý*, *jedn-o-zväzk-ový*), prísloviek (*o-jedin-el-e*, *jedn-o*; *o-st-o-šesť*), slovík (*z-jedn-ot-iť*), častíc (*jedin-e*).

Východiskovým motivantom v DSH je vždy základná číslovka. Radové číslovky sú motivované od základných, s výnimkou čísloviek *prvý*, *druhý*, ktoré predstavujú supletívne podoby s vlastným hniezdom. Číslovky *dva*, *tri*, *štyri* majú pri motivácii slovotvorným základom zloženým z KM *dv-*, *tr-*, *štyr-/štr-/štv-/štv-* aj podoby slovotvorného základu zloženého z KM a derivačnej morfémy (DM) *dv-oj-*, *tr-oj-* a *štv-or-*, pričom tie sa používajú pri rozdielnych derivátoch a kompozitách¹³.

Radové číslovky vznikajú zvyčajne transflexiou so sprievodnými alternáciami v základe (*päť-0* → *piat-y*; *šesť-0* → *šiest-y*; *sedem-0* → *siedm-y*; *osem-0* → *ôsm-y*; *deväť-0* → *deviat-y*; *desať-0* → *desiat-y*; *st-0* → *st-ý*; *tisíc-0* → *tisíc-i*) alebo sufixáciou zo základných čísloviek (*nul-a* → *nul-t-ý*; *tr-i* → *tr-et-í*; *štyr-i* → *štvrt-t-ý*; *milión-0* → *milión-t-y*; *miliard-a* → *miliard-t-ý*; *bilión-0* → *bilión-t-y*). Vyššie radové číslovky (od *stoprvý/sto prvý* vyššie) – majú hybridnú slovotvornú formu – len desiatkové a jednotkové rády majú transflex/sufix radovej číslovky, ostatné rády zostávajú v podobe základnej číslovky, napr. (3 254 – *tritisíc-dvesto-*

¹¹ SKMS túto slovotvorbu nazýva kvantitatívnou modifikáciou.

¹² SKMS hodnotí typ *dva desať jeden / jedenadva desať* ako tautologické varianty.

¹³ Variantnosti pri číslovkách *dvojstý/dvestý* sa naposledy venovala I. Šrámeková (2023).

päťdesiatštyri / tritisíc dvesto päťdesiatštyri →) 3 254. – *tritisíc dvesto päťdesiat-y štvr-tý* / *tritisíc dvesto päťdesiat-y štvr-tý*.

Základné aj radové číslovky motivujú príslušné **zlomkové číslovky** (*päť* → *pät-in-a* alebo *päť* → *piat-y* → *pät-in-a*). Zlomkové číslovky motivujú vzťahové adjektívum (*pät-in-a* → *pät-in-ov-ý*) a deminutívum (*pät-in-k-a*). Vyššie zlomkové číslovky majú analytickú podobu – slovotvorne hybridné číslovky utvorené v kombinácii so základnými číslovkami (*tri* + *päť* / *piaty* → *tri päť-in-y*) – a motivujú kompozično-derivačné adjektíva (*tri päť-in-y* → *tr-ov-pät-in-ov-ý*).

Jednotlivé druhy čísloviek motivované z východiskovej základnej číslovky tvoria vlastné **slovotvorné paradigmy** v rámci hniezda (v uvedenom výseku hniezda sú tučným typom písma zvýraznené jednotlivé druhy čísloviek odvodené od základného motivanta *desať*):

<i>desať</i> → <i>desiat-y</i>	→ <i>desat-ina</i>	→ <i>desatin-ný</i>	
		→ <i>desatin-ka</i>	
	→ <i>desiat-ak</i>	→ <i>desiatac-ký</i>	
		→ <i>desiatač-ka</i>	
	→ <i>desiat-ok</i> (10. časť úrody)		
	→ <i>desiat-a</i>	→ <i>desiat-ový</i>	
		→ <i>desiat-ar/-ár</i>	→ <i>desiatar-/desiatar-ka</i>
		→ <i>desiat-ovat'</i>	→ <i>na-desiatovat' sa</i>
			→ <i>do-desiatovat'</i>
			→ <i>po-desiatovat'</i>
→ <i>desiat-ok</i> (10 Zdravasov v ruženci)			
→ <i>desat-ina</i>	→ <i>desatin-ný</i>		
	→ <i>desatin-ka</i>		
→ <i>desat-oro</i> ¹ (čisl.)	→ <i>desator-aký</i>	→ <i>desatorak-o</i>	
	→ <i>Desatoro</i>	→ <i>desatoro</i> ² (subst.)	
→ <i>Desat-oro</i>	→ <i>desatoro</i> ² (subst.)		
→ <i>desať-krát / ráz</i>	→ <i>desať-násob-ný</i>	→ <i>desať-násobn-e</i>	
		→ <i>desaťnásob-ok</i>	
		→ <i>z-desaťnásob-it'</i>	→ <i>zdesaťnásob-ovat'</i>
	→ <i>desať-násobne</i>		
	→ <i>desať-násobok</i>		

V **Tabuľke č. 1** (príloha) prinášame základné údaje k jednotlivým DSH.

Motivačné stupne v DSH sa pohybovali v rozsahu 2 – 7 stupňov. Najviac motivačných stupňov: 7 stupňov – *jeden*; 6 stupňov – *dva, desať*; 5 stupňov – *tri, štyri, osem*. Najmenej motivačných stupňov: 2 stupne – *bilión*. Priemerný počet motivačných stupňov na jedno DSH: 4,3. Najfrekvencovanejšie boli prípady s tromi, štyrmi a piatimi motivačnými stupňami (3 stupne – *prvý, druhý, tisíc*; 4 stupne – *nula, päť, šesť, sedem, deväť, sto, milión, miliarda*; 5 stupňov – *tri, štyri, osem*). Nízky a vysoký počet motivačných stupňov je menej frekvencovaný. **Tabuľka č. 2** (príloha) ilustruje počet motivačných stupňov vzostupne na počet prípadov. V ďalšom prinášame príklady na jednotlivé motivačné stupne¹⁴, pričom motiváty na vyšších motivačných stupňoch predstavujú zväčša výsledky z polymotivácie (sekundárnej motivácie). Motiváty na jednotlivých stupňoch segmentujeme podľa aktuálneho slovotvorného formantu:

2 motivačné stupne:

bilión → *bilión-ty* → *biliónt-ina*¹⁵

3 motivačné stupne:

prvý → *prv-0* → *naj-prv* → *po-najprv*
druhý → *druh-o-lig-ový* → *druholig-ista* → *druholigist-ka*
tisíc → *tisíc-i* → *tisíc-ina* → *tisícin-ka*
tisíc → *tisíc-oro* → *tisícor-aký* → *tisícorak-o*
tisíc → *tisíc-krát/tisíc ráz* → *tisíc-násob-ný* → *s-tisíc násob-it'*
tisíc → *sto-tisíc* → *stotisíc-krát* → *na-stotisíckrát*

4 motivačné stupne:

nula → *a-nul-ácia* → *anul-ovať* → *anulov-anie* → *anulov-ací*
päť → *piat-y* → *piat-ok* → *piatk-ár* → *piatkár-sky*
päť → *päť-násť* → *pätnásť-y* → *pätnásť-ina* → *pätnásťin-ový*
päť → *päť-sto* → *päťst-ovka* → *päťstovk-ár* → *päťstovkár-ka*
šesť → *šesť-desiat* → *päť-a-šesťdesiat* → *päťašesťdesiat-nik* → *päťašesťdesiatnič-ka*
sedem → *sedem-násť* → *sedemnásť-krát/sedemnásť ráz* → *sedemnásť-násob-ný* → *sedemnásťnásobn-e*

¹⁴ Motiváty s jedným stupňom sa vyskytujú v každom hniezde, ale žiadna východisková číslovka nemala maximálny počet iba jeden stupeň, preto tu tieto prípady neuádzame.

¹⁵ Popri motivačnom vzťahu *bilión* → *bilión-tina*.

deväť → *deväť-desiat* → *deväťdesiat-oro* → *deväťdesiator-aký* → *deväťdesiatorak-o*

sto → *sto-krát/sto ráz* → *sto-násob-ný* → *zo-stonásob-it'* → *zostonásobiť sa*

sto → *sto-roč-ie* → *pol-storočie* → *polstoroč-ný* → *polstoročn-ica*

milión → *milión-ový* → *milion-ár* → *multi-milionár* → *multimilionár-sky*

miliarda → *miliard-ový* → *miliard-ár* → *miliardár-ka* → *multi-miliardárka*

5 motivačných stupňov:

tri → *tri-dsať* → *dva-a-tridsať* → *dvaatridsiat-y* → *dvaatridsat-ina* → *dvaatridsatin-ový*

štyri → *štyri-krát/štyri razy* → *štv-or-násob-ný* → *zo-štvornásob-it'* → *zoštvornásobiť sa* → *zoštvornásob-ovať sa*

osem → *osem-krát/osem ráz* → *osem-násob-ný* → *z-osemnásob-it'* → *zosemnásob-ovať* → *zosemnásobovať sa*

6 motivačných stupňov:

desať → *dva-dsať* → *dvadsať-krát/dvadsať ráz* → *dvadsať-násob-ný* → *z-dvadsaťnásob-it'* → *zdvadsaťnásobiť sa* → *zdvadsaťnásob-ovať sa*

7 motivačných stupňov:

jeden → *jedn-ota* → *jednot-ný* → *jednot-it'²* (spájať do celku) → *z-jednotiť* → *zjednoc-ovať* → *zjednocov-atel'* → *zjednocovatel'-ka*

jeden → *jedn-ota* → *jednot-ný* → *jednot-it'²* (spájať do celku) → *z-jednotiť* → *zjednoc-ovať* → *zjednocov-atel'* → *zjednocovatel'-ský*

4. Polymotivácia v intranumerálnej a denumerálnej slovotvorbe

Polymotivácia „znemožňuje chápať slovotvorný systém ako súbor jednoznačných vzťahov medzi motivantmi a motivátmi“ (Sokolová a kol. 2012: 33). V DSH je frekventovaná, zachytili sme ju len výberovo a brali do úvahy pri určovaní veľkosti DSH (porov. tabuľka č. 1 v prílohe).

A. Polymotivácia pri intranumerálnych motivátoch:

– zlomkové číslovky – motivované základnými alebo radovými¹⁶:

sedem → *sedm-ina* „časť celku vzniknutá jeho rozdelením na **se-dem** rovnakých častí“

sedem → *siedm-y* → *sedm-ina* „**siedma** časť celku“

¹⁶ SKMS (Sokolová a kol. 2012) hovorí o tom, že motivát v prípadoch viacnásobnej motivácie tvorí slovotvorný uzol (v tomto prípade by to bola zlomková číslovka *sedmina*).

– zlomkové číslovky – motivované primárnymi zlomkovými alebo radovými:

štvrt-ý → *štvrt'-O* → *štvrt-ka* „hovorové **štvrt'**“

štvrt-ý → *štvrt-ka* „**štvrtá** časť niečoho“

– násobné príslovkové číslovky sa vnímajú ako motivované násobnými adjektívnymi alebo primárnymi násobnými číslovkami:

sedem + *-krát / raz* → *sedem-krát / sedem ráz* → *sedem-násob-ný* → *sedemnásobn-e* „**sedemnásobným** spôsobom“

sedem + *-krát / raz* → *sedem-krát / sedem ráz* → *sedem-násobne* „znásobene **sedemkrát, sedem ráz** toľko“

– skupinová číslovka *oboje* motivovaná z trunkovanej základnej *oba*:

dva → *ob-i-dv-a* → *ob-a* → *ob-oje*

– skupinová číslovka *oboje* utvorená trunkáciou zo zloženej skupinovej *obidvoje*:

dva → *ob-i-dv-a* → *ob-i-dv-oje* → *ob-oje*

– skupinová číslovka *oboje* utvorená trunkáciou zo zloženej skupinovej číslovky *obidvoje*, ktorá vznikla z primárnej skupinovej číslovky (*dvoje*):

dva → *dv-oje* → *ob-i-dv-oje* → *ob-oje*

B. Polymotivácia pri denumerálnych motivátoch:

– názov spredmetnenia kvantity (Vužňáková 2015) motivovaný od násobnej adjektívnej číslovky alebo od primárnej násobnej číslovky:

sedem + *-krát / raz* → *sedem-krát / sedem ráz* → *sedem-násob-ný* → *sedemnásob-ok* „**sedemnásobné** množstvo niečoho“

sedem + *-krát / raz* → *sedem-krát / sedem ráz* → *sedem-násob-ok* „**sedemkrát/sedem ráz** väčšia hodnota niečoho“

– názov spredmetnenia kvantity motivovaný od základnej číslovky alebo názov nositeľa poradia motivovaný od radovej číslovky:

päť + *desať*¹⁷ → *päť-desiat* → *päťdesiat-iny* „vek **päťdesiat** rokov“

päť + *desať* → *päť-desiat* → *päťdesiat-y* → *päťdesiat-iny* „**päťdesiate** narodeniny“

¹⁷ Vývoj sufixoidov *-násť*, *-desiat*, *-desať* v slovenčine porov. R. Krajčovič (1988: 127–128) a Ľ. Králik (2015), v češtine D. Šlosar (1999: 73–74).

- päť + *na desať* → *pät-násť* → *pätnást-ka* 1. „vek **pätnásť** rokov”,
 2. „kto má **pätnásť** rokov”
*päť + *na desať* → *pät-násť* → *pätnást-y* → *pätnást-ka* 1. „**pätnásť**
 narodeniny”, 2. „kto oslavuje **pätnásť** narodeniny”

– názov nositeľa množstva (Vužňáková 2015) motivovaný základnou číslovkou alebo vzťahovým adjektívom utvoreným zo základnej číslovky:

- milión* → *milion-ár* „kto má majetok v hodnote **milión** peňazí
 tých jednotiek”
milión → *milión-ový* → *milion-ár* „kto má **miliónový** majetok”

– adjektívne názvy príznaku množstva/kvantity (Vužňáková 2015) motivované substantívnym názvom nositeľa množstva/zloženia alebo názvom spredmetnenia kvantity (číselným substantívom):

- päť + sto* → *pät-sto* → *pätst-ovka* → *pätstovk-ár* → *pätstovkár-sky*
 „súvisiaci s **pätstovkárom**”
päť + sto → *pät-sto* → *pätst-ovka* → *pätstovk-ársky* „súvisiaci
 s **pätstovkou**”

– adjektívne názvy príznaku množstva/kvantity (Vužňáková 2015) motivované základnou číslovkou alebo názvom spredmetnenia kvantity (číselným substantívom):

- dva + *na desať* → *dva-násť* → *dvanást-kový* „obsahujúci **dvanásť**
 jednotiek” (*dvanástková sústava*)
*dva + *na desať* → *dva-násť* → *dvanást-ka* → *dvanástk-ový* „súvi-
 siaci s dvanástkou” (*dvanástkové pivo*)

– druhová číslovka príslovková s prefixom *ne-* motivovaná druhovou číslovkou príslovkovou v afirmatívnej (prefixácia) alebo adjektívom s prefixom *ne-* (transflexia):

- jeden* → *jedn-aký* → *jednak-o* → *ne-jednako* „nie **jednako**”
jeden → *jedn-aký* → *ne-jednaký* → *nejednak-o* „**nejednakým** spôsobom”

– kompozično-derivačnú jednotku s prvým slovotvorným základom numerálnym možno interpretovať aj ako univerbát (názov nositeľa vlastnosti):

- dva + liter* → *dv-oj-litr-ovka* „fľaša s objemom **dva litre**” (kompo-
 zično-derivačná jednotka)
dva + liter → *dv-oj-litr-ový* + *fľaša* → *dvojlitrov-ka* „**dvojlitrová**
 fľaša” (univerbát)

– substantívny názov nositeľa množstva/zloženia (Vužňáková 2015) *Desatoro* vytvorený morfológickou motiváciou a proprializáciou zo skupinovej číslovky *desatoro*¹ alebo sufixáciou a následnou proprializáciou zo základnej číslovky *desať*:

desať → *desat-oro*¹ čisl. → *Desatoro* „**desatoro** Božích prikázaní (v zmysle súhrnu prikázaní)”

desať → *Desat-oro* „**desať** Božích prikázaní”

– vzájomná motivácia medzi dejom (*anulovať*) a spredmetným dejom (*anulácia*):

(*nula* →) *a-nul-ovať* → *anul-ácia* „**anulovanie**”

(*nula* →) *a-nul-ácia* → *anul-ovať* „vykonať **anuláciu**”

Jeden denumerálny motivát môže byť výsledkom polymotivácie preto, lebo jeho jednotlivé významy majú rozličné motivanty, napr. adjektívum *osminový* môže byť motivované základnou (*osem* → *osm-inové nohavice* „nohavice majúce dĺžku **ôsmich** častí normálnej veľkosti”), radovou (*osem* → *ôsm-y* → *osm-inová nota* „nota majúca rytmickú hodnotu **ôsmej** časti celej noty”) alebo zlomkovou číslovkou (*osem* → *ôsm-y* → *osm-ina*¹ → *osmin-ový úväzok* „úväzok tvoriaci jednu **osminu** z celkového úväzku”). Alebo polysémické substantívum *desiatok*, ktorého jednotlivé významy sú motivované inými druhmi čísloviek – základnou (*desať* → *desiat-ok* „**desať** Zdravasov v ruženci”) alebo radovou (*desať* → *desiat-y* → *desiat-ok* „**desiata** časť úrody, ktorá sa odovzdávala ako daň”).

5. Vybrané denumerálne slovotvorné typy

5.1. K **morfologickým motivátom** (Furdík 2008) radíme motiváty utvorené slovnodruhovým prechodom:

a) substantivizáciu základných čísloviek (dekardinálna substantivizácia):

nula → *si obyčajná nula* (bezvýznamný človek)

jeden → *stretneme sa o jednej* (hodine)

desaťtisíc → *demonštrovali desaťtisíce* (ľudí, pl. m.)

b) substantivizáciu skupinových čísloviek (dekolektívna substantivizácia):

– spojená s proprializáciou/apelativizáciou:

desať → *desat-oro*¹ (čísl.) → *Desatoro* (desať Božích prikázaní, s.) → *investičné desatoro*² (súbor pravidiel pri investovaní, s.)

c) substantivizáciu radových čísloviek (deordinálna substantivizácia):

– vo vymedzení času označenie príslušnej hodiny: *druhý* → *stret-neme sa o druhej* – *o dvadsiatej štvrtej* (hodine) (ale *o jednej* – zo základnej číslovky)

– označenie jedla vzťahujúceho sa na príslušnú hodinu: *desať* → *na desiatu mal jogurt* (jedlo medzi raňajkami a obedom),

– označenie príslušnej triedy v škole: *prvý* → *chodiť do prvej (triedy)*

d) substantivizácia zlomkových čísloviek:

štvrt' → *mestská štvrť* (časť mesta)

osmina → *hrať osminy na base* (osminové noty)

pätnástina → *všetko najlepšie k pätnástinám* (k pätnástym narodeninám, ž. pomn.)

K zriedkavejším typom morfolologickej motivácie radíme napr. **pronominalizáciu základných a radových čísloviek** (*jeden* = niekto *nikdy nevie*; *spolužiaci z jednej* = tej istej *triedy*; *to je druhá* = iná *vec*; *starat' sa o druhých* = o iných) či **adverbializáciu základných čísloviek** (*je mi jedno, čo si myslíš*).

Druhovú adverbiálnu číslovku *jednako*¹ bola vytvorená **transflexiou** z druhovej adjektívnej číslovky *jednaký*. Následne z tejto druhovej adverbiálnej číslovky *jednako*¹ **konjunkcionalizáciou** vznikla priraďovacia spojka *jednako*² a **partikulizáciou** častica *jednako*³:

jeden → *jedn-aký* (čísl. druh. adj.) → *jednak-o*¹ (čísl. druh. prísl.) → *jednak-o*² (spoj. priraď.)

jeden → *jedn-aký* (čísl. druh. adj.) → *jednak-o*¹ (čísl. druh. prísl.) → *jednak-o*³ (časť.)

5.2. Takmer systémovo sa sufixáciou (derivačnou morféomou *-k-*, príp. rozšírenou infixmi *-ov:k-a*, *-ot:k-a*, *-or:k-a*) tvoria **číselné substantíva** ako názvy nositeľa množstva/zloženia/poradia či názvy spredmetnenia kvantity (Vužňáková 2015), napr. *nulka*, *jednotka*, *pätorka*, *šestka*, *desiatka*, *stovka*, *tisícka*. Číslovky *milión*, *miliarda*, *bilión* netvoria tieto deriváty, ale označujú význam „príslušné číslo a počet“, ich spoločným znakom je, že v expresívnom význame ozna-

čujú „veľké, bližšie neurčené množstvo“ (*filmový idol miliónov žien, narobiť si miliardu nepriateľov*). Z gramatického hľadiska to vnímame ako morfológickú motiváciu (vnútroslavnodruhový prechod určitej číslovky na neurčitú) a z lexikálneho hľadiska ako sémantickú motiváciu, pri ktorej sa rozširuje významová štruktúra lexémy.

Číselné substantíva majú bohatú polysémiu, v základnom význame pomenúvajú príslušné „číslo a číslicu“ (v *tipovaní dáva nulku, napísať dvojku, moje šťastné číslo je päťka, výsledok vydeľte osmičkou*), vo vyjadrení čísla sú synonymné s príslušnou číslovkou – pri ktorej sa niekde pociťuje elipsa čísla [v *tipovaní dáva nulu, napísať (číslo) dva, moje šťastné číslo je (číslo) päť, výsledok vydeľte ôsmimi/ (čísлом) osem*]. Ak číslovka označuje počet, k synonymii s číselným substantívom nedochádza (*jedna žena ≠ *jednotka žena, chlapec má sedem rokov ≠ *chlapec má sedmičku rokov*).

Ďalší význam príslušných číselných substantív je hovorový význam „čo je označené príslušnou číslicou (izba, dom, dopravný prostriedok a pod.)“, napr. *mať nulku Rh pozitív* – „krvnú skupinu nula“, *srdcová päťorka* – „karta s číselným označením päť“, *bývať na osmičke* – „izba číslo osem“, *nosiť deviatky* – „obuv veľkosti deväť“. Pri niektorých číselných substantívach okrem motivácie základnou číslovkou pozorujeme aj paralelnú motiváciu radovou číslovkou („čo je X-té v poradí“), dochádza tu k nesúladu formálnej a sémantickej motivácie – číselné substantívum je formálne motivované základnou alebo skupinovou číslovkou, ale sémanticky označuje význam poradie, napr. *sledovať jednotku* – „televízny kanál, okruh číslo **jeden**“ alebo „**prvý** televízny kanál, okruh“; *dvojka vpravo dolu* – „zub číslo **dva** vpravo dolu“ alebo „**druhý** zub vpravo dolu“; *preradiť na päťku* – „pri jazde na rýchlostný stupeň číslo **päť**“ alebo „pri jazde na **piaty** rýchlostný stupeň“. Užší význam je „čo je označené, určené príslušnými (mernými) jednotkami“, napr. *v tuneli sa jazdí maximálne osemdesiatkou* – „rýchlosťou 80 km/hod.“; *dať si zväčšiť prsia na päťky* – „na veľkosť číslo 5“; *zákazník platil päťdesiatkou* – „bankovkou s hodnotou 50 peňažných jednotiek“.

Iný význam „skupina X osôb alebo vecí tvoriacich celok“ majú napr. *prebojoval sa do finálovej osmičky; časopis sa umiestnil v prvej päťke najčítanejších periodík*.

Okrúhle desiatkové či stovkové číselné substantíva pomenúvajú aj príslušný vek alebo výročie: *osláviť osemdesiatku* (popri pomnožnom *osemdesiatiny*) – „vek 80 rokov“ aj „osemdesiate výročie vzniku, založenia niečoho“.

5.3 **Deminutíva**¹⁸ sa tvoria od tých čísloviek, ktoré majú substantívnu formu:

– od základných čísloviek: *nula* → *nul-ka*¹⁹, *milión* → *milión-ik*, *miliarda* → *miliard-ička*,

– od zlomkových: *tri/tretí* → *tretina* → *tret-inka*, *päť/piaty* → *päťina* → *päťin-ka*, *osem/ôsmy* → *osmina*¹ → *osmin-ka*¹, *desať/desiaty* → *desatina* → *desatin-ka*, *sto/stý* → *st-otina* → *stotin-ka*

– a od číselných substantív: *dva* → *dvojka* → *dvojoč-ka*, *sto* → *stov-ka* → *stovôč-ka*, *stovč-ička*, *tisíc* → *tisíc-ka* → *tisícoč-ka*.

Slovotvorná štruktúra čísloviek a ich motivátov vo vzťahu k typom onomaziologických kategórií poukazuje na isté **slovotvorno-morfologické paradoxy**, napr. číslovky *milión*, *tretina* sú formálne substantívne, ale deminutívne *miliónik*, *tretinka* sú substantíva, nie číslovky. Paradox je v tom, že deminutívnosť ako modifikačná kategória je spojená s modifikáciou významu, bez zmeny slovného druhu, a tu k slovnodruhovej zmene dochádza. To znamená, že buď *milión*, *tretina* nie sú číslovkami (ale substantívami²⁰), alebo *miliónik*, *tretinka* nebudú deminutívami (?).

6. Záver

Pri analýze **(de)numerálnych slovotvorných hniezd** (DSH), pri ktorej sme pracovali s termínmi **slovotvorné hniezdo**, **slovotvorná paradigma**, **slovotvorný rad** a **stupne motivácie**, sme vychádzali z teórie lexikálnej a slovotvornej motivácie podľa J. Furdíka (2004, 2008), M. Ološtiaka (2015) a z prác K. Vužňákovskej (2015) a M. Ološtiaka a J. Genčího (2020). Výskumnú vzorku tvorili jednoslovné (sporadicky aj analytické) jednotky motivované od východiskových základných čísloviek: *nula*, *jeden/prvý*, *dva/druhý*, *tri*, *štyri*, *päť*, *šesť*, *sedem*, *osem*, *deväť*, *desať*, *sto*, *tisíc*, *milión*, *miliarda*, *bilión*. Materiál – 3 724 jednotiek, resp. 4 599 vrátane polymotivovaných jednotiek, usporiadaných do (de)numerálnych slovotvorných hniezd (v tabuľkovom procesore Microsoft Excel) – sme čerpali z výkladových slovníkov slovenčiny: SSJ (Peciar 1959 – 1968), KSSJ (Kačala a kol.

¹⁸ Pravda, nejde tu o kvantitatívnu, ale skôr o kvalitatívnu deminutívnosť spojenú s príznakom expresívnosti.

¹⁹ *nula*¹ čísl. → *nula*² subst. → *nul-ka* – deminutívum (len v 1. význame „číslo, číslica 0“) je utvorené od substantivizovanej číslovky *nula*² (*pripísať k číslu nulu, nulku*). *Nulku* by sme už nevnímali ako deminutívum, ale ako hovorový variant k substantívu *nula*.

²⁰ Ako substantíva tieto prípady hodnotí napr. SSJ (1959 – 1968).

2003) a SSSJ (Buzássyová, Jarošová 2006; Jarošová, Buzássyová 2011; Jarošová 2015; Jarošová 2021) – pomocou lexikografického korpusu LexiCorp (Benko 2019). Motivačné vzťahy sme overovali v SKMS (Sokolová a kol. 2012).

Pri numeráliách rozlišujeme slovotvorbu numerálií – tvorenie čísloviek od čísloviek (**intranumerálna slovotvorba**) a slovotvorbu iných slovnodruhových derivátov, (kvázi)kompozít, kompozično-derivačných jednotiek a analytických lexém od numerálií (**denumerálna slovotvorba v užšom zmysle**). **Denumerálna slovotvorba v širšom zmysle** zahŕňa tvorenie akýchkoľvek (čísllovkových aj nečísllovkových) derivátov, (kvázi)kompozít, kompozično-derivačných jednotiek a analytických lexém z čísloviek.

Z hľadiska veľkosti DSH je poradie nasledujúce (číslo v zátvorke uvádza počet členov hniezda bez polymotivačných vzťahov): *dva* (749), *jeden* (449), *desať* (426), *päť* (376), *tri* (371), *osem* (253), *sto* (250), *štyri* (237), *šesť* (112), *sedem* (106), *tisíc* (96), *prvý* (73), *deväť* (66), *milión* (61), *druhý* (52), *miliarda* (22), *nula* (22), *bilión* (3).

V DSH sú denumerálne motiváty výsledkom 1. – 7. motivačného stupňa (vrátane polymotivácie), pričom priemerný počet motivačných stupňov je 4,3. Maximálny počet motivačných stupňov, ktorými sa vyznačovali DSH: 2 stupne (*bilión*), 3 stupne (*prvý*, *druhý*, *tisíc*), 4 stupne (*nula*, *päť*, *šesť*, *sedem*, *deväť*, *sto*, *milión*, *miliarda*), 5 stupňov (*tri*, *štyri*, *osem*), 6 stupňov (*dva*, *desať*), 7 stupňov (*jeden*).

V rámci analýzy DSH sme sa pristavili pri vybraných slovotvorných javoch (pri polymotivácii) a druhoch denumerálnych motivátov (pri morfológických motivátoch, číselných substantívach a deminutívach).

Polymotivácia sa vyskytuje pri intranumerálnej (*sedem* → ***sedm-ina*** „časť celku vzniknutá jeho rozdelením na sedem rovnakých častí“; *sedem* → *siedm-y* → ***sedm-ina*** „siedma časť celku“) aj denumerálnej slovotvorbe (*päť* + **na desať* → *pät-násť* → ***pätnást-ka*** 1. „vek pätnásť rokov“, 2. „kto má pätnásť rokov“; *pät* + **na desať* → *pät-násť* → *pätnást-y* → ***pätnást-ka*** 1. „pätnáste narodeniny“, 2. „kto oslavuje pätnáste narodeniny“; *dva* + *liter* → *dv-oj-litr-ovka* „fľaša s objemom dva litre“ – kompozično-derivačná jednotka; *dva* → *dv-oj-litr-ový* → *dvojlitrov-ka* „dvojlitrová fľaša“ – derivát – univerbát).

Z **morfologickej motivácie** sa vyskytuje **substantivizácia** základných, skupinových, radových a zlomkových čísloviek (*stretnutie o jednej*, *investičné desatoro*, *chodiť do ôsmej*, *mestská štvrť*), **pro-nominalizácia** základných a radových čísloviek (*jeden nikdy nevie*, *starat' sa o druhých*), **adverbializácia** základných čísloviek (*je mi to*

jedno). Prípad typu *mať tisíc možností* hodnotíme ako morfológickú motiváciu (ale v rámci totožného slovného druhu) – prechod určitej číslovky na neurčitú, aj ako sémantickú motiváciu – rozšírenie významovej štruktúry lexémy o jednu lexíu.

Z denumerálnych slovotvorných typov bohatú polysémiu majú **číselné substantíva**, pri ktorých sú zaujímavé prípady formálne motivované základnou číslovkou, ale sémanticky základnou aj radovou číslovkou (*sledovať jednotku* = „televízny okruh, kanál číslo **jeden**“ alebo „*prvý* televízny okruh, kanál“).

Deminutíva sa tvoria od číselných substantív (*dv-oj-ka* → *dvojoč-ka*) a čísloviek so substantívnou formou (základné a zlomkové: *milión* → *milión-ik*, *tretina* → *tretin-ka*) a vyjadrujú kvalitatívnu, nie kvantitatívnu deminutívnosť, spojenú s príznakom expresívnosti.

Numerále vystupuje v slovotvorných vzťahoch ako plnohodnotný motivant i motivát, až na prípady so zastretou motiváciou pri tvorení jednotiek a desiatok typu *dva-násť*, *dva-dsať*, *šesť-desiat*, kde sa pôvodné tvary číslovky *desať* vývinom prehodnotili na afixoidy (*-násť*, *-dsať*, *-desiat*). Pri intranumerálnej slovotvorbe, konkrétne pri tvorení vyšších základných a radových čísloviek je motivačný potenciál teoreticky neobmedzený. Tvorenie napr. skupinových čísloviek je síce tiež systémové, ale prakticky sa z nich využívajú predovšetkým skupinové číslovky s nižšou numerickou hodnotou (napr. *dvoje*, *desatoro*, ale zriedkavé *osemnástoro*, *dvestoro*). So stúpajúcou numerickou hodnotou sa znižuje počet členov hniezda (porov. *dva* – 749 členov, ale *tisíc* 96 členov, nerátajúc polymotiváciu). Výrazný podiel na rozvetvených motivačných vzťahoch v DSH patrí polymotivácii a dôležitým javom je aj analytickosť (*päť miliónov*, *päť a polkrát* / *päť a pol ráz*, *sedemstodvadsiaty štvrtý* / *sedemsto dvadsiaty štvrtý*).

CITOVANÁ LITERATÚRA

- BENKO V. „LexiCorp: Corpus Approach to Presentation of Lexicographic Data.” Kosem I., Zingano Kuhn T., Correia M. (eds.). *Electronic lexicography in the 21st century: Smart lexicography. Proceedings of the eLex 2019 conference. 1–3 October 2019, Sintra, Portugal*. Brno: Lexical Computing CZ, s.r.o., 2019: p. 957–969.
- BOZDĚCHOVÁ I. *Tvoření slov skládáním*. Praha: ISV Nakladatelství, 1994.
- FURDÍK J. *Slovenská slovotvorba (teória, opis, cvičenia)*. Ed. M. Ološtiak. Prešov: Vydavateľstvo Náuka, 2004.
- FURDÍK J. *Teória motivácie v lexikálnej zásobe*. Ed. M. Ološtiak. Košice: Vydavateľstvo LG, 2008.

- JACKO J. *Slovenská morfológia v škole*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1974.
- JANOČKOVÁ N., ŠRÁMEKOVÁ I. „Desaťročný jednorožec je prvotriedny sedmospáč. O (de)numerálnej kompozícii v slovenčine.“ *Stopenjsko besedotvorje. 23. mednarodna znanstvena konferenca Komisije za besedotvorje pri Mednarodnem slavističnem komiteju* (Ljubljana 17. – 20. 9. 2024) (v tlači).
- KAJANOVÁ O. „Využitie číselníkov v terminológii.“ *Slovenské odborné názvoslovie*, roč. 8, č. 10 (1960): s. 257–263.
- KRAJČOVIČ R. *Vývin slovenského jazyka a dialektológia*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1988.
- MARSINOVÁ M. „Slovesá motivované číslovkami.“ *Slovenská reč*, roč. 44, č. 6 (1979): s. 328–334.
- OLOŠTIAK M. (ed.). *Kvalitatívne a kvantitatívne aspekty tvorenia slov v slovenčine*. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2015.
- OLOŠTIAK M., GENČI J. „Kvalitatívne a kvantitatívne aspekty tvorenia slov v slovenčine. Motivačný rad (k 85. výročiu narodenia Juraja Furdíka).“ *Slovenská reč*, roč. 85, č. 3 (2020): s. 282–306.
- OLOŠTIAK M., IVANOVÁ M. *Kapitoly z lexikológie (Lexikálna syntagmatika a viac-slovné pomenovania)*. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2013.
- ONDRUS P. *Číslovky v súčasnej spisovnej slovenčine*. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, 1969.
- ONDRUS P. *Kapitoly zo slovenskej morfológie*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1978.
- ONDRUS P., HORECKÝ J., FURDÍK J. *Súčasný slovenský spisovný jazyk. Lexikológia*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1980.
- PETR J. (ved. red.). *Mluvnice češtiny 1*. Praha: Academia, 1986.
- RUŽIČKA J. (red.). *Morfológia slovenského jazyka*. Bratislava: Vydavateľstvo SAV, 1966.
- ŠIMANDL J. „Číslovky: obecný rámec, číslovky základní a řadové.“ Štícha F. (ed.). *Kapitoly z české gramatiky*. Praha: Academia, 2011: s. 691–727.
- ŠIMANDL J. „Slovotvorný přehled slov s číselným významem I: číslovky určité.“ *Korpus – Gramatika – Axiologie*, č. 12 (2015): s. 54–74.
- ŠIMANDL J. „Slovotvorný přehled slov s číselným významem II: číslovky neurčité.“ *Korpus – Gramatika – Axiologie*, č. 13 (2016): s. 48–60.
- ŠLOSAR D. *Česká kompozitá diachronně*. Brno: Masarykova univerzita, 1999.
- ŠRÁMEKOVÁ I. „K potenciálnej variantnosti číslovkových tvarov dvojstý, dvestý.“ *Kultúra slova*, roč. 57, č. 5 (2023): s. 268–284.
- ŠTÍCHA F. a kol. *Akademická gramatika spisovné češtiny*. Praha: Academia, 2013.

- VUŽŇÁKOVÁ K. *Problémy lexikografického zachytenia slovo tvorného systému slovenčiny*. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove, 2006.
- VUŽŇÁKOVÁ K. *Kompozitá v slovenčine*. Prešov: Pedagogická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2012.
- VUŽŇÁKOVÁ K. „Numeráliá a pronominá.“ Ološtiak M. (ed.). *Kvalitatívne a kvantitatívne aspekty tvorenia slov v slovenčine*. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2015: s. 684–695.

Zdroje

- BUZÁSSYOVÁ K.; JAROŠOVÁ A. (ed.). *Slovník súčasného slovenského jazyka. A – G*. Bratislava: Veda, 2006. <<https://slovník3.juls.savba.sk/>> 27.10.2023.
- JAROŠOVÁ A., BUZÁSSYOVÁ K. (ed.). *Slovník súčasného slovenského jazyka. H – L*. Bratislava: Veda, 2011. <<https://slovník3.juls.savba.sk/>> 27.10.2023.
- JAROŠOVÁ A. (ed.). *Slovník súčasného slovenského jazyka. M – N*. Bratislava: Veda, 2015. <<https://slovník3.juls.savba.sk/>> 27.10.2023.
- JAROŠOVÁ A. (ed.). *Slovník súčasného slovenského jazyka. O – Pn*. Bratislava: Veda, 2021. <<https://slovník3.juls.savba.sk/>> 27.10.2023.
- KAČALA J., PISÁRČIKOVÁ M. (red.). *Krátky slovník slovenského jazyka*. 3. dopl. a preprac. vyd. Bratislava: Veda, 1997.
- KAČALA J., PISÁRČIKOVÁ M., POVAŽAJ M. (red.). *Krátky slovník slovenského jazyka*. 4. dopl. a upr. vyd. Bratislava: Veda, 2003. <<https://slovník3.juls.savba.sk/>> 27.10.2023.
- KRÁLIK Ľ. *Stručný etymologický slovník slovenčiny*. Bratislava: Veda, 2015.
- PECIAR Š. (red.). *Slovník slovenského jazyka*. 6 zv. Bratislava: Vydavateľstvo SAV, 1959–1968. <<https://slovník3.juls.savba.sk/>> 27.10.2023.
- POVAŽAJ M. (red.). *Pravidlá slovenského pravopisu*. 2. dopl. a preprac. vyd. Bratislava: Veda, 1998.
- Slovenský národný korpus. Korpusová verzia prim-5.0-public.all. Bratislava: Jazykovedný ústav Ľ. Štúra SAV, 2011. <<http://korpus.juls.savba.sk>> 27.10.2023.
- SOKOLOVÁ M., OLOŠTIAK M., IVANOVÁ M. (red.). *Slovník koreňových morfémov slovenčiny*. 3., upravené a doplnené vyd. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2012.

Nicol Janochkova

(DE)NUMERAL WORD-FORMATION NESTS IN SLOVAK

Summary

In the analysis of **(de)numeral word-formation nests** (DWN), we applied the terms **word-formation nest, word-formation paradigm, word-formation chains, and degrees of motivation** and theories of lexical and word-formation motivation presented by J. Furdik (2004, 2008) and M. Ološtiak (2015), as well as the studies by K. Vužňáková (2015) and M. Ološtiak, J. Genči (2020). The research sample consisted of one-word (sporadically also analytic) units motivated by the primary cardinal numerals: *nula, jeden/prvý, dva/druhý, tri, štyri, päť, šesť, sedem, osem, deväť, desať, sto, tisíc, milión, miliarda, bilión* // *zero, one/the first, two/the second, three, four, five, six, seven, eight, nine, ten, one hundred, one thousand, million, billion, trillion*. The material – 3,724 units, or 4,599 units including poly-motivated numerals arranged in DWN (using Excel sheets) – was drawn from the monolingual Slovak dictionaries: the Dictionary of the Slovak Language (Peciar 1959 – 1968), the Short Dictionary of the Slovak Language (Kačala et al. 2003), and the Dictionary of the Contemporary Slovak Language (Buzássyová, Jarošová 2006; Jarošová, Buzássyová 2011; Jarošová 2015; Jarošová 2021) – on using lexicographic corpora see LexiCorp (Benko 2019). Motivational relations were verified in the Dictionary of Slovak Root Morphemes (Sokolová et al. 2012).

We distinguish between the word-formation of numerals – the word-formation of numerals from other numerals (so-called **intranumerical word-formation**) and the word-formation of other derivative parts of speech, quasi-compound words, compound words, compound-derivative words and analytic lexemes from numerals (**denumeral word-formation in the narrow sense**). **(De)numeral word-formation in the broad sense** includes the word-formation of any (numeral and other parts of speech) derivatives, quasi-compound words, compound words, compound-derivative words and analytic lexemes from numerals.

As for the size of the DWN(s), the ranking is as follows (the number in bracket indicates the number of nest members without poly-motivational relationships): *dva/two* (749), *jeden/one* (449), *desať/ten* (426), *päť/five* (376), *tri/three* (371), *osem/eight* (253), *sto/one hundred* (250), *štyri/four* (237), *šesť/six* (112), *sedem/seven* (106), *tisíc/one thousand* (96), *prvý/the first* (73), *deväť/nine* (66), *milión/million* (61), *druhý/the second* (52), *miliarda/billion* (22), *nula/zero* (22), *bilión/trillion* (3).

The denumeral motivated units in DWNs are the result of the 1st – 7th motivational degree (including poly-motivation), with the average number

of motivational degrees being 4.3. The maximum number of motivational degrees that describes DWN is following: 2 degrees (*bilión / trillion*), 3 (*prvý, druhý, tisíc / the first, the second, one thousand*), 4 (*nula, päť, šesť, sedem, deväť, sto, milión, miliarda / zero, five, six, seven, nine, one hundred, million, billion*), 5 (*tri, štyri, osem / three, four, eight*), 6 (*dva, desať / two, ten*), 7 degrees (*jeden / one*).

We paid special attention to **poly-motivation** and the types of denumeral motivated words (morphological motivated units, numerical nouns and diminutives).

Poly-motivation occurs in both intranumeral word-formation (*sedem* → *sedm-ina / one seventh* “a part of a whole formed by its division into seven equal parts”; *sedem* → *siedm-y* → *sedm-ina / one seventh* “the seventh part of a whole”) and denumeral word-formation (*päť + *na desať* → *pät-násť* → *pät-nást-ka / the fifteen* 1. “the age of fifteen years”, 2. “(female) person in the age of fifteen”; *pät + *na desať* → *pät-násť* → *pätnást-y* → *pätnást-ka / the fifteen* 1. “the fifteenth birthday”, 2. “(female) person celebrating the fifteenth birthday”; *dva + liter* → *dv-oj-litr-ovka / two-litre bottle* “bottle with the volume of two litres” – a compound-derivative word; *dva* → *dv-oj-litr-ový* → *dvojlitrov-ka* “two-litre bottle” – a derivative word – a univerbization).

In terms of **morphological motivation**, there is **substantivization** of cardinal, collective, ordinal, and fractional numerals (*stretnutie o jednej, investičné desatoro, chodiť do ôsmej, mestská štvrť / meeting at one hour, invest's ten commandments, to visit the eighth class, city district* – in Slovak motivated by a “quarter” = “part of a city”), **pronominalization** of cardinal and ordinal numerals (*jeden nikdy nevie, starať sa o druhých / one never knows, take care of others*), and **adverbialization** of cardinal numerals (*je mi to jedno / I don't care* – “this (one) means the same as any other”). We evaluate the case of *mať tisíc možností / having a thousand possibilities* both as an intracategorical morphological motivation – the transition from a definite to an indefinite numeral, and as a semantic motivation – the extension of the semantic structure of the lexeme by one lexical meaning.

As for the denumeral word-formation types, **numeral nouns** are highly polysemous, with interesting cases formally motivated by the cardinal numerals, but semantically motivated by both the cardinal and the ordinal numerals (*sledovať jednotku / to watch number one on TV* = “TV channel number one” or “the first TV channel”).

The **diminutives** are formed from numerical nouns (*dv-oj-ka* → *dvojoč-ka / number two*) and numerals with a substantive form (cardinal and fractional: *milión* → *milión-ik*, *tretina* → *tretin-ka / a million, one third*). Numeral diminutives express qualitative rather than quantitative diminutive nature which signalizes expressivity.

Key words: numerals, intranumeral and (de)numeral word-formation, word-formation nest, word-formation chain, word-formation paradigm, degrees of motivation, Slovak.

PRÍLOHY

Tabuľka č. 1 – Veľkosť DSH a počet motivačných stupňov

Číslovka	Koreňová morféma číslovky	Počet členov hniezda	Počet polymotivátov	Počet členov hniezda vrátane polymotivátov	Počet motivačných stupňov vrátane polymotivácie
NULA	<i>nul-</i>	22	7	29	4
JEDEN	<i>jeden-, jedin-, jedn-</i>	449	38	487	7
PRVÝ	<i>prv-</i>	73	1	74	3
DVA	<i>dv-, dv-a, dv-e, dv-oj-</i>	749	140	889	6
DRUHÝ	<i>druh-</i>	52	4	56	3
TRI	<i>tr-, tr-i, tr-et-, tr-er-, tr-oj-</i>	371	63	434	5
ŠTYRI	<i>štyr-, štr-, štv-, štvr-, štv-or-</i>	237	40	277	5
PÄŤ	<i>päť-, päť-, piat-</i>	376	110	486	4
ŠESŤ	<i>šesť-, šest-, šest-</i>	112	29	141	4

SEDEM	<i>sedem-, sedm-, siedm-</i>	106	36	142	4
OSEM	<i>osem-, osm-, ôsm-</i>	253	104	357	5
DEVÄŤ	<i>deväť-, devät-, deviat-</i>	66	20	86	4
DESAŤ	<i>desať-, desat-, desiat-, dsat-, dsat-, dsiat-</i>	426	150	576	6
STO	<i>st-</i>	250	83	333	4
TISÍC	<i>tisíc-</i>	96	22	118	3
MILIÓN MILIARDA BILIÓN	<i>mili- bi- bi-li- vzniklo skrížením vo fr.: bi- + million</i>	61 22 3	15 12 1	76 34 4	4 4 2
Spolu		3 724	875	4 599	
Priemer		Priemerný počet členov na 1 hniezdo 207	Priemerný počet polymotívátov na 1 hniezdo 49	Priemerný počet členov na 1 hniezdo vrátane polymotívátov 256	Priemerný počet stupňov na 1 hniezdo 4,3

Tabuľka č. 2 – Motivačné stupne

Maximálny počet motivačných stupňov	Počet prípadov (počet čísloviek)	Číslovky
2	1	<i>bilión</i>
3	3	<i>prvý, druhý, tisíc</i>
4	8	<i>nula, päť, šesť, sedem, deväť, sto, milión, miliarda</i>
5	3	<i>tri, štyri, osem</i>
6	2	<i>dva, desať</i>
7	1	<i>jeden</i>

ЛАРИСА КИСЛЮК*

Інститут української мови Національної академії наук України

ДИНАМІКА СЛОВОВІРНОГО ГНІЗДА В СУЧАСНІЙ УКРАЇНСЬКІЙ МОВІ

Оновлення лексикону української мови, як і інших слов'янських, відбувається великою мірою за рахунок словотвірних одиниць. Опис динамічних процесів у синхронному словотворі української мови здійснено за допомогою аналізу взаємодії відіменникових гнізд різного типу: словотвірних, кореневих і коренево-словотвірних. Моделювання динаміки словотвірної системи через сукупність різноструктурних відіменникових гнізд унагляє процеси розвитку останніх у межах одного типу (внутрішня динаміка словотвірного гнізда або внутрішньогніздова динаміка) та перетворення гнізд одного типу в інший (зовнішня динаміка словотвірного гнізда або міжгніздова динаміка). Такий підхід охоплює нові словотвірні одиниці різного походження та семантики. Внутрішня динаміка характерна для словотвірних гнізд, мотивованих питомими та давнозапозиченими словами, а також для словотвірних підгнізд у складі коренево-словотвірних гнізд, мотивованих запозиченнями. Зовнішня динаміка різноструктурних гнізд увиразнює процеси набуття іншомовною лексикою словотвірної активності.

Ключові слова: кореневе гніздо, коренево-словотвірне гніздо, словотвірне гніздо, внутрішньогніздова динаміка, міжгніздова динаміка.

Оновлення сучасного лексикону української мови, як і інших слов'янських, відбувається переважно завдяки словотворенню та запозичуванню з інших мов. Дослідження динамічних процесів в окремих мовах стають виразнішими на загальнослов'янському тлі праць Комісії зі слов'янського словотворення при МКС, таких як колективна монографія «Словотворення. Номінація» (2003) за редакцією професора І. Онхайзер. Глибоким осмисленням процесів оновлення словникового складу української мови, попов-

* larysa.kysliuk@gmail.com, ORCID: 0000-0002-3766-3305

нення його інноваціями різних типів під впливом суспільних змін упродовж періоду незалежності України від 1991 року стали колективні монографії Н. Ф. Клименко, Є. А. Карпіловської, Л. П. Кислюк «Динамічні процеси в сучасному українському лексиконі» (2008), «Вплив суспільних змін на розвиток української мови» (2017), «Система та структура української мови у функціонально-стильовому вимірі» (2024).

Динамічні процеси в синхронному словотворі української мови описано в низці дериватологічних праць, першою з яких варто назвати фундаментальний академічний «Словотвір сучасної української літературної мови» (1979). Основні тенденції словотворення в українській літературній мові ХХ ст. проаналізувала К. Ленець в колективній монографії «Українська мова» (науковий редактор С. Я. Ермоленко), виданій у серії досліджень наукового проекту під керівництвом С. Гайди «Новітня історія слов'янських мов» (1999). Питанням динаміки у словотвірній номінації української мови присвячено окремі розділи монографії О. А. Стишова «Українська лексика ХХ століття (на матеріалі мови засобів масової інформації)» (2005). Опис стабільних і динамічних ділянок словотвірної системи, які забезпечують стійкість типологічних рис української номінації й водночас уможливають її розвиток, здійснено в монографії Л. П. Кислюк «Сучасна українська словотвірна номінація: ресурси та тенденції розвитку» (2017).

На рівні словотвору системно відобразити динаміку можна через моделювання сучасного українського лексикону як сукупності гнізд різних типів: кореневих, коренево-словотвірних, словотвірних і потенційних. Ідею моделювання сучасного українського лексикону як сукупності кореневих, коренево-словотвірних, словотвірних і потенційних гнізд реалізувала Є. А. Карпіловська в «Кореновому гніздовому словнику української мови» (2002) й сформулювала її в передмові до словника як «можливості об'єднання слів у гнізда різних типів за спільним коренем: словотвірні – сукупності спільнокореневих слів, пов'язаних відношеннями мотивації, або відношеннями формального й семантичного виведення одного слова з іншого, кореневі, в яких непохідні слова пов'язані відношеннями кореляції або рівноправного співвідношення за спільним коренем, ... коренево-словотвірні гнізда, в яких подано похідні від деяких базових слів зі спільним коренем. Такі гнізда становлять проміжну, перехідну ланку між кореновими та словотвірними гніздами. ... й т. з.

потенційні гнізда, в яких реалізовані лише базові слова» (Карпіловська 2002: 5). Запропоновану модель було розвинено й застосовано до вивчення динамічних явищ у синхронії – для аналізу словотвірних інновацій в українській мові кінця XX – початку XXI ст., зокрема, для виявлення динамічних ділянок словотвірної системи, оскільки сукупність різноструктурних гнізд увиразнює позицію і статус кожної нової одиниці (Кислюк 2014, 2017).

Об'єднання нової лексики в гнізда різних типів ґрунтується на синхронному підході до визначення морфемної та словотвірної структури слів і з'ясуванні наявності або відсутності мотиваційних відношень між спільнокореневими словами в сучасній мовній практиці. Гнізда трьох типів: кореневі, коренево-словотвірні (мішані) та словотвірні в їхньому динамічному взаємозв'язку охоплюють разом з уже усталеною й нову лексику, питому та запозичену. Застосована методика моделювання різноструктурних гнізд та аналіз взаємодії гнізд різного типу виявляє динамічні ділянки словотвірної системи сучасної української мови, зокрема, динаміку кількісного наповнення гнізда та складу його категорійно-розрядної структури. Ставимо за мету описати характерні вияви динаміки словотвірних гнізд, мотивованих питомими та давнозапозиченими словами, та словотвірних підгнізд у складі коренево-словотвірних гнізд, мотивованих запозиченнями, як вияв внутрішньої динаміки словотвірного гнізда в сучасній українській мові. Перехід корневих гнізд, сформованих іншомовними словами, у коренево-словотвірні розглядаємо як вияв зовнішньої динаміки різноструктурних гнізд, яка увиразнює процеси набуття іншомовною лексикою словотвірної активності.

Використовуємо матеріал, зібраний із різнотипних словників української мови кінця XX – початку XXI ст.: словотвірних, тлумачних, словників іншомовних слів, перекладних, орфографічних, неологічних та сучасних текстів, які розширюють джерельну базу дослідження й унаочнюють активні процеси в узусі, подаючи не лише контексти вживання інновацій, а й самі такі інновації, ще не засвідчені й не кодифіковані в нормативних словниках.

Моделювання динаміки словотвірної системи мови через сукупність різноструктурних відіменникових гнізд унааявнює процеси розвитку останніх: 1) у межах одного типу (внутрішня динаміка словотвірного гнізда) та 2) перетворення гнізд одного

типу в інший (зовнішня динаміка). Такий підхід охоплює нові деривати різного походження та семантики.

I. Внутрішня динаміка словотвірних гнізд та підгнізд (внутрішньогніздова динаміка).

Внутрішня динаміка характерна для словотвірних гнізд двох підтипів: 1) словотвірних гнізд, мотивованих питомими або давнозапозиченими словами та 2) словотвірних підгнізд у складі коренево-словотвірних (мішаних) гнізд, мотивованих запозиченнями.

1. Словотвірні гнізда першого підтипу – мотивовані базовими питомими словами, такими як *держава*, *мова*, *Україна*, що належать до важливих понять сучасного суспільства, та давніми запозиченнями на зразок *майдан* – поповнюються новотворами та неосемантизмами. Розвиток категорійно-розрядної структури таких словотвірних гнізд відбувається:

- а) за рахунок експресивно-оцінної лексики (*державонька*, *роздержавнити*, *майданити*, *мовозреченець*, *україноруйнач*, *україночитний*),
- б) повторного використання словотвірної моделі з тим самим формантом в іншому значенні (*мовник*, *державник*),
- в) множинності мотивації (*державник*, *аварійник*), що стає причиною появи омонімів у межах гнізда.

Модель відображає вплив соціальних змін на формально-семантичну структуру словотвірного гнізда, на наповнення окремих словотвірних категорій, на розвиток словотвірних моделей. У межах словотвірного гнізда можна простежити процеси активізації та пасивізації похідної лексики за критерієм її наявності в словниках і текстах останніх років, а також динаміку словотвірної норми на прикладі активізації, пасивізації або й блокування певних словотворчих формантів і моделей словотворення (іменники із суфіксами **-чик/-щик**, прикметники зі складеними суфіксами **-іальн(ий)**, **-ональн(ий)**).

A) Словотвірне гніздо, мотивоване базовим словом *держа́ва* зі значенням «апарат політичної влади в суспільстві; країна з таким апаратом політичної влади» (Білодід 1971 II: 248) містить сотні дериватів, об'єднаних у субстантивну, ад'єктивну й дієслівну зони, кожна з яких засвідчує динаміку оновлення складу цього гнізда. Наприклад, субстантивна зона, яку мотивує базове слово *держа́ва*, засвідчує велику кількість новотворів, яких не подавали словники до 1991 року. Серед них – префіксальні нейтральні

антидержава, наддержава, недержава, супердержава й оцінно марковані композити *квазідержава, охлодержава, псевдодержава, симулякр-держава*; реактивованій дериват *державник* розширив семантичну структуру й профілював семантику в полімотивованих похідних *антидержавник, бездержавник, недержавник, протидержавник* та юкстапозитах *воїн-державник, політик-державник, президент-державник, державник-патріот* (Кислюк 2017: 167–176). Поповнюють гніздо й новотвори-композити з оцінними конотаціями: *державовбивця, державовживання, державостабільник, державоімітація* (Нелюба та ін. 2017: 104–105). Разом з тим, у гнізді є похідні, які відійшли у пасив: *державець, державиця, державство*. Цих слів немає у сучасних текстах і словниках, а востаннє їх за-свідчували словники початку ХХ ст.

Схожу динаміку поповнення прагматично забарвленими новотворами демонструє словотвірне гніздо, мотивоване онімом *Україна*. У праці 2008 р. Є. А. Карпіловська називала 150 новотворів з основою **україн-**, вказуючи, що «переважна більшість цих неолексем має оцінні конотації» (Карпіловська 2008: 122). Спостерігаємо активізацію прагматичної семантики – експресивно-оцінних конотацій – за допомогою словотворчих формантів з негативним зарядом на прикладі назв особи, представленої дериватом *українець*. Новотвори характеризують українця за різними аспектами його ставлення до України як держави, її мови, історії, культури. Наприклад, для позначення непатріотичного українця використовують композити й прості афіксальні похідні *україножер, україноненависник* (Стишов 2005: 370); *українчук, україноїд, антиукраїнець, недоукраїнець, українозневажаєць* (Карпіловська 2008: 122). Матеріали неологічних словників останніх років доповнюють цей ряд інноваціями: *українобайдужий, українопродавчий, україноруйнач, україноскептик* (Нелюба та ін. 2017: 414), *деукраїнізатор* (Нелюба 2022: 31). У гнізді є й новотвори на позначення українців із позитивною характеристикою *суперукраїнець, україноцирий* (Нелюба та ін. 2017: 394, 415).

Словотвірне гніздо з базовим словом *мова* за даними словотвірних словників налічує 305 похідних (Клименко та ін. 2005: 196–202). За час після виходу словника гніздо поповнилося новотворами-композитами *україномовний, українськомовний*, зокрема okazіональними *українонемовний, українонімий, україночитний* (Карпіловська 2008: 122), *мовоненависниця, мовобудівничий, мовозреченець, мовоохоронний, мовопроданець, моворіччя, мовотвір* (Нелюба та ін. 2017: 246–247); неосемантизмом *мовник* зі значенням

«канал радіо- або телемовлення» із похідними *радіомовник*, *телерадіомовник*, лінгвістичними термінами *мовомислення* та *мовотворення*, засвідченими в сучасних текстах: *Національна суспільна телерадіокомпанія України (НСТУ) – український суспільний теле-радіомовник*, який об'єднує українські телеканали та радіостанції в усіх областях України (Розкладай, 25.01.2025); *Текст як основа дослідження літературної норми та інтерпретації мовомислення* (Єрмоленко та ін. 2023: 17).

Розвиток категорійно-розрядної структури таких словотвірних гнізд відбувається передусім за рахунок складних дериватів, які спеціалізують, профілюють поняття (*держапарат*, *держструктура*; *українотворення*, *україноцентризм*), а також експресивно-оцінної лексики, що виконує прагматичну функцію, унааявнюючи ставлення мовця до позначуваного (*держава-звір*, *мовозреченець*, *україноцид*). Прагматику часто можна виявити лише в контексті вживання похідного слова, а в його формально-семантичній структурі прагматичний заряд з'являється внаслідок поєднання двох непоєднаних у нормі компонентів (*україножер*), або в поєднанні з основою з негативною семантикою (*мовоненависниця*).

Б) Повторне використання словотвірної моделі засвідчене в словотвірному гнізді з базовим словом *мова* у появі слова з новим категорійним значенням *мовник*. Якщо академічний «Словник української мови» в 11 томах ще на початку 70-х років ХХ ст. подає його зі значенням «1. Те саме, що мовознавець. 2. Викладач мови і літератури в школі; викладач мови в інституті» (Білодід 1973 IV: 770), то в сучасних текстах дериват функціонує у значенні «телерадіокомпанія», «той, хто мовить на велику слухацьку/глядацьку аудиторію», пор.: *Реєстрація Національної суспільної телерадіокомпанії України відбулася 19.01.2017 – що вважають днем появи в Україні першого суспільного мовника* (Суспільне 23.01.2025).

Семантична структура деривата *державник* *державник*, унааявлена в парафразі «державний діяч», засвідчена у дефініціях словників як «політик, який послідовно працює на зміцнення держави, на утвердження її суверенітету, на зростання міжнародного авторитету» (НУЛ 2002), «прибічник державності, тобто державного ладу» (Бусел 2007), семантика розмовного його омоніма *державник* зі значенням «студент, що вчиться коштом держави, на кошти з державного бюджету», «службовець державної установи», пор. його дефініції «студент, який вчиться за державний кошт, на противагу контрактнику»; «державний службовець».

Тут наявна подвійна (множинна) мотивація, яку визначаємо за семантикою, відображеною в парафразах: *державник*¹ у значенні «політик, який працює на зміцнення держави» мотивований безпосередньо твірним іменником *держава*, а *державник*^{2,3} «студент, який вчиться за державний кошт» і «державний службовець» мотивовані прикметником *державний*. Вони унаочнюють різні способи творення цих омонімічних похідних: суфіксальний для відіменникових похідних та універбацію для відприкметникових або суфіксацію з різними словотвірними структурами: N+**-ник** (*державник*¹) або A+**-ик** (*державник*^{2,3}).

В) Засвідчене в словниках значення іменника *аварійник* – «той, хто несе аварійну службу, усуває аварії» (Білодід 1970 I: 8) у сучасних контекстах позначає «людину, яка мешкає в аварійному житлі» (*У квартири цього будинку відселять людей з аварійного житла. Зараз розробляють проєктну документацію на спорудження 94-квартирного будинку для «аварійників»*) (Поступ, 02.07.2004) або «людину, яка навмисне створює аварії, аварійні ситуації на дорозі» (*Є такий різновид людей – «аварійники». Як правило, вони їздять на іномарках, спеціально створюють аварійну ситуацію на дорозі й підставляються під удар, щоб потім зрубати з «винного» гроші*) (Сім'я і дім, №23 4-10.06.2009). Тлумачення їх унаочнюють можливість подвійної мотивації з твірними зі словотвірними структурами: N+**-ник** («той, хто створює аварію») або A+**-ик** («той, хто створює аварійну ситуацію»).

Неосемантизми не лише поповнюють наявні словотвірні гнізда, а й формують нові, як актуалізоване з новим значенням давнє запозичення з турецької мови *майдан* у новому значенні «акція протесту, виступ проти влади, режиму» (Карпіловська та ін. 2013: 172). Серед його похідних багато прагматично забарвлених одиниць. Це зумовлено тим, що суспільно-політична лексика в сучасному українському суспільстві не уникає оцінки, яка може мати діаметрально протилежні оцінні заряди. Серед похідних стилістично нейтральних із нульовим прагматичним зарядом: *майданівець*, *майданний*, *майданівський*, *автомайданник*, *постмайдан*, *післямайданний*, *майданно-революційний*, *автомайдан* (Карпіловська та ін. 2013: 175–177); *майданкування*, *майданкувати*, *майданобус*, *майданодумець*, *майданознавець* (Нелюба та ін. 2017: 222); серед стилістично маркованих із переважно негативним прагматичним зарядом похідних: *майданити*, *помайданити*, *післямайдання*, *майданс* (Карпіловська та ін. 2013: 175–177); *май-*

данофоб, майданофобія, майданути, майданутий, майданутися, майданутість (Нелюба та ін. 2017: 223).

Ще одне актуалізоване давнє запозичення *бавовна* з новим значенням «вибух на тимчасово окупованій російськими агресорами території», засвідченим у текстах після початку повномасштабної російсько-української війни 2022 р., також сформувало нове словотвірне гніздо з іншим категорійно-розрядним наповненням, аніж *бавовна*, зафіксоване у словниках довоєнного часу: «1. Те саме, що **бавовник** (рослина з насінням, вкритим пухнастим волокном, з якого виробляють пряжу). 2. Волокно бавовнику, з якого виробляють пряжу і т. ін. // Нитки з цього волокна» (Білодід 1970 I: 77). Лексема з цим значенням формує гніздо з 45 похідних, серед яких більшість – іменники, і немає жодного дієслова (12 суфіксальних: *бавовник*, *бавовниковий*, *бавовнина*, *бавовництво*, *бавовняр*, *бавовнярка*, *бавовнярство* та ін.; 32 складні слова на позначення виробничого процесу вирощування, обробки волокна, виготовлення ниток та тканини з бавовни: *бавовна-сирець*, *бавовнозавод*, *бавовнозаготівля*, *бавовнокомбайн*, *бавовнозбирання*, *бавовноочисник*, *бавовносіяння*, *бавовнопрядильний*, *бавовносушарка*, *бавовноткацтво* та ін.). У словотвірному гнізді, мотивованому неосемантизмом, похідні – переважно okazіональні дієслова та віддієслівні деривати: *бавовнити* (здійснювати вибух), *бавовнитися* (вибухати), *забавовнити* (знищити вибухами), *забавовнитися* (вкритися вибухами), *забавовнений* (заповнений вибухами); *бавовнятко*, побудоване за моделлю творення пестливих назв малят.

2. Динаміка словотвірних підгнізд у складі коренево-словотвірних (мішаних) гнізд, мотивованих новими запозиченнями, виявляється в реалізації системно закладених базових словотвірних категорій, наприклад, дії, діяча, моції (*спам* → *спамити*, *піар* → *піарити*; *медійник* → *медійниця*, *артовик* → *артовичка*). Такі процеси відбуваються в дослідженій сукупності гнізд різних тематичних груп та лексико-семантичних полів, наприклад, тематичної групи «засоби масової інформації», лексико-семантичного поля «мистецтво». Розростання словотвірних підгнізд як вияв їх внутрішньої динаміки має й інші особливості.

А) Словотвірні підгнізда, утворені від неозапозичень, які стосуються активно оновлюваних і розбудовуваних сфер на зразок Інтернету, новітніх технологій, стосунків із громадськістю (*есемес*, *месидж/меседж*, *онлайн*, *піар* та ін.), утворюють похідні, які виявляють спеціалізацію, деталізацію базових понять. Такі

словотвірні підгнізда зростають за рахунок композитів і юкстапозитів: *меседж-повідомлення, бренд-меседж* (Карпіловська та ін. 2013: 204); *онлайн-маркетинг, онлайн-навчання* (Туровська 2008: 171), *піар-агент, піар-акція, піар-бізнес, піар-кампанія, піар-служба* (Жайворонок 2016: 762).

Б) Словотвірні підгнізда, утворені від давніх запозичень (*дизайн, клон, шоу* та ін.), виявляють процеси спеціалізації базових понять і також зростають за рахунок складних дериватів: юкстапозитів (*дизайн-проект* (НУЛ 2002: 35), *реаліті-шоу* (Карпіловська та ін. 2013: 358–360), *художник-дизайнер, партія-клон, фірма-клон*), зокрема, гібридних юкстапозитів, які показують глибший ступінь засвоєння запозичень (*дизайн-простір, шоу-вистава*), а також за рахунок афіксальних і композитних похідних, які розширюють спектр наповнення гнізда за семантикою словотвірних категорій (*дизайнерський* (Бусел 2004: 168; Скопненко та ін. 2006: 222), *дизайнерство* (Жайворонок 2003: 218), *шоуменка* (Нелюба та ін. 2017: 446), *дизайнерка, недизайнерський, по-дизайнерськи, дизайнувати, дизайнерувати, здизайнерувати; євродизайн, фітодизайн*). У таких підгніздах можуть утворюватися похідні з оцінною семантикою (*клонороб, шоу-балаган*).

В) Словотвірні підгнізда, утворені від неосемантизмів іншомовного походження, затребуваних мовною практикою суспільства (*медіа, драйв, модератор, номінація, презентація, мобільний* та ін.), поповнюються передусім афіксальними похідними. Наприклад, відбулася стильова диференціація словотвірних варіантів похідних прикметників: *драйвовий, драйвівський, драйвний; драйверовий, драйверський, драйверний*. У професійних текстах вживають *драйверний* (комп'ютерний термін, термін психології), *драйверський* (автотранспортний термін). Інші мають розмовний відтінок і можуть функціонувати в текстах на різноманітну тематику. Найпоширенішим є *драйвовий*. Можлива поява афіксальних дериватів-омонімів (*запостити, перепостити* від *постити, постувати* – «дотримуватися посту, не їсти скоромного під час посту» (від *піст*) і від *постити* – «писати пости, повідомлення, які публікуються в соцмережах на форумах, в інтернет-спільнотах, блогах і на різних сайтах» від *пост* «окреме повідомлення на форумі або у блозі» (з англ. post «пошта»).

II. Зовнішня динаміка різноструктурних гнізд

Зовнішня динаміка різноструктурних гнізд виявляє ступінь і характер засвоєння іншомовної лексики системою української

мови й увиразнює процеси набуття нею словотвірної активності. Така динаміка є односпрямованою: це перехід кореневих гнізд у коренево-словотвірні (мішані). Переформатування формально-семантичної структури гнізда супроводжується одночасним збільшенням кореневого гнізда (за рахунок неозапозичень або неосемантизмів) і появою словотвірного підгнізда чи декількох підгнізд (за рахунок новотворів). Причинами стають позамовні чинники – нові суспільні явища й потреби їх номінації.

Наприклад, запозичення *мас-медіа* українські словники вперше подають 1994 р. (Головащук та ін. 1994: 364), а в написанні *масмедіа* та *медіа* – 1999 р. (Мартиняк 1999: 178, 180). Преса незалежної України свідчить про високий функціональний потенціал неозапозичення: словотвірне гніздо від базової основи *медіа* вже нараховує понад півтори сотні похідних і продовжує обростати новими дериватами. Якщо афіксальні деривати утворюються однаково активно від обох варіантів: *мас-медійний*, *мас-медійно*, *мас-медійник* і *медійний*, *медійник*, то на творення складних дериватів «незручність» основи **мас-медіа-** накладає неподоланні перешкоди. Основа **медіа-** є твірною для десятків складних похідних з різним написанням (разом і з дефісом): *медіаімперія*, *медіа-індустрія*, *медіа-простір*, *медіа-цивілізація*, *медіа-галактика*, *медіасфера*, *медіа-ринок*, *медіа-компанія*, *медіа-структура*, *медіагрупа*, *медіа-менеджер* (Кислюк 2017:194). Юкстапозитів із **–медіа** або **–медійник**, **–медійниця**(я) в кінцевій позиції виявлено менше: *альянс-медіа*, *андеграунд-медіа*, *міні-медіа*, *жінка-медійниця*, *топ-медійниця*. Юкстапозити: *студент-медійник*, *першокурсник-медійник* мають значення «той, хто навчається для праці в медіа, але не працює в них». Тут відбувся розвиток семантики й формування словотвірних омонімів. Серед складних слів є стилістично нейтральні (*медіакнига*, *медіапідтримка*, *медіареформа*, *медіасфера*, *медіаюрист*) та okazіональні, прагматично забарвлені (*медіа-ватник*, *медіакілерство*, *медіаманіпулятор*, *медіамонстр*, *медіахамелеон*) (Нелюба та ін. 2017: 231–235). Матеріал показав зміни в механізмах поєднання основ, передусім, комбінування основ без єднальних голосних; гібридизацію слів; зростання парадигм композитів, згрупованих за першою чи другою основою, збільшення кількості термінів-юкстапозитів.

Для підтримання типологічних рис мови у словотвірному гнізді важливою є розбудова синтетичної номінації у вигляді розгортання словотвірного ланцюжка трьох ступенів похідності: *мас-медіа* – (I) *мас-медій-н(ий)*, *мас-медійн-ик* – (II), *мас-медійн-о*;

медіа – (I) медій-н(ий) – (II) електронн-о-медійн(ий), (I) медійн-ик – (II) медійн-иц(я); медіа – (I) медіа-магнат – (II) медіамагнат-ств(о); медіатизація – (I) медіатизувати – (II) медіатизований – (III) медіатизованість (Кислюк 2017: 192). Активні суфіксальні моделі забезпечують номінацію важливих понять у межах словотвірних категорій (особи, ознаки, дії) із залученням нових твірних основ.

Інтернет-середовище посприяло поширенню й активізації термінів із музичної сфери: *саунд* (англ. sound — звук) і *саундтрек*. (англ. sound-track, soundtrack – «звукова доріжка»). Запозичення *саунд* у значенні «музика» має жаргонно-сленгове забарвлення, а в музичній термінології здобуває вужче, спеціалізоване значення порівняно з нормативним *звуком музичним*. Англізм *саундтрек* словники подають з розбіжностями в дефініції та написанні (з дефісом і разом): *саунд-трек* – «звукова доріжка (кінострічки або магнітної стрічки)» (Мартиняк 1999: 266), *саундтрек* – «у кіно- та фототехніці – фонограма до кіно- або телефільму, естрадної вистави» (Скопненко та ін. 2006: 612). Тож у професійному середовищі українських мовців сформувалося кореневе гніздо: *саунд*, *саундтрек*, *саунд-арт*. Вони функціонують переважно у професійному середовищі як розмовні професіоналізми, на відміну від кодифікованих термінів, виражених словосполученнями (*звукова доріжка*). У текстах функціонують лексеми *саунд-дизайн*, *саунд-дизайнер*, *саунд-продюсер*, які можна вважати дериватами, оскільки кожна з основ цих юкстапозитів уже функціонувала самостійно в українській мові. Тож разом ці одиниці формують коренево-словотвірне гніздо, яке розростається за рахунок похідних *саундтрековий*, *саунд-артистка*, *саунд-дизайнерка*, *саунд-продюсерка*.

Отже, за допомогою методики моделювання різноструктурних гнізд та аналізу взаємодії гнізд різного типу виявлено внутрішню динаміку кількісного наповнення та категорійно-розрядної структури словотвірних гнізд у сучасній українській мові, мотивованих питомими та давнозапозиченими словами, а також словотвірних підгнізд у складі коренево-словотвірних гнізд, мотивованих новими запозиченнями. Аналіз різноструктурних гнізд увиразнив процеси набуття іншомовною лексиною словотвірної активності, зокрема виявом зовнішньої динаміки гнізд вважаємо перехід кореневих гнізд, сформованих іншомовними словами, у коренево-словотвірні гнізда.

ЦИТОВАНА ЛІТЕРАТУРА

- Жовтобрюх М. А. (відп. ред.). *Словотвір сучасної української літературної мови*. Київ: Наукова думка, 1979.
- КАРПІЛОВСЬКА Є. А. *Кореневий гніздовий словник української мови: Гнізда слів з вершинами – омографічними коренями*. Київ: Вид-во «Українська енциклопедія» ім. М. П. Бажана, 2002.
- КАРПІЛОВСЬКА Є. А., КИСЛЮК Л. П., КЛИМЕНКО Н. Ф., КРИТСЬКА В. І., ПУЗДИРЕВА Т. К., РОМАНЮК Ю. В. *Вплив суспільних змін на розвиток української мови*. Відп. ред. Є. А. Карпіловська. Київ: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2017.
- КАРПІЛОВСЬКА Є. А., КИСЛЮК Л. П., КЛИМЕНКО Н. Ф. *Система та структура української мови у функціонально-стильовому вимірі*. Відп. ред. Є. А. Карпіловська: підготувала електронний оригінал-макет Ю. О. Цигвінцева. Київ: Інститут української мови НАН України, 2024.
- Кислюк Л. *Сучасна українська словотвірна номінація: ресурси та тенденції розвитку*. Київ: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2017.
- Кислюк Л. П. „Підходи до вивчення семантики похідного слова: українська дериватологічна школа в порівнянні з іншими слов'янськими”. Swetlana Mengel (Hg.): *Slavische Wortbildung im Vergleich. Theoretische und pragmatische Aspekte*. LIT-Verlag Dr. W Hopf, Berlin, 2014: стор. 47–59.
- КЛИМЕНКО Н. Ф., КАРПІЛОВСЬКА Є. А., КИСЛЮК Л. П. *Динамічні процеси в сучасному українському лексиконі*. Київ: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2008.
- ЛЕНЕЦЬ К. В. „Тенденції словотворення в українській літературній мові другої половини ХХ ст.”. *Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Українська мова*. Red. nauk. S. Jermolenko. Opole: Uniwersitet Opolski – Institut Filologii Polskiej, 1999: стор. 228–238.
- СТИШОВ О. А. *Українська лексика кінця ХХ століття (на матеріалі мови засобів масової інформації)*. 2-ге вид., переробл. Київ: «Пугач», 2005.
- OHNEISER I. (red. nauk.). *Słowotwórstwo / Nominacja*. Innsbruck: Univer. Innsbruck; Opole: Uniwer. Opolski, 2003.

Джерела

- БЛОДІД І. К. (гол. ред. кол.) *Словник української мови: В 11 томах*. Київ: Наук. думка, 1970–1980.
- БУСЕЛ В. Т. (голов. ред.) *Великий зведений орфографічний словник сучасної української лексики*. Київ–Ірпінь: Перун, 2004.

- Бусел В. Т. (укл. і голов. ред.) *Великий тлумачний словник сучасної української мови*. 3-є вид. Київ–Ірпінь: Перун, 2007.
- Головащук, С. І., Пещак М. М., Русанівський В. М., Тараненко О. О. (укл.) *Орфографічний словник української мови*. Київ: Довіра, 1994.
- Єрмоленко, С. Я., Бирик С. П., Ганжа А. Ю., Коць Т. А., Сютя Г. М. *Лінгвософія українських текстів ХХІ століття*. Київ, 2023.
- Жайворонок В. В. (ред.) *Російсько-український словник*. Київ: Абрис, 2003.
- Жайворонок В. В. (відп. ред.) *Словник української мови*. Київ: ВЦ Про світа, 2016.
- Карпіловська Є. А. (відп. ред.) *Активні ресурси сучасної української номінації: Ідеографічний словник нової лексики*. Карпіловська Є. А., Кислюк Л. П., Клименко Н. Ф., Критська В. І., Пуздирева Т. К., Романюк Ю. В. Київ: ТОВ КММ, 2013.
- Клименко Н. Ф. (відп. ред.) *Шкільний словотвірний словник сучасної української мови*. Укл. Клименко Н. Ф., Карпіловська Є. А., Кислюк Л. П. Київ: Наук. думка, 2005.
- Мартиняк Т. П. (укл.) *Русско-украинский словарь иностранных слов. Російсько-український словник іношомовних слів*. Харків: Прапор, 1999.
- Нелюба А. (заг. ред.) *Лексико-словотвірні інновації (2017–2021). Словник*. Укл. Нелюба А., Редько Є. Харків: Харківське історико-філологічне товариство, 2022.
- Нелюба А. (заг. ред.) *Словотворчість незалежної України 2012–2016: Словник*. Укл. Нелюба А., Редько Є. Харків: Харківське історико-філологічне товариство, 2017.
- Поступ*. Щоденна львівська інтернет-газета (1997-2006рр.), 02.07.2004
- Розкладай І. „Суспільне мовлення”. Сайт *Центр демократії та верховенства права*. <<https://cedem.org.ua/direction-nezalezchni-media/suspilne-movlennya>> 25.01.2025
- Сім'я і дім. Газета. №23 (650) 4-10.06.2009.
- Скопніченко, О. І., Цимбалюк Т. В. (укл.) *Сучасний словник іношомовних слів*. Київ: Довіра, 2006.
- СУСПІЛЬНЕ. МЕДІАТЕКА. Бета-версія. Сайт. <<https://mediateka.suspilne.media/media/5288>> 23.01.2025
- ТУРОВСЬКА, Л. В., ВАСИЛЬКОВА Л. М. (укл.) *Нові слова та значення: словник*. Ін-т укр. мови НАН України. Київ: Довіра, 2008.

Larisa Kysliuk

DYNAMICS OF WORD-FORMATION NEST IN MODERN UKRAINIAN LANGUAGE

Summary

Dynamic processes in the synchronous word formation of the modern Ukrainian language are considered as the interaction of noun nests of various types: word-formating, root-word-formating, root and potential. Changes and updates in word-formating nests (i.e. nests of the same type) are intra-nest dynamics. The transformation of nests of one type into another is considered inter-nest dynamics.

Internal dynamics is characteristic of 1) word-formating nests motivated by specific and long-borrowed words, and 2) word-formating sub-nests in the composition of root-word-formating nests motivated by new borrowings. The development of the category-bit structure of word-formating nests of the first type (*держава, майдан, мова, Україна*) occurs due to expressive-evaluative vocabulary (*державонька, майданити, мовозреченець, україночитний*), repeated use of the word-formating model with the same formant in a different meaning (*мовник*), multiplicity of motivation (*державник*). The dynamics of word-formating sub-nests of the second type is manifested in the implementation of systematically established basic word-formating categories (*піар* → *піарити*; *медійник* → *медійниця*) and specialization of basic concepts in complex derivatives (*меседж-повідомлення, піар-служба*).

The external dynamics of differently structured nests expresses the processes of acquisition of word-formating activity by foreign vocabulary and manifests itself as the transformation of root nests into root-word-formating nests (the root nest *саунд, саундтрек, саунд-арт* becomes a root-word-formating nest with the emergence of derivatives *саунд-дизайн, саунд-дизайнер, саунд-дизайнерка, саундтрековий*).

Thus, the proposed methodology reveals dynamic areas of the word-formating system of Modern Ukrainian, in particular, the dynamics of quantitative content and categorical-bit structure of the word-formating nest.

Keywords: root nest, root-word-formating nest, word-formating nest, intra-nest dynamics, inter-nest dynamics.

УДК 811.161.1'373.611
811.162.1'373.611
811.162.3'373.611
81'373.43

https://doi.org/10.18485/ssds_mks17_dg.2025.ch5

ЕЛЕНА И. КОРЯКОВЦЕВА*

Университет в Седльце (Uniwersytet w Siedlcach)

Факультет гуманитарных наук

Институт языкознания и литературоведения

ПРОДУКТИВНОСТЬ ГИБРИДНЫХ ДЕРИВАТОВ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ И СИСТЕМНАЯ ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ РАЗВИТИЯ НОВЫХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ

Предметом обсуждения в статье является продуктивность – одно из фундаментальных понятий современной дериватологии. В этой связи исследуется проблема интерпретации словообразовательных процессов с участием новых аффиксов, заимствованных из т.н. Globish, определяются критерии оценки результатов этих процессов в современных русском языке, польском и чешском языках. Анализируя интра- и экстралингвистические факторы, влияющие на системную и эмпирическую продуктивность новых словообразовательных типов, автор приходит к выводу, что внутренняя способность словообразовательной системы к созданию гибридных неoderиватов является лишь одним из условий, определяющих их количество и качество. Степень продуктивности неoderиватов определяется прежде всего такими экстралингвистическими факторами, как «лингвокультурная интерференция» и авторитетность определенных каналов СМИ – основных поставщиков неологизмов, отражающих социокультурные, когнитивные и коммуникативные приоритеты эпохи глобализации.

Ключевые слова: продуктивность, гибридные неoderиваты, новые аффиксы экспрессивность, глобализация.

Введение

В современную эпоху глобализации, «глобанглизации» и «глобального билингвизма» с помощью СМИ, активно использующих информационное интернет-пространство, в славянские языки проникло значительное количество англицизмов-интернационализмов, причем не только лексем, но и аффиксальных

* elena.koriakowcewa@gmail.com, ORCID: 0000-0003-0701-1506

морфем. В этой связи перед дериватологами–славистами встала проблема интерпретации словообразовательных процессов с участием заимствованных аффиксов, а также возник вопрос о критериях оценки их продуктивности в языках-реципиентах. В данной статье, анализируя в сопоставительном плане прагматистические и структурно-семантические особенности русских, польских и чешских неодериватов с формантизированными заимствованными морфемами *-geйм/-gate*, *-инг/-ing*, *-голик/ -holik*, *-завр/-zaur/-saurus*, мы ставили своей целью выявить факторы, влияющие на продуктивность гибридных словообразовательных моделей с этими формантами в период с 2001 по 2024 год. Выборка гибридных неодериватов, круг которых ограничен в связи допустимым объемом статьи, производилась из текстов интернет-СМИ. Источниками языкового материала послужили российские, польские и чешские интернет-форумы и блоги, словарные базы данных Lexiko и Neomat, интерактивные интернет-словари, размещенные на сайтах www.slovonovo.ru, <http://powewyrazu.uw.edu.pl>, <https://cestina20.cz>. Обращение к поисковым системам Яндекс и Google обеспечило доступ к неограниченному объему текстов, что значительно упростило выявление и сравнительный анализ русских, польских и чешских гибридных неодериватов. Для оценки частотности неодериватов с формантами *-geйм/-gate*, *-инг/-ing*, *-голик/ -holik*, *-завр/-zaur/-saurus* был использован полнотекстовый поиск по российскому, польскому и чешскому сегментам Интернета. Хотя подсчет количества вхождений по российскому, польскому и чешскому сегментам мировой компьютерной сети не вполне точен, полученные результаты можно считать надежными, так как они коррелируют со структурными, стилистическими и семантическими особенностями рассматриваемой лексики. В ходе исследования в качестве вспомогательных были использованы методы компонентного и контекстуального анализа гибридных неодериватов.

1.0. Удобным критерием оценки тенденций развития словообразовательной системы языка считается продуктивность его словообразовательных моделей, поскольку она является своеобразным прогнозом, определяющим не идентичное, но сходное поведение говорящих, когда они сталкиваются с задачей породить или распознать новую для них комбинацию единиц. Носителями языка–реципиента «словообразовательный аффикс не может быть вычленен из заимствованных слов, если не вычленена образующая основа, причем не только формально, но и семан-

тически» (Боброва 2018: 249). «Процесс морфемизации включает в себя постепенное осознание носителями языка производности иноязычного слова, частичное восстановление его словообразовательной структуры на почве заимствующего языка и последующую словообразовательную активизацию элементов, которые на начальном этапе словообразовательного освоения слова вычленились лишь на морфемном уровне» (Петрова 1989: 76).

При измерении продуктивности гибридных словообразовательных моделей необходимо учитывать активность аффиксов, во многом обусловленную их деривационной и фонотактической сочетаемостью. Под деривационной сочетаемостью понимается способность аффикса образовывать производные слова от производящих основ различной частеречной принадлежности, происхождения, просодической структуры. Под фонотактической сочетаемостью понимается способность постфиксальных аффиксов сочетаться с различными классами фонем в исходе производящей основы.

Словообразовательная активность аффиксов проявляется в их способности присоединяться к основам новых производящих слов, новых в том смысле, что они только что появились в лексической системе языка, так и в смысле уже существующих слов, ранее не задействованных в качестве производящих (ср. Anderson 1985).

Активность и продуктивность моделей с иноязычными аффиксальными формантами регулируется приемлемостью/неприемлемостью неодериватов, по ним образованных, что устанавливается путем соотнесения: 1) с единицами, уже имеющимися в словарном составе языка; 2) с внеязыковой действительностью, которая может быть причиной культурно-семантических ограничений (Fleischer 1988).

1.1. При оценке продуктивности и активности гибридных словообразовательных моделей с учетом приемлемости/неприемлемости неодериватов может быть использована т.н. шкала степеней продуктивности, предложенная Игорем В. Мокиным, которая включает следующие позиции: 1) неограниченная продуктивность, 2) частично ограниченная продуктивность, 3) ограниченная продуктивность (Мокин 2011).

Неограниченная продуктивность понимается как отсутствие строгих структурных и семантических ограничений на образование новых слов по данной модели. Частично ограниченная продуктивность предполагает, что данная модель нео-

граниченно продуктивна на одном участке системы, но имеет ограничения продуктивности на другом. При этом косвенно ограниченная продуктивность обусловлена экстралингвистическими факторами, например, малой потребностью носителей языка в образовании новых слов по некогда эмпирически продуктивной модели. Относительно ограниченная продуктивность предполагает внутрисистемные ограничения на каком-либо конкретном участке, например, ограниченную сочетаемость романской или английской формантизированной морфемы со славянскими основами. Ограниченная продуктивность модели означает, что все или подавляющее большинство новых слов, которые создаются по этой модели, ограничиваются либо узкой семантикой, либо определенным стилистическим регистром дериватов (напр., обиходно-разговорной речью).

На ограничение продуктивности словообразовательных моделей могут влиять: 1) степень семантической регулярности дериватов, образуемых по этим моделям (такая регулярность обеспечивается формантом); 2) частота использования формантов (продуктивные форманты используются при словопроизводстве в большинстве языковых стилей); 3) эмоциональная окрашенность формантов (стилистически нейтральные форманты отличаются большей активностью и семантической четкостью по сравнению с эмоционально окрашенными формантами) (ср.: Bartnicka, Satkiewicz 1990: 204). Снятие ограничений на деривационную сочетаемость аффикса является признаком его высокой продуктивности, понимаемой как способность аффикса образовывать потенциально не ограниченное ни структурно, ни стилистически количество новых лексем. Приобретение продуктивности аффиксами иноязычного происхождения свидетельствует об их полной ассимиляции в языке-реципиенте.

1.2. Очевидно, что степень продуктивности словообразовательных аффиксов зависит как от интра-, так и от экстралингвистических факторов, поскольку язык не существует без его носителей – представителей определенных социокультурных сообществ. Называя предметы и явления внешнего мира с помощью словообразовательных средств, говорящие оценивают эти средства, выбирая их из имеющегося в языке репертуара, однако лингвокреативность словотворцев наталкивается не только на внутренние, но и на внешние ограничения словообразовательной продуктивности. Среди внешних факторов, влияющих на продуктивность и активность словообразовательных средств, –

это, прежде всего, языковая мода, зависящая от моды социокультурной, которая ныне выражается в американомании, вызвавшей интенсивный приток англо-американизмов в современные славянские языки. Существенный вклад в этот процесс внесли масс-медиа, «ставшие эталонным, нормотворческим фактором» (Нещименко 2003:139). В текстах масс-медиа, диктующих социокультурные и языковые моды, нередко происходит своеобразная переоценка единиц языка, в результате которой изменяется «общественная престижность не только отдельных лексем, но и целых словообразовательных типов» (Реснянская 2001: 8), что отражается на их активности и продуктивности. Пример тому – словообразовательная активность и продуктивность в современных русском, польском и чешском языках англо-американских морфемных заимствований: герундиального суффикса *-ing* и формантизированных морфемных сегментов *-gate*, *-(o)holik*, *-saurus*.

2.0. В эпоху информационной глобализации и экспансии медиастилия нормами речевого поведения становятся негативная экспрессивность и вербальная агрессия. Распространенность скандалов в политике и общественной жизни, скандально-стереотипная сенсационность постмодернистских СМИ способствовали активизации жанра речевой инвективы. Под влиянием этих социокультурных факторов во многих европейских языках, в том числе – славянских, концепт *скандал* приобрел специфический деривационный маркер – морфемный сегмент *-gate* (*-gejm*), англо-американский по происхождению¹. Этот маркер стал интернациональным «мобильным, транслокальным, оперативным словообразовательным ресурсом» (ср.: Blommaert, Dong 2010), поскольку с конца XX века он функционирует в 16 европейских языках (см.: Görlach 1998).

В славянских языках отыменные *nomina actionis* с постпозитивной морфемой *-gate/-gejt/-zejm* появились с приходом глобальных медиаконцернов, когда в условиях импорта медиасодержания скандальная информация заняла особое место в текстах СМИ постсоциалистических стран (см.: Коряковцева 2012). Русские, польские и чешские гибридные неодериваты с начала XXI века создаются по моделям «*nomen propria* → название скан-

¹ См. подробнее: Koriakowcewa E. „Семантическое развитие концепта СКАНДАЛ и его деривационные маркеры в русских и польских медиатекстах”. *Acta Neophilologica*, nr 2 (2020): s. 55–67.

дала с формантом *-gate/-гейт*», «*nomen loci* → название скандала с формантом *-gate/-гейт*», «*nomen obiecti* → название скандала с формантом *-gate/-гейт*».

Пройдя процесс морфемизации, заимствованный структурный элемент *-gate/-гейт* приобрел статус суффиксоида, хотя в польском и чешском языках, в отличие от русского, он не освоен графически и функционирует как трансплантант, ср.: русск. *армянгейт*, *Думагейт*, *карабахгейт*; польск. *ropagate*, *telegate*, *Leppergate*; чешск. *Ferigate*, *ropagate*, *sexgate*, *Zemangate*). По-видимому, стабильность графической неадаптированности суффиксоида *-gate* обусловлена искусственным торможением его морфемизации, отражающим своеобразный пиетет деятелей польских и чешских СМИ по отношению к главному глобализатору новейшего времени – США (ср.: Waszakowa 2005: 156–158).

2.1. В российском массмедийном и сетевом дискурсе суффиксоидный формант *-гейт* активно используется для создания негативно-оценочных названий политических, экономических, финансовых и сексуальных скандалов: только в последние пять лет появилось более 100 гибридных неодериватов с формантом *-гейт*: *Азергейт*, *армянгейт*, *белорусгейт*, *грузингейт*, *вакцинагейт*, *Думагейт*, *карабахгейт*, *Киевгейт*, *ковидгейт*, *коронагейт*, *Крымгейт*, *Макронгейт*, *Минздравгейт*, *Морозгейт*, *Новичокгейт*, *педофилгейт*, *пенсионергейт*, *Румынгейт*, *Сибнефтьгейт*, *Собянингейт*, *Трампгейт*, *украингейт*, *Уралгейт*, *Чубайсгейт*, *шпионгейт*, *Эрдогангейт* и др.

2.2. В польском и чешском языках с помощью суффиксоида *-gate* к началу XXI века были созданы весьма немногочисленные окказионализмы (см.: Waszakowa 2005; Janovc, Rangelová 2005). Однако к 20-м годам XXI века количество гибридных неодериватов с суффиксоидным формантом *-gate* значительно выросло: с помощью поисковой системы Google и словарных баз данных powewyrazu.pl, Neomat и Čeština2.0. нами выявлено более 70 польских и более 60 чешских *nomen actionis* – названий скандальных событий, образованных интернавами и сетевыми журналистами. Ср. напр., польск. *autogate*, *Begergate*, *bimbergate*, *cytrynagate*, *Dudagate*, *Golgotagate*, *Kaczkgate*, *Kaczorgate*, *kasynogate*, *kazikgate*, *Leppergate*, *magdalenkgate*, *marlborogate*, *maseczkgate*, *Michnikgate*, *Modlingate*, *ropagate*, *Rywingate*, *Sasingate*, *seksgate/seksogate*, *snapsgate*, *szydłogate*, *taśmagate*, *trabantgate*, *telegate*, *Tuskogate*, *Wawelgate* и др.; чешск. *Angolagate*, *Azergate*, *Babišgate*, *bobrgate*, *Brunei-gate*, *Bruselgate*, *Buloggate*, *diplomkgate*, *Enrongate*, *Ferigate*, *Haidergate*,

Grossgate, jelcingate, Judrgate, Klausgate, krávagate, Kremlingate, Kučma-gate, máslogate, mýdlogate, naftagate, olejgate, Paroubekgate, piškotgate, Pyjogate, ropagate, sexgate/sexygate, srbagate, Topolánekgate, Traktorgate, trenkygate, uklízečkagate, vejcegate, Vychodilgate, Zemangate, zombigate и др.

2.3. Продуктивность суффиксоидов *-geйт*, *-gate* объясняется их экспрессивностью, а также информационной ёмкостью: в семантической структуре гибридных неодериватов *-geйт/-gate* передает родовое понятие 'скандал', а производящие основы выступают в качестве атрибутивно-видовых характеристик: 'скандал' – финансовый (*кризисгейт*, *FOZZ-gate*), политический (*Путингейт*, *Leppergate*, *Babišgate*), энергетический (*нефтегейт*, *ropagate*, *naftagate*), сексуальный (*сексгейт*, *seksgate*). Увеличению семантического и валентностного потенциалов суффиксоидов *-geйт*, *-gate*, стабильному росту их словообразовательной активности способствует такой социокультурный фактор, как интенция глобализирующихся сообществ осмыслить произошедшее в скандальном модусе (см.: Дебор 2000). Степень продуктивности суффиксоидов *-geйт*, *-gate* следует, однако, определить как частично ограниченную, поскольку негативно-оценочные названия скандалов с этими формантами создаются в основном в медиастиле, где они используются в качестве средства гиперболизации с целью эмоционального воздействия на реципиентов медиатекстов.

3.0. Процесс заимствования «инговых» существительных русским, польским и чешским языками (см.: Боброва 2018; Waszakowa 2005: 116, Bozděchová 2019) имеет давнюю историю, однако настоящая экспансия этой лексики началась в конце XX — начале XXI веков, когда Россия, Польша и Чехия вошли в глобальное информационное, экономическое, образовательное и культурное пространство. Ассимиляции суффикса английского герундия *-ing* в современных русском, польском и чешском языках способствовала престижность и многочисленность заимствованных «инговых» англо-американизмов, обусловившая их морфемное членение и формирование в языковом сознании билингвальных русофонов, полонофонов и чехофонов эталона восприятия финалей *-инг/ -ing* как суффиксов с процессуальным значением.

3.1. К началу XXI века, по данным «Современного словаря иностранных слов» (Крысин 2012), в русском языке стабильно функционировало более 300 англицизмов, оканчивающихся на

-инг. В 10-е годы XXI века „инговое цунами” заимствований, вызванное американоманией значительной части российских СМИ и растущим русско-английским билингвизмом, привело к тому, что формантоид *-инг* утратил морфемную уникальность и вошел в реестр суффиксов русского языка как терминоэлемент, обладающий автономным процессуальным значением. В качестве полноценного форманта он начал активно использоваться для образования *nomina actionis* в языке российской прессы, где появились десятки отыменных гибридных имен действия, созданных путем присоединения суффикса *-инг* к основам конкретных собственных и нарицательных существительных, не имеющих процессуальной семы в лексических значениях. Попад в фокус внимания русскоязычного сообщества, эти имена действия стимулировали образование в разговорной речи гибридных неогерманизмов типа *бабинг* ‘флирт’, *базаринг*, *вининг* ‘винопитие’, *водкинг*, *волейболинг*, ***грибинг***, *дебатинг*, *дебилинг*, *идиотинг*, *инстаграмминг*, *интернетинг*, *кайкинг* ‘сплав на каяках’ *каруселинг*, *магазининг* ‘посещение магазинов’, *мотоциклинг*, *мужикинг*, *параноинг*, *пляжинг*, *рынкинг* ‘посещение рынка’, *сарделинг*, *скайпинг*, *твиттеринг*, *фейсбукинг*, *форуминг*, *халтуринг*, *хаминг*, *шашлыкинг*, *шизофренинг*, *шлюхинг* и др. Суффикс *-инг*, терминоэлемент с автономным процессуальным значением, активно используется в молодежном жаргоне, где появились лексемы типа *крысинг* ‘охота на крыс’, *крышинг* ‘танцы на крышах’, *собачинг* ‘отстрел бездомных собак’, *уазинг* ‘путешествие на внедорожнике УАЗ’ и др. (см.: Дьяков 2012: 46). С начала 20-х годов XXI века суффиксальный формант *-инг* употребляется интернавами для номинации актуальных общественных явлений, например: «Еще месяц *карантининга* и удадем все темы форума вместе взятые» (Интернет, 08.05.2020); «*Коронавирусинг* (...) употребляют не в значении ‘заболеть’, а чаще всего описывая домашнее времяпровождение во время самоизоляции или карантина» (Интернет, 09.06.2020); «Видать, *ковидинг* много денег на масках не принес, и *попилинг* вернулся на круги своя – начали старый добрый *бордюринг*» (Интернет, 29.07.2020); (*ковидинг* ‘запугивание COVID-19’, *попилинг* ‘расхищение бюджетных средств’ – от жаргонного *попилить* ‘расхитить’; *бордюринг* ‘укладка бордюров’); «Митинг с участием Навального получил неформальное название *навальнинг*» (Интернет, 29.01.2021).

Степень продуктивности суффикса *-инг* следует определить как частично ограниченную, поскольку гибридные неогермани-

ты, созданные с его помощью, принадлежат к области словотворчества, а не регулярного словообразования: они рассчитаны на эффект неожиданности, языковой игры, вызываемый сочетанием в норме несочетающихся морфем, «столкновением» коннотаций, свойственных этим морфемам.

3.2. Польскому языку англицизмы с финалью *-ing* известны с начала XX века, но до недавнего времени словообразовательная активность в нём этой финали была практически равна нулю (см.: Waszakowa 2005: 116). В последние пять лет наблюдается активное словопроизводство с помощью суффиксального форманта *-ing*, поскольку под влиянием масс-медиа среди части польской молодежи возникла мода на „ингование”, вследствие которой на интернет-форумах появились такие шутивно-иронические гибридные дериваты, как *browaring* ← *browar* ‘потребление пива’, *kawing* ← *kawa* ‘питье кофе’, *kietbasing* ← *kietbasa* ‘поджаривание колбасы на гриле’, *kocing* ← *koc* ‘лежание на одеяле’, *kościoling* ← *kościół* ‘посещение костела’, *leżaking* ‘отдых на лежаке’, *łomzing* ← *Łomża* ‘потребление пива марки Ломжа’, *piwing* ← *piwo* ‘потребление пива’, *spacing* ← *spacer* ‘прогулка-поход’, *wódking* ← *wódka* ‘потребление водки’, а также *bazaring*, *foteling*, *grobining*, *idioting*, *impreszing*, *mandating*, *telewizoring*, *urloping*, *wstyding* и др. Создан даже специальный сайт <https://ingi.wadi.pl>, на котором размещены около ста гибридных дериватов, образованных с помощью форманта *-ing*: *adrenalining* ‘uprawianie sportów podnoszących poziom adrenaliny’; *agresing* ‘napastliwe, agresywne zachowanie’; *chałturing* ‘olewający stosunek do wykonywanej pracy; chałtura’; *dywaning* ‘leżenie lub siedzenie na dywanie; inaczej też trzepanie dywanów’; *kanaping* ‘wygodne siedzenie lub leżenie na kanapie’; *suszing* ‘zajadanie się suszi’; *urloping* ‘pobyт wypoczynkowy na urlapie’; *wining* ‘picie wina przeważnie w samotności’ и др.

В современном польском языке продуктивность суффикса *-ing*, как и продуктивность его русского изофона *-инг*, является частично ограниченной, поскольку гибридные неoderиваты с суффиксальным формантом *-ing*, созданные, как правило, в ходе языковой игры, попадают на периферию словообразовательной категории *nomina actionis*.

3.3. В чешском языке немногочисленные англицизмы типа *dispatching* (‘ústřední řízení železniční dopravy’), *trening*, *yachting*, в основном – термины, появились в первой трети XX века (Database), однако это были морфологически изолированные трансплантаты, употреблявшиеся крайне редко, а структурный

элемент *-ing* в качестве суффиксального форманта словообразовательной активности не проявлял.

В „Slovníku afixů užívaných v češtině“ (редактор – Йосеф Шимандл) отмечается, что с помощью суффикса *-ing/-ink* образуются редкие окказиональные дериваты, поскольку этот суффикс лишь спорадически присоединяется к глагольным основам, исконно чешским или адаптированным, с целью демонстрации авторского остроумия и оригинальности: *zevling/zevlink* (← *zevlovat* ‘бездельничать’), *ležing/ležink* (← *ležet* ‘лежать’), *šmírink* (← *šmírovat* ‘тайно следить за кем-либо’), *hopsing* (← *hopsat* ‘подпрыгивать’), *skrbling* (← *skrblit* ‘жадничать’), *mučing* (← *mučit* ‘пытать’). Подчеркивается, что суффикс *-ing/-ink* присоединяется к субстантивным основам крайне редко, ср.: *gaučink* ‘лежание на диване’ (← *gauč* ‘диван’), *pivink* (← *pivo*), *rumink* (← *rum* ‘ром’). Однако поиск в интернет-источниках показал, что чешские интернауты достаточно регулярно используют суффикс *-ing/-ink* для образования гибридных имен действия, которые затем фиксируют в интерактивном неологическом интернет-словаре „Čeština 2.0. Slovník, který tvoříte vy od roku 2008“, ср.: *autohoubing* (2019 г.) ‘сбор грибов вдоль лесных дорог’, *bojing* (2019 г.) ‘страх перед полётами на самолетах Боинг’, *courink* (2010 г.) ‘прогулка’, *čučink* (2017 г.) ‘просмотр телепрограмм и т.п.’, *dlabing* (2020 г.) ‘прием пищи’, *fanoušing* (2020 г.) ‘непрерывный шум, рёв и свист фанов во время концертов’, *fejsbucking* (2018) ‘общение на Фейсбуке’, *horekopytink* (2016 г.) ‘горизонтальная позиция с ногами, поднятыми вверх, во время отдыха (← *kopyta hore*)’, *myšing* (2017 г.) ‘игра на компьютере с применением компьютерной мыши’, *roušking* (2020 г.) ‘ношение медицинской маски во избежание инфицирования коронавирусом’.

Nomina actionis с финалью *-ing* активно используются в чешском компьютерном жаргоне, где часто возникает своеобразная видовая корреляция т.н. «*ing-forem*» и отглагольных имен действия на *-ání*, напр., *rendering* – *renderování*, *streaming* – *streamování*, *trening* – *trenování* (см.: Písková 2007). Формированию в языковом сознании чехофонов эталона восприятия *-ing* как суффиксальной морфемы способствует её постпозитивное положение и повторяемость в серии слов. Продуктивность нового суффикса *-ing/-ink* является ограниченной, так как он используется преимущественно в ходе языковой игры для образования окказиональных отыменных *nomina actionis*.

3.4. Словообразовательная активность заимствованных суффиксальных формантов *-ing/-ink*, безусловно, способствует расширению деривационной базы русских, польских и чешских *nomina actionis*, так как с помощью этих формантов ликвидируются системные пробелы и создаются яркие эмотивные стилистические эффекты. Тем не менее продуктивность суффиксов *-ing/-ink* следует признать функционально ограниченной, поскольку процессуальные существительные, образованные с их помощью от исконных основ, относятся преимущественно к разговорной и жаргонной лексике.

4.0. Одним из последствий экспансии глобального английского языка является стабильный рост в русском, польском чешском языках активности заимствованного аффикса *-(o)holic/-(o)голик*, обозначающего человека, патологически зависимого от чего- или кого-либо. По данным «Merriam–Webster Dictionary», морфемный сегмент *-(o)holic* был вычленен из структуры существительного *alcoholic* в 1968 году для образования по аналогии американизма *workoholic*. Морфемный сегмент *-(o)holic*, довольно быстро пройдя процесс суффигирования, стал интернациональным суффиксоидом (см.: Görlach 1998). В результате глобальной лингвокультурной интерференции в русском, польском и чешском языках появились гибридные дериваты, созданные с помощью суффиксоидов *-(o)голик / -(o)holik* – изофонных аналогов американской неоморфемы *-(o)holic*.

4.1. В русском языке второй половины XX века морфемный сегмент *-(o)голик* впервые был использован для создания полукальки *трудоголик* – по аналогии с американизмом *workoholic*. Существует мнение, что заимствованный формант *-(o)голик* не отличается активностью на русской языковой почве, однако обращение к поисковой системе Яндекс показало, что в последние пять лет интернауты образовали с помощью форманта *-(o)голик* более 140 неoderиватов, имеющих общее категориальное словообразовательное значение «лицо, патологически зависимое от чего-либо».

Большую часть неoderиватов на *-голик* составляют названия лиц, патологически зависимых от своих увлечений, страстей и пороков, ср.: *автомобилеголик, бабоголик, битлоголик, блогоголик, брендоголик, ведьмоголик, гитароголик, гневоголик, джазоголик, гольфоголик, диетоголик, дискоголик, евроголик, женоголик, инфоголик, игроголик, интернетоголик, интригоголик, казиноголик, картиноголик, киноголик, книгоголик, компьютероголик, косметикоголик,*

котоголик, кошкокоголик, любовекоголик, медиакоголик, мобилокоголик, модоголик, мореголик, мотокоголик, наркокоголик, наукоголик, нетоголик, никотиноголик, поттероголик, парфюмероголик, пёсоголик, пляжекоголик, политикоголик, порноголик, психоголик, работоголик, радиоголик, рекламоголик, рифмоголик, романоголик, рэноголик, сериалоголик, сетеголик, смехоголик, собакоголик, спортоголик, стихоголик, стрессоголик, сумкоголик, табакоголик, телеголик, тестоголик, тряпкоголик, туроголик, туфлеголик, фильмоголик, флиртоголик, фотоголик, футбоголик, шлюхоголик, экоголик, экстремалоголик, эртоголик, эстетоголик и др.

Значительная часть неодериватов – это названия лиц, патологически зависимых от продуктов питания, блюд и напитков, ср.: авокадокоголик, бананоголик, борщеголик, булкокоголик, винокоголик, вискоголик, водкоголик, едокоголик, йогуртокоголик, картофелеголик, квасоголик, кефироголик, колбасоголик, конфетоголик, коньякоголик, кофеголик, макаронноголик, мармеладокоголик, мёдокоголик, молококоголик, мясоголик, овощеголик, пепсигоголик, пивоголик, пиццакоголик, пищекоголик, рыбокоголик, салатоголик, сахароголик, сладкоголик, супоголик, сыроголик, тортокоголик, фруктокоголик, хлебокоголик, чаеголик, чипсоголик, шашлыкоголик, шоколадакоголик, яблококоголик и др.

4.2. В польском языке активное освоение морфемного сегмента -(o)holik началось еще в 90-е гг. XX века: с его помощью были созданы существительные *mleko*holik, *nauko*holik, *słodycz*holik, *sklep*holik, *spisko*holik, *zakup*holik, обозначающие лиц, испытывающих патологическую привязанность к молоку (*mleko*holik), к науке и учебе (*nauko*holik), к сладостям (*słodycz*holik), к магазинам (*sklep*holik), к разговорам (*spisko*holik), к покупкам (*zakup*holik) (см.: Wyrwas 2006). К 10-ым годам XXI века словообразовательная база модели с суффиксоидом -(o)holik расширилась за счет т.н. ключевых онимов эпохи, причем морфемный сегмент -(o)holik приобрел значение «лицо, испытывающее патологическую зависимость от политических деятелей и партий»: *kaczor*holik (← *Kaczor* = *Kaczyński*, ‘сторонник Я. Качиньского, председателя партии «Право и справедливость»’), *PIS*holik (← *PIS* = *Prawo i Sprawiedliwość*, ‘сторонник партии «Право и справедливость»’), *tusk*holik (← *Tusk*, ‘сторонник Д. Туска, бывшего премьер-министра Польши’) и др. Наиболее активно суффиксоид -(o)holik используется для образования наименований лиц, патологически зависимых от своих увлечений, страстей и пороков: в течение пяти последних лет

польскими журналистами, а также интернавами с его помощью образовано более 90 гибридных неoderиватов: *alfaholik*, *amerykanaholik*, *angloholik*, *animeholik*, *autoholik*, *baboholik*, *bankoholik*, *beatlesholik*, *blogholik*, *butoholik*, *ciuchoholik*, *cycoholik*, *dietoholik*, *dyskoholik*, *ekoholik*, *erotoholik*, *estetoholik*, *euroholik*, *filmoholik*, *flirtoholik*, *forumholik*, *fotoholik*, *forsoholik*, *gitaroholik*, *gniewoholik*, *golfoholik*, *hazardoholik*, *infoholik*, *internetoholik*, *jazzoholik*, *kasoholik*, *kinoholik*, *komputeroholik/komputoholik*, *komórkoholik*, *kosmetykoholik*, *kotoholik*, *książkoholik*, *kurwoholik*, *lekoholik*, *medioholik*, *metaholik*, ***moheroholik***, *morzeholik*, *motoholik*, *mozaikoholik*, *muzykoholik*, *narkoholik*, *netoholik*, *nikotynoholik*, *obrazoholik*, *perfumoholik*, *piłkoholik*, *plażoholik*, *podróżoholik*, *politykoholik*, *potteroholik*, *pornoholik*, *psiakoholik*, *psychoholik*, *radioholik*, *rapoholik*, *reklamoholik*, *robotoholik*, *rymoholik*, *rusoholik*, *seksoholik*, *serialoholik*, *siecioholik*, *sklepoholik*, *śmiechoholik*, *spiskoholik*, *sportoholik*, *sprzątaczo**holik*, *stresoholik*, *świnioholik*, *tatoholik*, *teleholik*, *telewizjoholik*, *testoholik*, *torboholik*, *turoholik*, *tytonioholik*, *TVholik*, *wędkoholik*, *wiedźminoholik* (от *Wiedźmin*), *wiedzoholik*, *zabawoholik*, *żarłoholik*, *żonoholik*. Ср.: «... piwoholicy... forumoholicy, co jeszcze?» (Интернет, 11.08.2010); «Miłośnicy marki Alfa Romeo nazwali się Alfaholikami i pod taką nazwą zarejestrowali swój klub. Mam nadzieję, że alfaholikom daleko do alkoholików» (Интернет, 15.02.2009).

В текстах, размещенных на польских интернет-форумах и в блогах, нами также обнаружено более 30 неoderиватов с финалью *-(o)holik*, обозначающих лиц, патологически зависимых от продуктов питания, блюд и напитков, ср.: *awokadoholik*, *bananoholik*, *czekoholik/czekoladoholik*, *ciastoholik*, *cukierkoholik*, *cukroholik*, *chipsoholik*, *chleboholik*, *frytkoholik*, *herbatoholik*, *jabłkoholik*, *jadłoholik*, *jedzenioholik*, *jogurtoholik*, *kawoholik*, *kebaboholik*, *kefiroholik*, *kietbasoholik*, *kwasoholik*, *makaronoholik*, *makoholik*, *marmoladoholik*, *mąkoholik*, *mięsoholik*, *miodoholik*, *mlekoholik*, *pepsiholik*, *pieczywoholik*, *piwoholik*, *pizzaholik*, *ryboholik*, *seroholik*, *słodyczoholik*, *tortoholik*, *warzywoholik*, *winoholik*, *whiskoholik*, *wódkoholik*, *ziemniakoholik*, *zupoholik* и др.

4.3. В чешском языке американизм *workoholic*, частично адаптированный графически как *workoholik* (*workholik*, *vorkholik*), известен с 60-х годов XX века (Rangelová 1996). В 90-е годы XX века уже на чешской языковой почве были образованы неoderиваты *čokoholik/čokoládoholik*, *čajoholik*, *estetoholik*, *jablkoholik*, *jídlholik*, *netholik*, ***sexholik***, *stresholik*, *surfholik* (Janovec, Rangelová

2005). В сравнении с русским и польским языками в современном чешском значительно меньше неодериватов с формантом *-(o)holik*, однако их число стабильно растет (ср.: Klégr, Bozděchová 2024:133). Так, в словарных базах данных Neomat и Čeština 2.0 нами обнаружено более 70 гибридных неодериватов с формантом *-(o)holik*, в последние пять лет созданных интернет-пользователями и обозначающих: 1) лиц, патологически зависимых от своих увлечений, страстей и пороков (*amerikanoholik, animeholik, autoholik, bankoholik, běhoholik, botoholik, cestoholik, **dárkoholik**, diskoholik, estetoholik, facebookholik, filmoholik, fotošopaholik, holkoholik, **horkoholik**, hovorkoholik, hudboholik, golfholik, internetholik, kabátoholik, kabelkoholik, kinoholik, knihoholik, kočkoholik, kosmetikoholik, láskoholik, lajkoholik, lolkoholik, mařkoholik, mobiloholik, motoholik, nákupoholik, narkoholik, parfémoholik, parkoholik, pesoholik, počítačoholik, pornoholik, porkoholik, prokrastinoholik, prsoholik, psychoholik, rockoholik, romoholik, rouškoholik, sebereflexeholik, serialoholik, **sexholik, siecioholik, smíchoholik, spankoholik, sportoholik, stresholik, surfholik, šukoholik, švorcoholik, tátoholik, testoholik, TVholik, šatoholik, šokoholik, vztekoholik, zvukoholik, žabkoholik***); 2) лиц, патологически зависимых от продуктов питания, блюд и напитков (*avokádoholik, aquaholik, banánoholik, bramboroholik, cukroholik, chleboholik, čajoholik, čokoholik/čokoládoholik, dortoholik, hranolkoholik, jablkoholik, jídloholik, kakaoholik, kavoholik, karboholik, koňakoholik, mákoholik, masoholik, medoholik, mlékoholik, ovoceholik, pečivoholik, pivoholik, **pizzaholik**, salátoholik, sladkoholik, **šťávoholik**, sýroholik, těstovinoholik, vinoholik, vodkoholik, zeleninoholik* и др.).

Трансформация *homo ludens* в *homo ludens interneticus* («играющего интернет-человека») привела к тому, что в чешском интернет-дискурсе, как в русском и польском, появились названия людей, патологически зависимых от Интернета и его сервисов, ср.: чешск. *apkoholik, **blogoholik, chatoholik, facebookholik, netoholik/netholik, trolkoholik, wikiholik***; русск. *блогоголик, викиголик, инстаграмоголик, интернетоголик, нетоголик, твиттероголик, тролеголик, фейсбукоголик, форумоголик, хейтоголик, чатоголик*; польск. ***blogoholik, czatoholik, facebookoholik/fejsbukoholik, forumoholik, hejtoholik, instagrahamolik, internetoholik, twitteroholik, wikiholik***.

4.4. Сопоставляя русские, польские и чешские неодериваты, образованные с помощью суффиксоидов *-голик/-holik*, можно заметить общность агглютинативной техники выражения синтагматических отношений «определяемое – определяющее»

на морфемном уровне, а также дискретность словообразующих элементов в составе производных слов, проявляющуюся как на структурном, так и на семантическом уровнях организации суффиксоидных неoderиватов. О дискретности суффиксоидов *-голик*, *-holik* свидетельствуют такие формальные свойства автономности, как отделимость и переместимость, кроме того, эти суффиксоиды-агглютигаторы не обнаруживают склонности к идиоматизации, затемнению семантики, характерному для суффикса. Структурная и семантическая дискретность радикасоидных суффиксоидов *-голик*, *-holik* делает возможной их автономизацию в определенных контекстах. В блогах русских, польских и чешских интернастов, в комментариях на интернет-форумах суффиксоиды-агглютинаторы *-голик*, *-holik* иногда используются в функции слова — склоняемого существительного мужского рода со значением ‘человек, патологически зависимый от кого-, чего-либо’, ср.: «И *трудоголик* – это же тоже «голик», зависимый человек» (Интернет, 20.11.2010); «Есть *алкоголики*, есть *шопоголики*, есть *трудоголики*. А кто такие *голики*?» (Интернет, 22.10.2011); «...*alkoholicy i inni «holicy»*» (Интернет, 02.07.2011); «**Romeo, Indiana i inni holicy**» (Интернет, 25.07.2016); «No nic, jsem *pečivoholik, čokoholik, čajoholik, masoholik, mákoholik* a mnoho dalších *holiků*. Bez ničeho z toho bych se rozhodně nedokázala půl roku obejít» (Интернет, 18.04.2012).

Рост вербальной агрессии, своеобразными каналами распространения которой стали СМИ и социальные сети, способствует словообразовательной активности суффиксоидов *-голик/-holik*, однако их продуктивность функционально ограничена интернет-дискурсом и медиатекстами.

5.0. С начала XXI века в российских, польских и чешских текстах интернет-СМИ весьма активно функционируют гибридные дериваты с т.н. евролатинскими морфемами *-завр/-zaur/-saurus* (из греч. σαῦρος ‘ящер’), актуализирующими стереотипный образно-ассоциативный комплекс, который вербализирует концепт «примитивность, отсталость». Образно-ассоциативный комплекс *-saur* впервые был использован американскими журналистами для создания негативно-оценочных отонимных гибридных дериватов типа *Bidenosaur* (← *Biden*), *Clintonosaur* (← *Clinton*) на рубеже XX–XXI вв.² Эффективное когнитивное манипули-

² См.: <http://www.thespoof.com/spoof-news/magazine/3146/washington-dc-paleontology-conference-unveils-new-species>

рование значением «ископаемый ящер» в ходе журналистского словотворчества позволило по-новому структурировать концепт «отсталость, регресс» применительно к политическим лидерам, а также к их адептам, и потому этот способ «борьбы словами» был принят на вооружение лингвокреативными российскими, польскими и чешскими журналистами, а затем и реципиентами медиатекстов. Использование морфем-терминоидов *-завр/-zaur/-saurus* в метафорическом значении 'отсталый, примитивно мыслящий человек' дало возможность образовать зооморфные метафорические инвективы – пейоративные названия адептов политических и государственных деятелей, функционирующие в различных интернет-ресурсах, ср.: русск. *гайдарозавр* (← *Гайдар*), *ельцинозавр* (← *Ельцин*), *зюганозавр* (← *Зюганов*), *жиринозавр* (← *Жириновский В.В.*), *кудринозавр* (← *Кудрин А.Л.*), *правделозавр* (← партия «Правое дело»), *путинозавр* (← *Путин В.В.*), *чубайсозавр* (← *Чубайс А.Б.*); польск. *kaczkozaur* (← *Kaczka* ← *Kaczyński* – *Качиньски Ярослав*), *lepperozaur* (← *Lepper* – *Леннеп Анджей*), *rydzykozaur* (← *Rydyk* – *Рыдзик Тадеуш*, ксёндз), *tuskozaur* (← *Tusk* – *Туск Дональд*); чешск. *Bursíkosaurus* (← *Bursík Martin*), *havlosaurus* (← *Havel Václav*), *paroubkosaurus* (← *Paroubek Jiří*), *svobodosaurus* (← *Svoboda Cyril*), *topolosaurus* (← *Topol Jáchym*), *zemanosaurus* (← *Zeman Miloš*).

5.1. Анализ прагмастилистических свойств и комбинаторики суффигированных компонентов *-завр*, *-zaur*, *-saurus* показал, что первоначально, в конце XX века, суффиксоид *-завр* активно использовался только в жаргоне молодых русофонов-интеллигентов для создания ругательств, содержащих негативную оценку, общественно осознаваемую и воспринимаемую адресатом как оскорбительную или клеветническую характеристику. В зависимости от базисных концептов инвективизации среди этих ругательств можно выделить: 1) инвективные обозначения недостатков умственного развития (*глупозавр* 'глупый человек', *дурозавр* 'дурной человек', *колхозавр* 'умственно ограниченный колхозник', *лохозавр* 'наивно-доверчивый человек, лох', *тупозавр* 'тупой, примитивный человек'; 2) инвективные обозначения отрицательных черт характера и асоциальных моделей поведения (*быдлозавр* 'примитивный человек, не имеющий моральных принципов', *дерьмозавр* 'подлый, гнусный человек', *очкозавр* 'трус, который не может оказать сопротивления преступникам', *хамозавр* 'примитивный хам', *иллюхозавр* 'развратный мужчина'); 3) инвективные обозначения внешности человека (*жирнозавр*

‘очень толстый человек’, *толстозавр* ‘толстый человек’); 4) инвективные обозначения отклонений в психическом здоровье (*психозавр* ‘психически ненормальный человек’, *шизозавр* ‘психически деградировавший человек’).

По нашим данным, в последние пять лет в современной интернет-коммуникации на русском языке особенно активно пополняются неодериватами первая, вторая и четвертая группы инвективных обозначений, ср.: (1) дебилозавр, идиотозавр, кретинозавр, наивнозавр, олигофренозавр, тупозавр; (2) *бабозавр* ‘старый бабник’, грубозавр, салозавр, стервозавр, трахозавр ‘сексуальный маньяк’, хамлозавр, *чудикозавр/чудакозавр* ‘чудаковатый человек’, **причем среди** инвектив, указывающих на психические отклонения (4 группа), появились названия людей, ставших ненормальными вследствие пристрастия к Интернету, Инстаграму, Твиттеру и Фейсбуку (*интернетозавр/нетозавр, инстаграмозавр, твиттерозавр, фейсбукозавр*).

5.2. Базисными семантическими признаками, формирующими значения инвектив, созданных российскими интернавами с помощью морфемы-терминоида *-завр*, являются «интеллект» (глупость), «характер» (злобность), «моральные качества» (подлость), «поведение» (отклонения от социальных норм), «психическое здоровье» (психические отклонения), «внешность» (физические недостатки – «тучность»). Эти же базисные семантические признаки являются «строительным материалом» для образования немногочисленных и малоупотребительных (по сравнению с русскими) инвектив с изофонными формантами *-zaur, -saurus*, созданных польскими и чешскими интернет-пользователями. Ср.: 1) «низкий интеллект»: польск. **glupozaur, durniozaur, debilozaur, kretynozaur, idiotozaur**; чешск. *blbosaurus* ‘омстальный и слабоумный человек’, *debilosaurus, dementosaurus, hluposaurus, idiotosaurus, imbecilosaurus, kreténosaurus, tuposaurus* – русск. **глынозавр**, дебилозавр, дуросавр, идиотозавр, кретинозавр; 2) «недостатки характера»/«отклонения от социальной нормы поведения»: ср. польск. *aferozaur* ‘скандалист’, **babozaur** ‘злая женщина’ и русск. **бабозавр** ‘злая женщина’, польск. *dziwnozaur* ‘странный, чудачковатый человек’ и русск. *чудикозавр/чудакозавр*; чешск. *čígosaurus* ‘человек, выкуривающий более 100 сигарет в день’, *čičkosaurus* (от жаргонизма *čičnout* ‘пялиться, заглядывать-ся’), *holkosaurus* ‘старый бабник’ (от *holka* ‘девочка, девушка’) и русск. *бабозавр*; 3) «психическое нездоровье»: польск. *psychozaur* – русск. *психозавр*; 4) «недостатки внешности» («тучность»): польск.

brzuchozaur ‘пузатая женщина’, **grubozaur** ‘толстый человек’; чешск. *sádlosaurus* ‘очень толстый человек’ – русск. салозавр.

Как показал количественный и прагматистический анализ гибридных неодериватов, образованных с помощью метафоризированных формантов-терминоидов *-завр*, **-zaur**, **-saurus**, для российских, польских и чешских интернавтов наиболее нетерпимыми свойствами являются отсталость и низкий уровень интеллекта. В качестве мотивационной базы используются *именные* основы, указывающие на причину умственной отсталости, а именно: 1) глупость, неспособность к здравому рассуждению (русск. глупозавр, дурозавр, тупозавр; польск. **glupozaur**, **durniozaur**; чешск. *blbosaurus*, **hluposaurus**, *tuposaurus*); 2) неспособность правильно оценить ситуацию (русск. лохозавр, наивнозавр); 3) патологические отклонения в психике (русск. дебилозавр, идиотозавр, кретинозавр, олигофренозавр; польск. **debilozaur**, **kretynozaur**, **idiotozaur**; чешск. *debilosaurus*, *dementosaurus*, **idiotosaurus**, *imbecilosaurus*, *kreténosaurus*).

По-видимому, рост продуктивности метафоризированного «евролатинского» суффиксоида (*-завр/-zaur/-saurus*), заимствованного из американского варианта английского языка, связан с формированием особого вида дискурса – инвективного, обусловленного эскалацией вербальной агрессии в социальной коммуникации, стимулирующей конфликтогенность речевого поведения образованных носителей русского, польского и чешского языков. Однако продуктивность суффиксоидов-агглютинаторов *-завр/-zaur/-saurus* является частично (функционально) ограниченной, поскольку гибридные неодериваты, образованные с их помощью, создаются представителями лишь некоторых социокультурных сообществ и функционируют только в интернет-дискурсе и медиатекстах.

Заключение.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

1. Активность новых гибридных словообразовательных моделей существительных с заимствованными формантами *-гейм/-gate*, *-инг/-ing/-ink*, *-(o)голик/-(o)holik*, *-завр/-zaur/-saurus* характеризует суффиксальное словопроизводство как гибкую и динамично развивающуюся подсистему в русском, польском и чешском языках, поскольку эти модели демонстрируют не только возможность взаимодействия с исконными типами и моделями, но

и способность к пополнению инвентаря формантов за счет иноязычных морфем и квазиморфемных элементов, находящихся в процессе перехода в разряд аффиксов.

2. Словообразовательная активность и продуктивность заимствованных формантов *-gate*, *-ing*, *-(o)holik*, *-saurus* в русском, польском и чешском языках обусловлена такими социолингвистическими факторами, как: 1) глобализация информационного пространства, 2) билингово-англизация, 3) англо-американская лингвокультурная мода, формирующая вторичное языковое сознание, базирующееся на избыточных заимствованиях и сленге. Росту активности и продуктивности адаптированных формантов *-гейт/-gate*, *-инг/-ing/-ink*, *-(o)голик/-(o)holik*, *-завр/-zaur/-saurus* способствуют демократизация и агрессивизация языка публичного общения, а также терминологизация общепотребительной лексики.
3. Стабильная эмпирическая продуктивность словообразовательных моделей существительных с формантами *-гейт/-gate*, *-инг/-ing/-ink*, *-(o)голик/-(o)holik*, *-завр/-zaur/-saurus* обусловлена тем, что неодериваты, созданные с помощью этих формантов, способны выполнять одновременно несколько функций: 1) компрессивную (экономия речевых средств); 2) экспрессивно-декоративную (служат средством украшения речи); 3) людическую (используются в языковой игре); 4) парольно-идентифицирующую (демонстрация принадлежности к группе интеллектуалов-билингвов). Продуктивность словообразовательных моделей существительных с формантами *-гейт/-gate*, *-инг /-ing*, *-завр/-zaur/-saurus*, *-(o)голик/ -(o)holik* стилистически ограничивается медиатекстами и разговорными речевыми конструкциями интернет-дискурса.
4. В русском, польском и чешском интернет-дискурсах форманты *-(o)голик/ -(o)holik*, *-завр/-zaur/-saurus* функционируют как средства формирования инвективного значения, создание гибридных дериватов с их помощью нередко является способом реализации вербальной агрессии, причем словообразовательные приёмы оскорбления наиболее активно используются в речевой практике российских интернауты, что связано, по-ви-

димому, с обыденностью инвективного общения в современном русскоязычном социуме.

5. Употребительность русских, польских и чешских гибридных неолексем, образованных с помощью формантов *-geйм/-gate*, *-инг/-ing*, *-завр/-zaur/-saurus*, *-(о)голик/-(о)holik*, ограничена единичными темами и дискуссиями по поводу определенных явлений и событий, а также лиц, с ними связанных (по нашим данным, каждая неолексема этой группы употреблена в российском, польском и чешском сегментах Интернета менее чем 100 раз). В условиях неформальной речевой коммуникации гибридные модели существительных с формантами *-geйм/-gate*, *-инг/-ing/-ink*, *-(о)голик/-(о)holik*, *-завр/-zaur/-saurus* приобретают достаточно высокую словообразовательную активность, которой способствует тенденция современного словопроизводства к сочетанию исконных и заимствованных морфем, однако применительно к общепотребительной лексике эти модели имеют ограниченную продуктивность.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Боброва А. В. „Суффиксы – иноязычный, освоенный, заимствованный (на примере истории групп слов на -инг, заимствованных из английского языка)”. *Stephanos*, № 2 (2018): стр. 248–255.
- ДЕБОР Г. *Общество спектакля*. Пер. С. Офертас, М. Якубович Москва: Логос, 2000.
- Дьяков А. И. „Участие англоязычных морфем в русском словообразовании”. *Филология и человек*, №2 (2012): стр. 43–56.
- КОРЯКОВЦЕВА Е. И. „О деривационном статусе новых морфем”. Ляпон М.В. (ред.). *Человек о языке – язык о человеке: Сборник статей памяти академика Н.Ю.Шведовой*. Москва: «Азбуковник», 2012, стр. 181–193.
- Мокин И. В. *Суффиксальное словопроизводство как продуктивный способ пополнения лексического состава современного шведского языка*. Автореферат диссертации кандидата филол. наук. Москва: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2011. <<https://www.philol.msu.ru/~ref/avtoreferat2011/mokin.pdf>>. 12.07.2024.
- НЕЩИМЕНКО Г. П. *Языковая ситуация в славянских странах. Опыт описания. Анализ концепций*. Москва : РАН, Институт славяноведения, 2003.

ПЕТРОВА М. М. „Морфемизация словообразовательных элементов латинского происхождения в русском языке”. Николаев Г. А. (ред.). *Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Сборник статей к 140-летию со дня рождения И.А. Бодуэна де Куртенэ*. Казань: Издательство Казанского университета, 1989, стр. 76–80.

РЕСНЯНСКАЯ Л. Л. *Двусторонняя коммуникация: Методика организации общественного диалога*. Москва: Астрель, 2001.

*

ANDERSON S. R. „Typological distinction in word-formation”. Shopen T. (ed.), *Language typology and syntactic description*, vol 3. Cambridge: Cambridge University Press, 1985, p. 3–56.

BARTNICKA B., SATKIEWICZ H. *Gramatyka języka polskiego dla cudzoziemców*. Warszawa: PWN, 1990.

BLOMMAERT J., DONG Jie. „Language and Movement in Space”. Coupland N. (ed.). *The Handbook of Language and Globalization*. Chichester: Wiley–Blackwell, 2010, p. 366–385.

BOZDĚCHOVÁ I. „Slovotvorná adaptace nových anglicismů v češtině”. Лукашанец А.А. (ред.). *Глобалізація і слов'янське словаутварення: XVI Міжнародний з'їзд славістів (Сербія, Бєлград, 19–27. 08. 2018): Тематичний блок / Globalization and Slavic Word Formation: XVI International Congress of Slavists (Serbia, Beograd, 19–27. 08. 2018): Thematic session*, Мінськ: Права і економіка, 2019, стр. 50–73.

FLEISCHER W. „Продуктивность – приемлемость – активность”. Stiller H. (Hrsg.). *Zur Theorie der Wortbildung im Deutschen: Dem Wirken Wolfgang Fleischers gewidmet*. Berlin: Akademie-Verlag, 1988, pp. 108–129.

GÖRLACH M. „The Usage Dictionary of Anglicisms in Selected European languages: a report on progress, problems and prospects”. *Links & Letters*, № 5 (1998): p. 209–221.

JANOVEC L., RANGELOVÁ A. „Sufixoidy a sufixoidní lexémy u substantivních kompozit”. Martincová O. (red.). *Neologizmy v dnešní češtině*. Praha: Ústav pro jazyk český Akademie věd České republiky, 2005, s. 85–98. <<http://nase-rec.ujc.cas.cz/archiv.php?art=7309>>. 24.06.2024.

KLÉGR A., BOZDĚCHOVÁ I. *Lexikální anglicismy v češtině*. Praha: Karolinum, 2024.

KREJA B. „Drobiazgi słowowórcze: 31. O formancie -gate ‘afera, skandal’”. *Język Polski*, t. LXXIII (1993): s. 63–69.

PÍSKOVÁ R. *Utváření lexikálních jednotek v komunikační oblasti informačních technologií*. Brno: ÚCJ MU, 2007.

- RANGELOVÁ A. „Workoholismus a to ostatní”. *Naše řeč*, ročník 79, číslo 2 (1996): s. 110–112. <<http://nase-rec.ujc.cas.cz/archiv.php?art=7309>>. 09.07.2024.
- WASZAKOWA K. *Przejawy internacjonalizacji w słowotwórstwie współczesnej polszczyzny*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2005.
- WYRWAS K. „Rywingate i pracoholik – derywaty sufiksalne czy złożenia?”. *Język Polski*, t. LXXXIV (2004): s. 151–154. <http://www.poradniajezykowa.us.edu.pl/artykuly/KW_rywingate.pdf>. Stand: 04.06.2024.

Источники

- КРЫСИН Л. П. *Современный словарь иностранных слов: свыше 7000 слов и выражений, толкование значений, происхождение, употребление*. Москва: АСТ-Пресс, 2012.
- Databáze heslářů slovníků Ústavu pro jazyk český Akademie věd České republiky*. <<http://lexiko.ujc.cas.cz/heslare/search.php>>. 21.04.2023.
- Databáze excerpčního materiálu NEOMAT, verze 1.0 Ústavu pro jazyk český Akademie věd České republiky*. <www.neologismy.cz>. 30.04.2023.
- Merriam–Webster Dictionary*. <www.m-w.com>. 30.04.2023.
- Obserwatorium Językowe Uniwersytetu Warszawskiego*. <<https://nowewyrazy.uw.edu.pl>> 05.05.2023.
- Slovník afixů užívaných v češtině*. <<http://www.slovníkafixu.cz/heslar/-ing/-ink>>. 24.06.2023.
- ČEŠTINA 2.0. Slovník, který tvoříte vy od roku 2008*. <<https://cestina20.cz>>. 29.04.2024.

Elena Koryakovceva

PRODUCTIVITY OF HYBRID DERIVATIVES IN THE ERA OF GLOBALIZATION: SOCIOCULTURAL AND SYSTEMIC DETERMINATION OF THE DEVELOPMENT OF NEW WORD-FORMATION MODELS

Summary

Analyzing intra- and extralinguistic factors influencing the systemic and empirical productivity of new word-formation types, the author of this article comes to the conclusion that the internal ability of the word-formation system to create hybrid neoderivatives is only one of the conditions

determining their quantity and quality. The degree of productivity of neoderivatives is determined primarily by such extralinguistic factors as “linguo-cultural interference” and the authority of certain media channels – the main suppliers of neologisms reflecting the socio-cultural, cognitive and communicative priorities of the era of globalization.

Keywords: productivity, hybrid neoderivatives, new affixes, expressiveness, globalization.

АЛЯКСАНДР ЛУКАШАНЕЦ*
Нацыянальная акадэмія навук Беларусі

СКЛАДАНЫЯ СЛОВЫ Ў СЛОВАЎТВАРАЛЬНЫМ ГНЯЗДЗЕ: ДА ПРАБЛЕМЫ ЎНУТРЫГНЕЗДАВОГА І МІЖГНЕЗДАВОГА ЎЗАЕМАДЗЕЙННЯ І ПЕРАСЯЧЭННЯ

У артыкуле на матэрыяле беларускай мовы разглядаюцца: а) месца складаных слоў у структуры словаўтваральнага гнязда (пераважная ступень словаўтварэння, наяўнасць часцінамоўных блокаў складаных слоў, магчымасць разгортвання словаўтваральных ланцужкоў са складаным словам); б) асаблівасці фармальных і семантычных матывацыйных сувязей складаных слоў у словаўтваральным гняздзе (множнасць матывацыі, уключэнне складаных слоў у склад двух і больш гнёзд і інш.); в) словаўтваральны статус складаных слоў і вытворных ад іх адзінак у словаўтваральным гняздзе; г) асаблівасці структуры і лексічнага складу гнёзд новых складаных слоў; д) пытанне аб выдзяленні складаных слоў у асобныя гнёзды (гнёзды складаных слоў).

Ключавыя словы: складанае слова, словаўтваральнае гняздо, словаўтваральны ланцужок, спосаб словаўтварэння, ступень словаўтварэння.

I. Уводзіны. Тэрміны і паняцці

Ва ўсходнеславянскім мовазнаўстве тэорыя словаскладання распрацавана дастаткова глыбока і паслядоўна: раскрыта сутнасць і спецыфіка складаных слоў, дэталёва распрацавана класіфікацыя спосабаў утварэння складаных слоў, паказана месца складаных слоў у агульным корпусе матываваных лексічных адзінак і г.д. Параўн.:

Сложение – это способ образования слов, в которых опорный (последний) грамматически оформляющий слово компонент равен целому слову, а предшествующий ему компонент (или компоненты) представляют собой чистую основу. В состав форманта сложений входят: а) интерфикс, б) закрепленный порядок компо-

* alukashanets2021@gmail.com, ORCID: 0000-0003-3736-1566

нентов, в) единое главное ударение, преимущественно на опорном компоненте: *овощехрани́лище, засухоустойчи́вый, полулежа́ть*. Интерфикс может быть нулевым, напр.: *царь-колокол, Ленинград*.

Сращение – способ словообразования, при котором происходит соединение, слияние двух и более слов без каких-либо изменений в их морфемном составе и без участия интерфикса, напр. *умалише́нный, долгоигра́ющий*. Сращение отличается от сложения тем, что образованные путем сращения слова во всех своих формах по морфемному составу полностью тождественны синонимичному словосочетанию; таким образом, связь компонентов в структуре мотивированного слова сохраняется как живая синтаксическая связь. В состав форманта при сращении входят: а) закрепленный порядок компонентов (подчиненный компонент + опорный); б) единое главное ударение на опорном компоненте (Лопатин, Улуханов 2016: 35).

Кроме названных выше чистых способов словообразования сложные слова образуются также с помощью смешанных способов: а) суффиксально-сложного: *коньк-о-беж-ец, ин-о-город-н-ий, сам-о-ход-ом*; б) сращения в сочетании с суффиксацией: *от-себя-тин-а* (разг.), *по-ту-сторон-н-ий, христа-раднича-ть* (устар.); с) префиксально-суффиксально-сложного: *по-вс-е-мест-н-ый, раз-мокр-о-погод-и-ть* (разг.), *в-пол-оборот-а*; д) суффиксации, сложения и субстантивации: *дву-грив-енн-ый* (Лопатин, Улуханов 2016: 36).

Складанне (інакш – кампазіцыя, ад лац. *compositio* – складанне, стварэнне) асноў і слоў адрозніваецца ад афіксацыі тым, што пры афіксацыі выкарыстоўваецца толькі адзін кампанент з самастойным сэнсавым значэннем, другія ж кампаненты – афіксы выконваюць службовую ролю, а пры складанні аб'ядноўваюцца ў адну лексічную адзінку дзве або больш асноў паўназначных слоў ці асобныя словы цалкам (Шакун 1878: 97).

„Сложносоставные слова – сложные слова, образуемые соединением двух или более простых слов, принадлежащих, как правило, к одной и той же части речи: последний компонент их равен самостоятельному слову: *северо-запад, человеко-день, торгово-промышленный, научно-технический, российско-китайский, счётно-решающий, серебристо-белый...*

К сложносоставным словам нередко также относят терминологические или близкие к терминам составные наименования – сочетания существительных, не обладающие цельюоформленностью слова; не только второй, но и первый компонент

таких слов может при склонении изменяться, напр.: *дом-музей, диван-кровать, сад-ясли, ракета-носитель, лётчик-космонавт*, однако в таких наименованиях, как *генерал-полковник, плащ-палатка*, первый компонент не склоняется” (Лопатин 2003б: 516)

Складне слово – похідне слово, утворене способом *основоскладання* чи *словоскладання*, що має не менше ніж дві основи. ... Серед складних слов переважають *композиції* (за даними сучасних словників української мови, їх бл. 10 000): **світолюб, сінокіс**. *Юкстапозитів* бл. 1 000: **хата-читальня, хімік-органік,десь-колись, густий-прегустий**” (Клименко 2007б: 625).

Абревіатура (итал. *abbreviatura* – сокращение, от лат. *abbrevio* – сокращаю) – существительное, образованное из усеченных слов, входящих в исходное словосочетание, или из названий начальных букв этих слов (реже из усеченных компонентов, названий начальных букв компонентов исходного сложного слова). Последний компонент аббревиатуры может быть также целым (неусечённым) словом (Лопатин 2003а: 9).

„Абревіатура (італ. *abbreviatura*, від лат. *abbreviatio* – скорочення), складаноскорочене слово – похідне слово, що виникає внаслідок абревіації. Утворюється складанням скороч. основ і буває здебільшого еквівалентною словосполученню, яке її мотивує: „ветеринарна амбулаторія” > „ветамбулаторія”. За морфемною будовою абревіатури бувають подільними і неподільними. У перших чітко виділяють усі частини, які можуть сполучатися з ін. словами чи аброморфемами. До таких в укр. мові належать, напр., слова з елементами **вет-, війск-, мат-, мед-, політ-** у першій позиції (ветдопомога, ветлікар, ветпункт, ветсанітар, ветфельдшер) чи **-кор, -ком, -орг** – у другій (власкор, спецкор, юнкор). До морфемно неподільних належать буквені та звукові абревіатури” (Клименко 2007а: 7).

Словаўтваральнае гняздо – найбольш складаная адзінка ў іерархii класіфікацыйных адзінак словаўтварэння і ўяўляе сабой сукупнасць усіх аднакарэнных слоў, упарадкаваных адносінамі паслядоўнай словаўтваральнай матывацыі. ...словаўтваральнае гняздо спалучае як сінтагматычныя, так і парадыгматычныя характарыстыкі, г. зн. з’яўляецца двухмернай адзінкай словаўтварэння. Яно можа быць прадстаўлена ці як сукупнасць словаўтваральных ланцужкоў, ці як сукупнасць словаўтваральных парадыгм, а дакладней, як своеасаблівае перапляценне (камбінацыя) словаўтваральных парадыгм і словаўтваральных ланцужкоў (Лукашанец 2001: 14)

Такім чынам, складаныя словы аб'ядноўваюць шырокі клас матываваных лексічных адзінак, якія ўтвораны шляхам аб'яднання ў адно слова двух ці больш самастойных слоў, асноў або ўсечаных фрагментаў асобных слоў. Іншымі словамі, складанымі з'яўляюцца лексічныя адзінкі, якія маюць у сваёй структуры больш чым адну аснову.

Корпус складных слоў у беларускай мове істотна пашыраецца за кошт матываваных лексічных адзінак, утвораных ад складаных слоў шляхам афіксацыі, паколькі ў іх структуры дзве і больш асновы, напрыклад: *аднакласнік* → *аднаклас-ніц-а*, *вогнетрывалы* → *вогнетрывал-асць*, *гідрамельіярацыя* → *гідрамельіярацый-н-ы*, *двурушнік* → *двуруш-ніц-а*, *двурушніц-к-і*, *двурушніч-а-ць*, *двурушніц-тв-а*, *самадур* → *самадур-ств-а*, *самадур-ніча-ць* і інш.

Аб'ектам даследавання ў артыкуле з'яўляюцца складаныя паводле спосабу словаўтварэння і па структуры словы беларускай мовы і іх месца ў словаўтваральным гняздзе.

II. Вынікі даследавання

Складаныя словы і ўтвораныя ад іх матываваныя адзінкі з'яўляюцца важнай часткай слоўнікавага складу сучаснай беларускай мовы і займаюць спецыфічнае месца ў словаўтваральных гнёздах.

1. У словаўтваральных гнёздах у беларускай мове прадстаўлены складаныя словы ўсіх тыпаў і разнавіднасцей:

1. утвораныя рознымі спосабамі словаскладання:

1.1. чыстыя спосабы:

1.1.1. словаскладанне (у адно складанае слова аб'ядноўваюцца два самастойныя словы):

1.1.1.1. цэласнааформленыя (паводле І.С. Улуханава складанні з нулявым інтэрфіксам), у якіх пры словазмяненні змяняецца толькі другі кампанент складанага слова): **генерал + лейтэнант** → *генерал-лейтэнант*, **інтэрнэт + магазін** → *інтэрнэт-магазін*, **анлайн + канферэнцыя** → *анлайн-канферэнцыя* і інш.

1.1.1.2. раздзельнааформленыя ці складанасастаўныя (Лопатін 2003б: 516), або юкстапозіты (Клименко 2007а: 7), у якіх пры скланенні змяняюцца абедзве часткі складанага слова): **фабрыка + кухня** → *фабрыка-кухня*, **хата + чытальня** → *хата-чытальня*, **выстаўка + продаж** → *выстаўка-продаж* і г.д.

1.1.2. асновасловаскладанне (у адно складанае слова аб'ядноўваюцца аснова першага слова і цэлае другое слова, як правіла,

з дапамогай інтэрфікса): **агульны + еўрапейскі** → *агульн-а-еўрапейскі*, **вада + забеспячэнне** → *вод-а-забеспячэнне*, **гразь + лячэбніца** → *граз-е-лячэбніца*, **горны + металургічны** → *горн-а-металургічны*, **інжынерны + будаўнічы** → *інжынерн-а-будаўнічы*, **ілжывы + вучоны** → *ілж-э-вучоны*, **сам + абарона** → *сам-а-абарона*, *сам-а-ацэнка* і інш.

1.1.3. зрашчэнне (у адно складанае слова аб'ядноўваецца цэлае словазлучэнне): **вечна зялёны** → *вечна/зялёны*, **глыбока паважаны** → *глыбока/паважаны*, **густа населены** → *густа/населены* і г.д.

1.1.4. абрэвіяцыя (усіх разнавіднасцей):

- **авіяцыя** → *авіяцыйны* → *авіяапрацоўка* (авіяцыйная апрацоўка), **авіяцыя** → *авіяцыйны* → *авіязавод* (авіяцыйны завод), **авіяцыя** → *авіяцыйны* → *авіямадэль* (авіяцыйная мадэль), **авіяцыя** → *авіяцыйны* → *авіяматор* (авіяцыйны матор), **авіяцыя** → *авіяцыйны* → *авіяполк* (авіяцыйны полк); **аграрны** → *аграбіялогія* (аграрная біялогія), **аграрны** → *аграбізнес* (аграрны бізнес), **аграрны** → *агракомплекс* (аграрны комплекс), **горад** → *гарадскі* → *гарсавет* (гарадскі савет);
- **вобласць** → *абласны* → *аблвыканкам* (абласны выканавы камітэт), **біялогія** → *біялагічны* → *біяфак* (біялагічны факультэт), **сістэма** → *сістэмны* → *сісадмін* (сістэмны адміністратар), **спецыяльны** → *спецкар* (спецыяльны карэспандэнт);
- **арганізаваць** → *арганізацыя* → *ААН* (Арганізацыя Аб'яднаных Нацый), **атрад** → *АМАП* (Атрад міліцыі асобага прызначэння), **Беларусь** → *беларускі* → *БДУ* (Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт), **высокі** → *вышэйшы* → *ВНУ* (вышэйшая навучальная ўстанова), **дарога** → *дарожны* → *ДАІ* (Дарожная аўтамабільная інспекцыя), **рэспубліка** → *рэспубліканскі* → *РКМЦ* (Рэспубліканскі клінічны медыцынскі цэнтр) і інш.

1.2. змешаныя спосабы:

1.2.1. суфіксальна-складаны: **адзін** → *адн-а-клетач-н-ы*, **адзін** → *дн-а-тып-н-ы*, **вада** → *вад-а-мер-н-ы*, **высокі** → *высак-а-гор-н-ы*, **пяць** → *пяц-і-курс-нік*, **тры** → *тр-ох-разрад-нік*, **шмат** → *шмат-профіль-н-ы* і г.д.

1.2.2. прэфіксальна-складаны: **палова** → *на-паў-афіцыйны*, **вайна** → *ваен-н-ы* → *на-паў-ваенны*, **голад** → *галод-н-ы* →

на-паў-галодны, **забыць** → *забы-т-ы* → на-паў-забыты, **калонія** → *калані-яльн-ы* → на-паў-каланіяльны, **прытомны** → на-паў-прытомны і інш.

1.2.3. прэфіксальна-суфіксальна-складаны: **голас** → на-паў-голас-а, **дарога** → на-паў-дароз-е, **вярнуць** → на-вярнуць → нава-рот → на-паў-наварот-а, **сіла** → на-паў-сіл-ы, **месца** → на-ўс-я-мес-н-ы і г.д.

2. словы, утвораныя ад складаных слоў іншымі спосабамі словаўтварэння: **агонь** → *вогн-е-небяспеч-н-ы* → *вогне-небяспечн-а*, *вогне-небяспечн-асць*; **агонь** → *вогн-е-наклон-нік* → *вогне-наклон-ніц-а*, *вогне-наклон-ніц-к-і*; **агонь** → *вогн-е-трыва-л-ы* → *вогнетрывал-асць*; **агульны** → *агульн-а-даступны* → *агульна-даступн-асць*; *агульн-а-зразумелы* → *агульна-зразумел-асць*; **адзін** → *адн-а-асоб-н-ы* → *аднаасобн-а*, *аднаасобн-ік* → *аднаасобн-іц-а*, *аднаасобн-іц-к-і*; **вада** → *вод-а-правод* → *водаправод-чык*, *водаправод-н-ы*; **вада** → *вод-а-пранікаль-н-ы* → *водапранікальн-асць*; **гара** → *гор-н-ы* → *гарн-а-лыж-н-ы* → *гарналыжн-ік* → *гарналыжн-іц-а*; **іншы** → *інш-а-сказа-льн-ы* → *іншасказальн-а*, *іншасказальн-асць* і г.д.

2. У беларускай мове складаныя словы розных тыпаў і часцін мовы ўтвараюцца практычна ад слоў усіх знамянальных часцін мовы:

- назоўнікаў: **дансінг** → *дансінг-хол*, **дача** → *дач-а-ўладальнік*, **двор** → *адн-а-двор-ац*, **джаз** → *джаз-аркестр*, **дзяржава** → *дзяржав-а-знаў-ств-а*, **дом** → *дом-а-кіраўніцтва*, **дызель** → *дызель-электраход*;
- дзеясловаў: **будаваць** → *вагон-а-будаў-ніч-ы*, *дом-а-будава-анн-е*, (*гарэць* →) **загарэцца** → *сам-а-загарэцца*, (*дасканалы* → *унасканаліць* →) **удасканаліцца** → *сам-а-ўдасканаліцца*, **думаць** → *адн-а-дум-ец*, **губіць** → *душ-а-губ*, **хадзіць** → *дым-а-ход*, *мар-а-ход*, *мар-а-ход-н-ы*;
- прыметнікаў: **агульны** → *агульн-а-даступны*, *дакумент* (→ *дакументальны*) → *дакументальна-публіцыстычны*, (*дарога* →) **дарожны** → *дарожн-а-транспартны*, **дзікі** → *дзік-а-рос-л-ы*, **добры** → *добр-а-ахвотнік*, *добр-а-зычлівы*, *добр-а-сумленны*; **іншы** → *інш-а-вер-ац*, *інш-а-дум-ец*;
- займеннікаў: **сам** → *сам-а-адукацыя*, *сам-а-адчуванне*, *сам-а-ацэнка*, *сам-а-выхаванне*; **той** → *той-сёй*; **які** → *які-ніякі*;
- лічэбнікаў: **адзін** → *адн-а-курс-нік*, *адн-а-павярх-ов-ы*; **два** → *дв-ух-метр-ов-ы*, *дв-ух-сэнс-оўн-ы*; **дзесяць** → *дзе-*

- сяц-і-год-дз-е; **сем** → сям-і-знач-н-ы; **тры** → тр-ох-пака-ёв-ы; **трыццаць** → трыцаццаць-пят-ы;
- прыслоўяў: **дарма** → дармаед, **даўно** → даўным-даўно, **дзе** → дзе-нідзе.

3. Складаныя словы розных тыпаў уваходзяць у значную колькасць словаўтваральных гнёзд беларускай мовы. Так, паводле лексічнага корпуса арфаграфічнага Слоўніка беларускай мовы (Лукашанец, Русак 2012) з 472 словаўтваральных гнёзд на літару **Д** складаныя словы з першай часткай таксама на „д” прадстаўлены ў 63 гнёздах: **дакумент** (дакументальна-гістарычны, дакументальна-ігравы, дакументальна-мастацкі і інш.), **далёкі** (далёкаўсходні), **дарога** (дарожна-будаўнічы, дарожна-транспартны і інш.), **даўні** (даўномінулы), **дача** (дачаўладальнік), **два** (дваяборац, двукроп’е, двухгадзінны, двухгадовы, двухпавярховы, двухмоўе, дваццацігоддзе, дваццаціпяты і г.д.), **дзіця** (дзетдом, дзетпляцоўка, дзетараджэнне і інш.), **дзяржава** (дзяржбюджэт, дзяржавазнаўства, дзяржпрамысловасць, дзяржарбітраж, дзяржаўна-манапалістычны і інш.), **добры** (добраахвотны, добраахвотнік, добраахвотнасць, добрасумленны, добраўпарадкаваць, дабраволец, дабрадзеі, дабрачынец і інш.), **дом** (дамабудаванне, дамабудаўнік, дамабудаўнічы, дамабудаўніцтва, дамаўладальнік, дом-музей, дамаўласнік і г.д.), **драма** (драмгурток, драмгуртковец), **другі** (другагоднік, другакласнік, другарадны, другаарадны і інш.), **дрэва** (дрывасек, дрэваапрацоўка, дрэваапрацоўчы, дрэванасаджэнне і інш.), **душа** (душапрыказчык, душагуб, аднадушны), **дызель** (дызелебудаванне, дызель-матор, дызель-маторны, дызельавоз і інш.), **дыпламат** (дыпкорпус, дыпкур’ер) і г.д.

Колькасць словаўтваральных гнёзд са складанымі словамі на літару **Д** істотна павялічваецца за кошт гнёзд, у складзе якіх асновы на „д” з’яўляюцца не першымі кампанентамі складанага слова, напрыклад: **даступны** (агульнадаступны, агульнадаступнасць), **двор** (аднадворац, аднадворка), **дзень** (аднадзённы, аднадзёнка), **доля** (аднадольны, аднасемядольны), **драмаць** (напаўдрымота, нападрымотны), **думаць** (аднадумец, аднадумства, аднадумны, аднадумнасць), **дывізія** (артдывізіён), **дырэктар** (арт-дырэктар), **дэсант** (авіядэсант, авіядэсантнік, авіядэсантны) і інш.

Акрамя таго, некаторыя з 205 слоў на літару **Д**, якія з сінхроннага пункту гледжання класіфікуюцца як нематываныя і не маюць вытворных, па сутнасці, уяўляюць сабой складаныя лексічныя адзінкі, напрыклад: **дальтан-план**, **джыу-джытсу**, **дзюці-фры**, **дрэс-код** і інш.

4. Словаўтваральныя гнёзды са складанымі словамі ў сваім складзе могуць быць рознымі як па колькасці, так і па долі складаных слоў у агульнай структуры гнязда. Напрыклад, складаныя словы ўваходзяць у склад вельмі вялікіх па колькасці кампанентаў гнёзд: *далёкі* (22 складаныя словы з 60), *два* (234 з 302), *дзевяць* (16 з 25), *дзесяць* (39 з 54), *дзіця* (16 з 36), *дзяржава* (23 з 41), *добры* (85 з 140), *дом* (30 з 55), *доўгі* (56 з 106). Звычайна вяршынямі такіх гнёзд выступаюць уласнабеларускія агульнаўжывальныя і пашыраныя ў маўленні словы розных часцін мовы.

Выдзяляюцца гнёзды, якія складаюцца пераважна (ці нават выключна) толькі са складаных слоў. Напрыклад: *дайвінг* (усіх 3/складаных 2), *дансінг* (1/1), *джаз* (4/3), *джэм* (1/1), *дзеяслоў* (4/3), *драп* (1/1), *дызель* (11/8), *дынама* (11/11) і інш.

Дайвінг →	дайвер	Дансінг →	дансінг-хол	Джаз →	джазавы
	дайв-клуб				джаз-аркестр
	дайв-цэнтр				джаз-банд
					джазмен
Джэм →	джэм-сэйшн	Драп →	драп-велюр		
Дзеяслоў →	дзеяслоўны →		дзеяслоўна-іменны		
			дзеяслоўна-інфінітыўны		
			дзеяслоўна-трывальны		
Допінг →	антыдопінг →		антыдопінгавы		
	допінг-кантроль				
	допінг-проба				
Дызель →	дызеліст				
	дызельны →		дызельная		
	дызелебудаванне				
	дызелебудаўнічы				
	дызель-капар				
	дызель-матор →		дызель-маторны		
	дызель-электраход →		дызель-электраходны		

Як можна бачыць з прыведзеных вышэй прыкладаў, вяршынямі такіх словаўтваральных гнёзд часта з’яўляюцца іншамоўныя па паходжанні словы. Напрыклад, словаўтваральнае гняздо слова **інжынер** уключае 23 матываваныя словы. З іх толькі 6 слоў з’яўляюцца суфіксальнымі ўтварэннямі (*інжынерка, інжынерства, інжынерыя, інжынераў, інжынерскі, інжынерны*), а астатнія 17 – складанымі (*інжынер-адмірал, інжынер-віцэ-адмірал, інжынер-канструктар, інжынер-капітан, інжынер-капітан-лейтэнант, інжынер-контр-адмірал, інжынер-лейтэнант, інжынер-маёр, інжынер-механік, інжынерна-авіяцыйны, інжынерна-будаўнічы, інжынерна-тэхнічны, інжынерна-фізічны, інжынерна-эканамічны, інжынер-падпалкоўнік, інжынер-палкоўнік, інжынер-эканаміст*).

Асабліва актыўна папаўняюцца складанымі словамі словаўтваральныя гнёзды сучасных запазычанняў, пераважна англамоўнага паходжання. Так, словаўтваральнае гняздо **інтэрнэт** пададзеных Слоўніка беларускай мовы (2012) уключае ў свой склад адно суфіксальнае слова (*інтэрнэт-аўск-і*) і 26 складаных слоў, утвораных спосабам словаскладання з нулявым інтэрфіксам: *інтэрнэт-адрас, інтэрнэт-аператар, інтэрнэт-аўкцыён, інтэрнэт-банкінг, інтэрнэт-выданне, інтэрнэт-вяшчанне, інтэрнэт-залежнасць, інтэрнэт-кавярня, інтэрнэт-кампанія, інтэрнэт-канферэнцыя, інтэрнэт-карыстальнік, інтэрнэт-кафэ, інтэрнэт-клуб, інтэрнэт-крама, інтэрнэт-магазін, інтэрнэт-маркетынг, інтэрнэт-партал, інтэрнэт-паслуга, інтэрнэт-правайдэр, інтэрнэт-праект, інтэрнэт-рынак, інтэрнэт-рэклама, інтэрнэт-рэсурс, інтэрнэт-сайт, інтэрнэт-тэхналогія*. Паводле матэрыялаў Беларуска-рускага тлумачальнага слоўніка новых слоў і значэнняў слоў (Уласевіч, Даўгулевіч 2013) словаўтваральнае гняздо **інтэрнэт** у беларускай мове пашыраецца яшчэ на 49 адзінак, з якіх два словы з’яўляюцца суфіксальнымі (*інтэрнэтчык, інтэрнэтызацыя*), а астатнія 47 – складанымі словамі (*інтэрнэт-аненцтва, інтэрнэт-апытанне, інтэрнэт-аўдыторыя, інтэрнэт-бібліятэка, інтэрнэт-бізнес, інтэрнэт-версія, інтэрнэт-выстава, інтэрнэт-вянчанне, інтэрнэт-газета, інтэрнэт-галасаванне, інтэрнэт-гандаль, інтэрнэт-гульня, інтэрнэт-дзённік, інтэрнэт-доступ, інтэрнэт-дыплом, інтэрнэт-злучэнне, інтэрнэт-знаёмства, інтэрнэт-індустрыя, інтэрнэт-канал, інтэрнэт-карта, інтэрнэт-картка, інтэрнэт-картынг, інтэрнэт-клас, інтэрнэт-конкурс, інтэрнэт-лабараторыя, інтэрнэт-лекцыя, інтэрнэт-магістраль, інтэрнэт-махляр, інтэрнэт-махлярства, інтэрнэт-меламан, інтэрнэт-навігатар, інтэрнэт-перапіска, інтэрнэт-пірат, інтэрнэт-по-*

шукавік, інтэрнэт-праект, інтэрнэт-праатакол, інтэрнэт-прэмія, інтэрнэт-пэйджар, інтэрнэт-распродаж, інтэрнэт-станцыя, інтэрнэт-старонка, інтэрнэт-супольнасць, інтэрнэт-сустрэча, інтэрнэт-сэрвіс, інтэрнэт-трансляцыя, інтэрнэт-форум, інтэрнэт-часопіс).

Можна таксама гаварыць пра тэндэнцыю фарміравання словаўтваральных гнёзд з іншамоўнымі каранямі, якія не ўжываюцца ў беларускай мове як самастойныя лексічныя адзінкі, напрыклад: (**дэка-**) → *дэкалітр, дэкаметр, дэкаграм*; (**дэма-**) → *дэма-альбом, дэма-версія, дэма-запіс* і інш. Параўн. таксама: (**нарка-**) → *нарка-бізнес, нарка-гандаль, нарка-гандляр, нарка-грошы, нарка-кортэль, нарка-кур'ер* і г.д.;

5. Складаныя словы ў структуры словаўтваральных гнёзд могуць займаць рознае месца. Як правіла, яны знаходзяцца на першай ступені словаўтваральнага гнязда першага слова. Так, у словаўтваральным гняздзе **інтэрнэт** усе 73 складаныя словы знаходзяцца на першай ступені словаўтварэння, а само гняздо па сутнасці ўяўляе сабой словаўтваральную парадыгму. У словаўтваральным гняздзе **дакумент** усе 6 складаных слоў знаходзяцца на другой ступені словаўтварэння, аднак таксама ўяўляюць сабой словаўтваральную парадыгму матываванага прыметніка **дакументальны** першай ступені словаўтварэння:

Дакумент → дакумент-альн-ы → дакументальн-а-гістарычны
 дакументальн-а-ігравы
 дакументальн-а-мастацкі
 дакументальн-а-публіцыстычны
 дакументальн-а-хранікальны
 на-паў-дакументальны

Між тым, у большасці словаўтваральных гнёзд у беларускай мове складаныя паводле ўтварэння і структуры матываваныя словы могуць знаходзіцца на розных ступенях гнязда. Так, у словаўтваральным гняздзе **вада** з 119 складаных слоў з першай асновай **вад-/вод-** на першай ступені словаўтваральнага гнязда знаходзяцца 104 складаныя словы, на другой ступені – 13, на трэцяй – 1 і на чацвёртай – 1. Параўн.:

Вада → вад-а-боязь

вад-а-ём

вад-а-мер

вад-а-сховішча

вод-а-ахоў-н-ы

вод-а-ачыстка

вод-а-забеспячэнне

вод-а-карыстальнік

вод-а-награвальнік

вод-а-размеркавальнік

вод-а-струмен-н-ы

вод-а-ўстойлівы

і г.д.

водны → водн-а-маторны

водн-а-меліярацыйны

водн-а-сялявы

водн-а-спарт-ыўн-ы

водна-а спіртавы

водн-а-энергетычны

вадн-а-лыжнік

вадн-а-лыж-н-ы

вадн-а-транспарт-н-ы

вод-а-правод → водаправод-н-ы → водаправодн-а-каналі-
зацыйны

вад-к-і → вадк-а-крышталічны

вадк-а-крышталёвы

вадк-а-металічны

на-паў-вадкі

вадкасць → вадкас-н-ы → вадкасн-а-абразіўны

Словаўтваральнае гняздо **далёкі** ўключае ў свой склад 44 афіксальныя і 21 складанае словы, з якіх 3 утвораны на першай ступені словаўтварэння, 2 – на другой, 4 – на трэцяй, 9 – на чацвёртай. У сваю чаргу ад складаных слоў з першай асновай **дальн-** на трэцяй і чацвёртай ступенях словаўтваральнага гнязда ўтвараюцца афіксальныя (прэфіксальныя і суфіксальныя) адзінкі:

Далёкі →	далёк-а-зямел-л-е			
	далёк-а-струмен-н-ы			
	далёк-а-ўсход-н-і			
	далёк-а → далёка-далёка			
даль →	даль- -н-і →	дальн-а- -зоркі →	дальназорк-асць	
		дальн-а- -мёр →	дальнамер-шчык	
			дальнамер-н-ы	
даль →	даль- -н-і →	дальн-а- бач- -н-ы →	не-дальнаба- чны →	недальнабачн- асць 1
				недальна- бачн-а 1
			дальнаба- чн-а	
				недальна- бачн-а 2
			дальнаба- чн-асць →	не-дальна бачнасць 2
		дальн-а- бой- -н-ы →	не-дальна -бойны →	недальна- бойн-асць 1
			дальнабойн- асць →	не-дальна- бойнасць 2
			дальна- бой-шчык	
	дал-я- -гляд			

Як паказвае фактычны матэрыял, складаныя словы ў структуры словаўтваральнага гнязда ў беларускай мове маюць вельмі невысокую словаўтваральную актыўнасць: большая іх частка наогул не маюць вытворных (замыкаюць словаўтваральны ланцужок), ад іншых ўтвараюцца толькі адзінкавыя матываваныя словы. Так, з 119 складаных слоў у словаўтваральным гняздзе **вада** толькі 27 складаных слоў першай ступені словаўтварэння маюць вытворныя афіксальныя адзінкі: *вад-а-бой* → *вадабой-н-ы*, *вад-а-вод* → *вадавод-н-ы*, *вад-а-ём* → *вадаём-н-ы*, *вадаём-ішч-а*, *вад-а-ём-*

*іст-ы → вадаёміст-асць, вад-а-збор → вадазбор-нік, вадазбор-н-ы, вад-а-зліў → вадазліў-н-ы, вад-а-лаз → вадалаз-к-а, вадалаз-н-ы, вад-а-мер → вадамер-н-ы, вадамерш-чык, вад-а-мёт → вадамёт-н-ы, вад-а-нос → ваданос-к-а, вад-а-нос-н-ы → ваданосн-асць, вад-а-пой → вадапой-н-ы, вад-а-скід → вадаскід-н-ы, вад-а-спуск → вадаспуск-н-ы, вад-а-сцёк → вадасцёк-ав-ы, вод-а-адвод → водаадвод-н-ы, вод-а-адліў → водаадліў-н-ы, водаадліў-шчык, вод-а-забор → вод-а-заборны, вод-а-непранікальны → воданепранікальн-асць, вод-а-пад'ём → водапад'ём-нік, водапад'ём-н-ы, вод-а-падыманне → водападыма-льнік, водападыма-льн-ы, вод-а-падзел → водападзель-н-ы, вод-а-трывалы → водатрывал-асць, вод-а-ўстойлівы → водаўстойлів-асць. І толькі ў адным выпадку мы можам гаварыць пра словаўтваральны ланцужок складанага слова з кампанентам **вад-/вод-**: (вада →) вод-а-правод → водаправод-чык, водаправод-н-ы → водаправодн-а-каналізацыйны.*

Таксама ў словаўтваральным гняздзе **агульны** 51 складаны прыметнік з першай часткай **агульн-** (агульнаадукацыйны, агульнаармейскі, агульнавайсковы, агульнагарадскі, агульнадзяржаўны, агульнаеўрапейскі, агульнанародны, агульнаславянскі, агульнаначалавечы і інш.) мае нулявую вытворнасць. І толькі дзесяць складаных прыметнікаў з першай часткай **агульн-** утвараюць адну-дзве матываваныя адзінкі: агульна-а-бавязковы → агульнаабавязков-асць, агульн-а-вядомы → агульнавядом-а, агульнавядом-асць, агульнадаступны → агульнадаступн-асць, агульн-а-жыццё → агульнажыццё-в-ы, агульн-а-значны → агульназначн-асць, агульн-а-зразумелы → агульназразумел-асць, агульн-а-прызнаны → агульнапрызнан-асць, агульн-а-распаўсюджаны → агульнараспаўсюджан-асць, агульн-а-ўжывальны → агульнаўжывальн-асць.

Разам з тым у беларускай мове існуе значная колькасць словаўтваральных гнёзд, у якіх складаныя словы праяўляюць дастаткова высокую словаўтваральную прадуктыўнасць і фарміруюць у структуры гнязда ўласныя словаўтваральныя ланцужкі і словаўтваральныя парадыгмы.

6. Асаблівасцю складаных слоў слоў з'яўляецца тое, што яны разам са сваімі вытворнымі, якія могуць мець двайную матывацыю, адначасова ўключаюцца ў два (і больш) словаўтваральныя гнязды, хаця маюць аднолькавую словаўтваральную структуру і аднолькавую марфемную будову. Параўн.:

Далёкі і

даль
даль-н-і
дальн-а-бачны
дальнабачн-асць
не-дальнабачнасць 1
не-дальнабачны
недальнабачн-асць 2

Дзесяць і

дзесяц-і-клас-нік
дзесяціклас-ніц-а

Дзіця і

дзет-дом
дзетдом-авец
дзетдомаў-к-а

Добры і

добр-а-ўпарадкаваць
добраўпарадкоў-ва-ць
добраўпарадкоўвац-ца 1
добраўпарадкоў-ва-цца 2
добраўпарадкава-нн-е
добраўпарадкаваны
добраўпарадкаван-асць

Дом і

дом-а-ўладальнік
домаўладаль-ніц-а
домаўладальніц-к-і

Бачыць

бач-н-ы
дальн-а-бачны
дальнабачн-асць
не-дальнабачнасць 1
не-дальнабачны
недальнабачн-асць 2

Клас

дзесяц-і-клас-нік
дзесяціклас-ніц-а

Дом

дзет-дом
дзетдом-авец
дзетдомаў-к-а

Парадак

парадк-ава-ць
у-парадкаваць
добр-а-ўпарадкаваць
добраўпарадкоў-ва-ць
добраўпарадкоўвац-ца 1
добраўпарадкоў-ва-цца 2
добраўпарадкава-нн-е
добраўпарадкаваны
добраўпарадкаван-асць

Уладаць

улада-льнік
дом-а-ўладальнік
домаўладаль-ніц-а
домаўладальніц-кі

Як можна бачыць з прыведзеных вышэй прыкладаў, адны і тыя ж складаныя словы і іх вытворныя ў розных гнёздах могуць знаходзіцца на розных ступенях словаўтварэння, хаця маюць адну і тую ж словаўтваральную структуру. Параўн. таксама: **інтэрнэт** → *інтэрнэт-аненцтва* (1-я ст.) і **агент** → *агенцтва* → *інтэрнэт-аненцтва* (2-я ст.); **інтэрнэт** → *інтэрнэт-кавярня* (1-я ст.) і **кава** → *кавярня* → **інтэрнэт-кавярня** (2-я ст.); **інтэрнэт** → *інтэрнэт-распродаж* (1-я ст.) і **прадаць** → *распрадаць* → *распродаж* → *інтэрнэт-распродаж* (3-я ст.); **інтэрнэт** → *інтэрнэт-апытанне* (1-я ст.) і **пытаць** → *апытаць* → *апытанне* → *інтэрнэт-апытанне* (3-я ст.); **інтэрнэт** → *інтэрнэт-галасаванне* (1-я ст.) і

голас → *галасаваць* → *галасаванне* → *інтэрнэт-галасаванне* (3-я ст.), **інтэрнэт** → *інтэрнэт-карыстальнік* (1-я ст.) і **карыстаць** → *карыстацца* → *карыстальнік* → *інтэрнэт-карыстальнік* (3-я ст.); **інтэрнэт** → *інтэрнэт-распродаж* (1-я ст.) і **прадаць** → *распрадаць* → *распродаж* → *інтэрнэт-распродаж* (3-я ст.) і інш.

Такім чынам, два розныя гнязды, вяршынямі якіх з’яўляюцца словы – кампаненты складаных слоў, маюць у сваёй структуры абсалютна ідэнтычныя блокі.

III. Замест заключэння

Разгледжаны ў артыкуле матэрыял дазваляе сцвярджаць, што складаныя словы розных тыпаў складаюць значны пласт матываванай лексікі сучаснай беларускай мовы, які пастаянна папаўняецца. Складаныя словы выступаюць неад’емным і абавязковым кампанентам словаўтваральных гнёзд, аднак сам працэс іх уключэння ў адпаведныя гнёзды мае сваю спецыфіку.

У сувязі з гэтым заканамернай уяўляецца пастаноўка пытанняў: Наколькі мэтазгодна дубліраванне аднолькавых па структуры і складзе блокаў складаных слоў у розных словаўтваральных гнёздах? Ці не з’яўляецца апраўданым і мэтазгодным з прагматычнага і практычнага пункту гледжання пакідаць гэтыя блокі толькі ў адным словаўтваральным гняздзе з вяршыняй – першай часткай складанага слова? Ці павінны паслядоўна ўключацца ў словаўтваральныя гнёзды ініцыяльныя абрэвіятуры? Ці магчыма выдзяляць складаныя словы і вытворныя ад іх афіксальныя адзінкі ў асобныя словаўтваральныя гнёзды з вяршыняй – першым словам складанага слова? Гэтыя і іншыя пытанні, на наш погляд, з’яўляюцца вельмі важнымі і актуальнымі як для тэорыі словаўтваральных гнёзд, так і для практыкі падрыхтоўкі гнездавых словаўтваральных слоўнікаў і таму патрабуюць сур’ёзнага навуковага абмеркавання і дадатковай аргументацыі.

ЦЫТАВАНАЯ ЛІТАРАТУРА

- Клименко Н. Ф. *Абревіатура*. У: Украінська мова. Енциклопедія. Редкол. Тараненко О. О. та ін. 3-е вид. Київ: Вид-во “Укр. енцикл.” ім. М. П. Бажана, 2007а. – С. 7.
- Клименко Н. Ф. *Складне слово*. У: Украінська мова. Енциклопедія. Редкол. Тараненко О. О. та ін. 3-е вид. Київ: Вид-во “Укр. енцикл.” ім. М. П. Бажана, 2007б. – С. 625.

- Лопатин В. В. *Аббревиатура*. У: Русский язык: Энциклопедия. Ред. Караулов Ю. Н. Москва: Научное издательство "Большая Российская энциклопедия", 2003а. С. 9–10.
- Лопатин В. В. *Сложносоставные слова*. У: Русский язык: Энциклопедия. Ред. Караулов Ю. Н. Москва: Научное издательство "Большая Российская энциклопедия", 2003б. – С. 516.
- Лопатин В. В., Улукханов, И. С. *Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка*. Москва: Издательский центр "Азбуковник", 2016.
- Лукашанец А. А. *Адзінкі словаўтварэння*. У: Беларуская мова: Энцыклапедыя. Рэд. Міхневіч А. Я. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 1994а. С. 14–15.
- Лукашанец А. А. *Словаўтварэнне і граматыка*. Мінск: Права і эканоміка, 2001.
- Улукханов И. С. *Сложное слово*. У: Русский язык: Энциклопедия. Ред. Караулов Ю. Н. Москва: Научное издательство "Большая Российская энциклопедия", 2003. С. 514–515.
- ШАКУН Л. М. *Словаўтварэнне*. Мінск: Вышэйшая школа, 1978.

Крыніцы

- Лукашанец А. А., Русак В. П. (рэд.). *Слоўнік беларускай мовы*. Мінск: Беларуская навука 2012
- УЛАСЕВІЧ В. І., ДАЎГУЛЕВІЧ Н. М. *Беларуска-рускі тлумачальны слоўнік новых слоў і новых значэнняў*. Мінск: Аверсэв, 2013.

Alexandr Lukashanets

COMPOUND WORDS IN A WORD-FORMATION NEST: TOWARDS THE PROBLEM OF INTRA-NEST AND INTER-NEST INTERACTION AND INTERSECTION

Summary

The article examines the place and specifics of the inclusion of complex words in word-formation nests using the material of the modern Belarusian language. In particular, it is noted that word-formation nests include in their composition practically all structural types of lexical units that are complex in their method of formation and morphemic structure: compound words

(інтэрнэт-магазін, выстайка-продаж), word base compounds (граз-е-лячэбніца, горн-а-металургічны, сам-а-ацэнка), fusion (вечна/зялёны, густа/населены), abbreviations of all types (аграбізнес, сісадмін, ВНУ etc), suffix-compound words (высак-а-гор-н-ы, пяц-і-курс-нік), prefix-compound words (на-паў-галодны, на-паў-прытомны), prefix-suffix-compound words (на-паў-голас-а, на-паў-дароз-е), as well as words formed from compound words (агульн-а-даступны → агульнадаступн-асць, гарн-а-лыж-н-ы → гарналыжн-ік → гарналыжн-іц-а). It is also noted that in the Belarusian language, compound words of different parts of speech are formed from words of almost all parts of speech..

The article shows, using specific examples, that compound words are represented in a significant part of word-formation nests (for example, in 63 out of 476 nests on the letter **Д**) and can make up the majority of units in a word-formation nest: for example, in the nest (234 words out of 302), **дом** (30 out of 55), **добры** (85 out of 140).

In a word-formation nest, compound words can be at different stages of word formation: 1st (**адзін** → адн-а-клас-нік, дом → дом-а-будаўнік, інжынер-канструктар, інтэрнэт-праект), 2nd (**дакумент** → дакумент-альн-ы → дакументальн-а-гістарычны), 3rd (**далёкі** → даль → даль-н-і → дальн-а-бач-н-ы) etc. A feature of compound words and their derivatives is that they are included in parallel in two or more word-formation nests and form practically identical blocks in them.

The considered features of the inclusion of complex words in word-formation nests touch upon important and relevant issues for the theory of word-formation nests and the practice of compiling nest word-formation dictionaries, requiring deep analysis and understanding.

Key words: compound word, word-formation nest, word-formation chain, method of word-formation, stage of word-formation.

MAGDALENA PASTUCH*
Uniwersytet Śląski w Katowicach
Wydział Humanistyczny
Instytut Językoznawstwa

GNIAZDA SŁOWOTWÓRCZE DAWNYCH ZAPOŻYCZEŃ ŁACIŃSKICH W JĘZYKU POLSKIM

Przedmiotem artykułu jest aktywność słowotwórcza oraz zmienność semantyczna najstarszych zapożyczeń łacińskich w polszczyźnie. Analiza została przeprowadzona na przykładzie jednostek: *natura*, *pasja* i *afekt*. Zbadano następujące aspekty funkcjonowania zapożyczenia w polszczyźnie: odpowiedniość pomiędzy znaczeniem w języku-dawcy a wartością w języku-biorcy, stałość i zmienność wartości semantycznej w polszczyźnie, wpływ aktywności centrum gniazda na przekształcenia semantyczne i stabilność zapożyczenia. Z przeglądu materiału wynika, że dawne zapożyczenia łacińskie wchodzą do polszczyzny zwykle jako wyrazy monosemiczne, natomiast w trakcie rozwoju nabywają nowych znaczeń. Najbardziej trwałym elementem okazała się w badanych jednostkach dominanta znaczenia łacińskiego. Diachroniczny ogląd zaświadczył, że w kolejnych okresach obecności wyrazu w polszczyźnie wpływ na znaczenie mają także inne języki, dla których łacina również była językiem-dawcą. Wyekscerpowane z materiału wyrazy pochodne są obrazem rzeczywistych w danym okresie gniazd słowotwórczych. Ich obszerność wynika z aktywności wyrazu centrum oraz odzwierciedla stopień stabilizacji zapożyczenia w polszczyźnie. Proponowane podejście łączy analizę gniazdową kontynuującą tradycję ukraińskiej szkoły słowotwórczej z metodą historycznosemantyczną opartą na analizie użyć tekstowych. Materiał badawczy pochodzi ze słowników i korpusów dokumentujących dawną polszczyznę.

Słowa kluczowe: historia języka polskiego, zapożyczenia łacińskie, gniazda słowotwórcze, semantyka historyczna.

1. Wprowadzenie

Zapożyczenia łacińskie¹ stanowią w językach indoeuropejskich znaczącą część słownictwa, co jest wynikiem statusu łaciny w czasach,

*magdalena.pastuch@us.edu.pl, ORCID: 0000-0001-6960-7191

¹ W wielu przypadkach są to tzw. zapożyczenia greko-łacińskie, co oznacza, że pierwszym źródłem była greka, ale źródłem bezpośrednim łacina. O ustalaniu bezpo-

kiedy kształtowały się europejskie wspólnoty narodowe (zob. Axer 2004). Jeśli ograniczymy się do słowiańszczyzny, to szczególna uwaga należy się językom zachodniosłowiańskim, które przyjęły chrześcijaństwo w obrządku rzymsko-katolickim., którego językiem była łacina. Nie oznacza to jednak, że adaptacja łacińskich zapożyczeń – semantyczna i morfologiczna – w językach wernakularnych przebiegała w tym samym czasie i według tego samego modelu. Także pod względem ilościowym daje się zaobserwować znaczne rozbieżności między poszczególnymi językami zachodniosłowiańskimi (Siatkowska 1989). Polszczyzna przejęła najwięcej wyrazów łacińskich w okresie średniowiecza i renesansu, co w periodyzacji lingwistycznej przekłada się na szeroko rozumianą dobę staropolską (Walczak 2006).

W niniejszym tekście prześledzę losy kilku wybranych zapożyczeń obecnych w polskim zasobie leksykalnym już od staropolszczyzny, aby na ich przykładach pokazać zarówno relacje semantyczne pomiędzy łacińskim źródłosłowem a jego polskim odpowiednikiem, jak i zależności między aktywnością słowotwórczą zapożyczenia a jego stabilnością w języku.

Wpływy łaciny na polszczyznę są w polskim językoznawstwie obszernie opisane (Lenartowicz-Zagrodna 2014 – tam przegląd polskiej literatury na ten temat). Autorzy tych opracowań koncentrują się bądź na charakterystyce morfologicznej (np. Moszyńska 1976) bądź semantycznej (np. Pawelec 2006). Wydaje się, że analizy łączące obie perspektywy oglądu – a takie proponuję w przedstawianym tekście² – mogłyby poszerzyć wiedzę zarówno o miejscu pożyczek łacińskich w polskim systemie słowotwórczym, jak i o ich rozwoju semantycznym. Wędrówki łacińskich rdzeni w językach słowiańskich, ich adaptacja i przemiany w systemie języka-biorcy, a przede wszystkim wariantowość semantyczna, to frapujące zagadnienie dla historyka języka. Należy dodać, że badanie dynamiki polskich gniazd słowotwórczych, których centrum stanowią leksemy o proveniencji łacińskiej, jest istotne także dla badań konfrontatywnych w obrębie językoznawstwa slawistycznego. Przeprowadzone przeze mnie analizy trzech łacińskich rdzeni zachowanych w polskich słowach *natura*, *pasja* i *afekt* traktuję jako wstęp do szerzej zakrojonych badań. Dopiero po ich przeprowadzeniu będzie można wysnuć wnioski ogólne, natomiast te

średniości zapożyczenia oraz zasadności i potrzebie stosowania terminów *grecozizm* i *latynizm* zob. (German 2022).

² Nacisk położony jest na gniazdową analizę słowotwórczą, nie zajmuję się drugim wymiarem morfologii, to znaczy fleksją.

przedstawione w podsumowaniu artykułu mają charakter szczegółowy, odnoszą się tylko do analizowanego materiału.

Współczesne badania nad zapożyczeniami powinny być prowadzone z uwzględnieniem wielu czynników: strukturalnych (adaptacja morfologiczna; dynamika słowotwórcza), semantycznych (relacja znaczeniowa zapożyczenia do wartości semantycznej etymonu, zmienność znaczeniowa zapożyczenia na gruncie języka-biorcy), socjolingwistycznych (rola zmiennych socjolingwistycznych w stabilizacji i rozpowszechnianiu pożyczki) i pragmalingwistycznych (typ kontaktu i sytuacja komunikacyjna, w jakich używane jest zapożyczenie). Tak kompleksowy ogląd zapożyczeń wymaga prac analitycznych o charakterze częściowym. Należy w tym kontekście przywołać propozycję Agaty Kwaśnickiej-Janowicz przedstawioną w artykule „Słowotwórstwo gniazdowe na usługach diachronii – w poszukiwaniu efektywnej metody badań zapożyczeń leksykalnych” (Kwaśnicka-Janowicz 2022). Autorka analizuje przejęte z łaciny do polszczyzny drogą bezpośrednią i pośrednią, a następnie w różny sposób adaptowane formy *magister*, *mistrz*, *majster*, *maestro*, *metr*, *mister* i *master*. Istotnym elementem dociekań są tutaj czynniki natury systemowej (dynamika gniazda słowotwórczego), jednakże sygnalizuje się także konieczność uwzględnienia perspektywy funkcjonalnej, która musi odwoływać się do uwarunkowań zewnątrzjęzykowych. Potwierdzeniem tej konieczności są przeprowadzone przez Timofeewą (2017) i przywoływane przez Kwaśnicką-Janowicz analizy łacińskich zapożyczeń w języku staroangielskim (*gospels*, *martyrs* i *teachers*). Okazuje się bowiem, że otoczenie i warunki społeczne mają duży wpływ na stabilizację i funkcjonowanie zapożyczenia w języku wernakularnym. Trzeba jednak pamiętać, że te faktory są ściśle powiązane z sytuacją językową i należy je opisywać w odniesieniu do danego obszaru językowego w określonym przedziale czasowym.

Tak jak wspomniałam wcześniej, prezentuję pierwszy etap prac nad żywotnością i produktywnością łacińskich rdzeni w polszczyźnie, który dotyczy ich aktywności ocenianej z perspektywy metody gniazdowej. Kolejne etapy powinny uwzględniać otoczenie pozajęzykowe oraz czynniki socjo- i pragmalingwistyczne. Najbardziej oczywistą hipotezą jest zatem stwierdzenie, że rdzenie łacińskie są w polszczyźnie żywotne i produktywne, to znaczy podlegają, podobnie jak słownictwo rodzime, zmianom semantycznym oraz są aktywne słowotwórczo, tworząc wieloelementowe gniazda. Potwierdzenie takiej hipotezy może dokonać się tylko w ujęciu diachronicznym i taką perspektywę

przyjmuję. Dodatkowo, konstatacja ta wymaga wskazania związków przemian semantycznych ze słowotwórczymi.

2. Metoda analizy

Do analiz podporządkowanych przedstawionym założeniom wybrałam trzy łacińskie rdzenie zachowane w polskich słowach *natura* (łac. *náturá* (natura, -ae), *pasja* (łac. *passiô*, -*ônis*) i *afekt* (łac. *affectiô*, -*ônis*), które stały się podstawą polskich wyrazów i rodzin wyrazów związanych z psychiczną i emocjonalną stroną człowieczej egzystencji. W klasyfikacji tematycznej WSJP PAN³ wszystkie one przynależą do pól tematycznych, których nadrzędnym pojęciem jest CZŁOWIEK (*człowiek i przyroda; człowiek jako istota psychiczna; człowiek w społeczeństwie*)⁴. Wybór został dokonany ze względu na względną neutralność tych rdzeni, co zwalnia z konieczności osadzania analiz w konkretnym typie tekstów czy, patrząc z szerszej perspektywy, w konkretnym dyskursie. Prezentowane analizy mają charakter tylko lingwistyczny – interpretację szerszą – psychologiczną czy kulturoznawczą pozostawiam specjalistom. Tak zorientowane badania można wykorzystać do różnych celów – ja skupiam się na kwestiach semantycznych, szczególnie tych, które powiązane są z aktywnością słowotwórczą. Istotne będzie zatem prześledzenie relacji semantycznych pomiędzy rdzeniem jako głównym nośnikiem znaczenia leksykalnego w języku-dawcy a współczesną wartością tego samego rdzenia w polszczyźnie. Takie podejście wyraźnie odwołuje się do wschodniosłowiańskich badań gniazdowych, w których podkreśla się różnicę pomiędzy gniazdem słowotwórczym a rdzennym. W tym drugim ważne są, jak pisze Eugenia Karpłowska:

(...) wyłącznie stosunki wzajemnej korelacji według wspólnego rdzenia, ale bez dalszej strukturyzacji, realizowanej w wielostopniowej strukturze słowiańskich gniazd słowotwórczych. Gniazda rdzenne tworzą wyrazy o wspólnym rdzeniu, które straciły swoją podstawową jednostkę wyjściową, albo też zapożyczenia, wywodzące się ze wspólnego etymonu (...) (Karpłowska 2007: 29).

³ Wykaz źródeł i objaśnienia stosowanych skrótów znajdują się na końcu artykułu w sekcji Źródła.

⁴ Odwołuję się do klasyfikacji tematycznej, która jest integralnym elementem artykułu słownikowego w WSJP PAN. Zasady klasyfikacji zostały opisane przez Barbarę Batko-Tokarz (2018).

Przyjęcie tej koncepcji pozwala na sformułowanie następujących pytań badawczych:

1. jaka była odpowiedniość pomiędzy znaczeniem rdzenia w języku-dawcy a znaczeniem w języku-biorcy w momencie (czasie) zapożyczenia?
2. które wartości semantyczne utrwaliły się, a które osłabły w trakcie trwania pożyczki w polszczyźnie?⁵
3. w jaki sposób aktywność centrum gniazda⁶ wpłynęła/wpływa na zmiany semantyczne?

Pytania badawcze zawsze determinują wybór postępowania badawczego – zdecydowałam zatem, że posłużę się często stosowaną metodą semantyki historycznej, czyli filologiczną analizą opartą na materiale słownikowym i tekstowym oraz słowotwórczą analizą gniazdową – w moim przypadku, jak pisałam wyżej – jest to wersja bliższa proponowanej przez badaczy ukraińskich (Карпіловська 2002; Черниш 2003; Ковалик 2007) niż polskiej synchronicznej szkole słowotwórstwa gniazdowego (Skarżyński red. 2003).

Pierwsza ze wskazanych metod odwołuje się do materiału leksykograficznego, przy czym należy podkreślić, że podane w słownikach definicje nie są utożsamiane ze znaczeniem, a analizie podlega przede wszystkim zgromadzony materiał ilustracyjny. Na jego podstawie ustaliam znaczenie konfrontując je z ustaleniami leksykografów. Jest to podejście zgodne z postulowanym przez Piotra Żmigrodzkiego (Żmigrodzki 2005) traktowaniem słowników diachronicznych jako swego rodzaju korpusów językowych. Jak wiadomo, porównywanie definicji słownikowych nie jest działaniem uprawnionym metodycznie – ich kształt, a nawet liczba wyodrębnionych znaczeń zależą bowiem od przyjętych zasad metaleksykograficznych. Podstawą moich obserwacji uczyniłam więc poświadczenia tekstowe.

Dynamiczny rozwój polskiej lingwistyki korpusowej, także w wydaniu diachronicznym, umożliwia celowany (za pomocą wyszukiwarek) dostęp do danych tekstowych. Wpisanie stosownego zapytania pozwala na odnalezienie nie tylko wyrazu centrum, ale także wszystkich jednostek pochodnych. Istotne jest przede wszystkim to, że materiał korpusowy odsyła do konkretnych użyc i pozwala określić

⁵ Na kolejnych etapach analizy należałoby zastanowić się, jakie były przyczyny zaniku niektórych znaczeń obecnych w języku-dawcy, a jakie wsparły pojawienie się znaczeń innowacyjnych.

⁶ W terminologii słowotwórczej używa się tu wymiennie określeń *wierzchołek gniazda* i *centrum*.

częstość wystąpień danych form. Takie podejście jest zgodne z założeniem, że historyk języka bada tylko wystąpienia tekstowe, nie odnosi się zaś do wyidealizowanego obrazu systemu. W przypadku analizowanych przeze mnie rdzeni postępowanie musi być nieco inne niż to, które przeprowadza się, kiedy analizujemy rdzenie prasłowiańskie (Jakubowicz 2010: 35–59). Wydaje się, że najlepszym rozwiązaniem jest tu zastosowanie metody, którą Krystyna Kleszczowa nazywa „perspektywiczną ewolucją” (Kleszczowa 2003:10). Polega ona na zestawieniu i porównaniu dwóch stanów (w moim przypadku dwóch znaczeń) z najbardziej odległych od siebie płaszczyzn. Pozwala to dostrzeżenie głównych kierunków przeobrażeń, pozwala na uogólnienia, czasami nawet syntezy (Kleszczowa 2012: 9).

Drugą z wybranych metod zmierzających do opisu sposobów „odbicia świata w języku etnicznym”⁷ jest gniazdo pokazujące organizację słownictwa. To podejście zakłada, że „rdzeń jest nie tylko najważniejszą częścią wyrazu, ale też nosicielem pewnego ogólnego pojęcia” (Karpłowska 2007: 28). Gniazdo rozumiane jest tutaj nie jako ustrukturyzowany zespół wyrazów połączonych formalnie i semantycznie, ale jako grupa jednostek opartych na wspólnym rdzeniu, nawet jeśli w obrębie tej grupy więzi semantyczne zostały rozluźnione czy wręcz zerwane. Semantyczna deetymologizacja nie jest w przypadku takich gniazd powodem rozpadu gniazda, inaczej niż w ujęciu synchronicznym.

Zgodnie z przyjętymi zasadami analizy historycznosemantycznej przedstawię podstawę zapożyczenia, czyli znaczenia łacińskie, następnie wskażę znaczenia przechowane w polskich źródłach leksykograficznych: Słowniku staropolskim (Sstp) i Słowniku polszczyzny XVI wieku (SXVI) i odniosę się do współczesnej polszczyzny. Oczywiście wspierając będą się odwoływać także do tekstów z innych epok.

Ogląd wybranych haseł pokazał, że zapożyczenia łacińskie w polszczyźnie realizują różne modele rozwoju semantycznego i nie można wskazać ani jednoznacznej ścieżki, którą te rdzenie trafiły do polszczyzny, ani miejsca, jakie zajęły w zbiorze polskich wyrazów; nie można też zagwarantować, że miejsca, które mają we współczesności, jest stałe.

⁷ W badaniach lingwistów ukraińskich omawianych w przywoływanym artykule Eugenii Karpłowskiej pojawia się takie sformułowanie.

3. Rezultaty – podstawowe ustalenia

W wybranych do analizy jednostkach wyróżniamy następujące rdzenie: NATUR-, PASJ-, AFEKT-/AFEKC-. Przypomnieć należy rozstrzygnięcia Moszyńskiej, która odnalazła te pożyczki w staropolszczyźnie – jest to tzw. druga część doby staropolskiej, do której włącza się także polszczyznę XVI wieku – i opisała pod względem morfologicznym ich łacińskie źródła. Zgodnie z założeniami tej pracy są to zapożyczenia bezpośrednie (Moszyńska 1975: 6), niewykazujące morfologicznych śladów obecności języków pośredniczących.

Natura pochodzi od łacińskiego rzeczownika *nâtûra*, *ae*, który, jak podaje słownik łacińsko-polski (Słp), jest wieloznaczny – leksykograf wyodrębnia 8 jego znaczeń zgrupowanych w trzech blokach⁸. Polskie odpowiedniki to przede wszystkim rodzime formacje oparte na rdzeniu *rod(z)-*: *urodzenie*, *przyrodzenie*, *przyroda*. Na podstawie tych danych można wskazać, że głównym sensem jest odniesienie do zjawisk przyrody, cech wrodzonych, właściwości charakterystycznych i znamiennych. Pod względem formalnym jest to substantywizowany imiesłów czasu przyszłego (part. fut. act.) lub abstraktum utworzone za pomocą sufiksu *-ura* od imiesłówów przeszłych biernych (part. perf. pass.). Na podstawie formy często trudno rozstrzygnąć, o które participium chodzi (Moszyńska 1975: 21).

Przyjęte założenie każe przyrzeć się przede wszystkim znaczeniom wycofanym i nowym, bo to one są miernikiem z jednej strony stabilności, z drugiej zaś dynamiki języka. W staropolszczyźnie rozumianej zgodnie z ramami czasowymi Słownika staropolskiego (Sstp), czyli do roku 1500, udokumentowane są następujące znaczenia: 1. ze-spół cech wrodzonych, właściwości istotnych, usposobienie, charakter, *natura hominis*; 2. 'przyroda, świat, natura, mundus'; ~o zwierzętach. W artykule hasłowym odnotowano tylko 4 poświadczenia, w których *natura* występuje w kontekście polskim, natomiast wyszukiwarka Słownika pojęciowego języka staropolskiego podaje blisko 30 wystąpień *natury* w tekstach źródłowych Sstp. Wszystkie te wystąpienia odnaleziono w tekstach polsko-łacińskich. Rozmyślnie używam tego określenia, ponieważ XXI-wieczne badania dwujęzyczności polsko-łacińskiej przewartościowały myślenie o tekstach, które wymykają się prostemu podziałowi na teksty polskie i łacińskie. Jak pisze Do-

⁸ Wstęp do słownika Plezi nie podaje zasad wyodrębniania grup semantycznych; autor pisze jedynie, że" (...) jeśli idzie o budowę wewnętrzną artykułów, tj. analizę znaczeniową poszczególnych wyrazów, to kierowano się zdaniem własnym autorów poszczególnych partii Słownika (...)" (Słp 2007: XXXVI).

rota Maślej, przywołując światowe badania nad dwujęzycznością, nie zawsze możliwe (i konieczne) jest rozstrzygnięcie, „(...) kiedy mamy do czynienia z przełączaniem kodu, a kiedy z zapożyczeniem, co mówi zmiana kodów językowych o społeczności, dlaczego dana jednostka wybiera dany kod językowy w określonym kontekście, wreszcie – gdzie leżą granice między dwoma językami” (Maślej 2023: 357). Proporcja wystąpień *natury* w kontekstach polskich do liczby wystąpień w kontekstach polsko-łacińskich oraz brak derywatów opartych na tym rdzeniu jednoznacznie potwierdzają, że był to bardzo wstępny etap obecności łacińskiego rdzenia w polszczyźnie. Można by nawet powiedzieć, że mamy do czynienia z tworem będącym na granicy zapożyczenia i łacińskiego wtrętu. (Axeerowa 2004).

Inaczej natomiast jest polszczyźnie XVI-wiecznej. Wyszukiwanie w załączkowym korpusie⁹ daje 108 przykładów wystąpień tego zapożyczenia i w wielu z nich pojawiają się formy przypadków zależnych, co jest dowodem na dokonaną już morfologiczną adaptację zapożyczenia. Pod względem semantycznym nie można jednak mówić o pełnej odpowiedniości pomiędzy łaciną i polszczyzną. Zabrakło, nieobecnego i dziś, znaczenia odnotowanego w łacinie: ‘narządy płciowe męskie lub żeńskie (u ludzi i zwierząt)’. Być może jego refleksem jest XVI-wieczne określenie *naturą* nasienia męskiego, poświadczane takimi użyciami:

- (1) Ktoemu natura często odchodzi (SXVI, Murm 70)
- (2) [Onan] nature swy na ziemię wypuszczał [semen fundebat in terram] a nie w wssąd żony swej (SXVI, TomZBrudzBrul Gen 38/9)

I choć teksty barokowe (KorBa) również go nie potwierdzają, to Słownik Lindego (L) notuje w haśle *natura* połączenie *nasienie męskie*, choć nie poświadczą go żadnym cytatem. Nie zostało też przejęte z łaciny (a przynajmniej nie potwierdzają tego teksty) znaczenie ‘urodzenie’ realizujące się w użyciu *z natury tyś mu ojcem (...)* (*natura tu illi pater es ...*) (Słp) Ten element znaczeniowy utrwalił się w rodzimym rdzeniu *-rodz-* (*urodzenie*).

Jeśli zaś chodzi o znaczenia wykształcone już na gruncie polskim – być może pod wpływem języków, które także zapożyczyły łacińską *naturę* (np. francuskiego), i które wpływały na zasób leksykalny polszczyzny, to należy przytoczyć to, które odnosi się do stanu pierwot-

⁹ Korpus dostępny jest na stronie SXVI w zakładce „korpus załączkowy”.

nego, nie skażonego cywilizacją. Pojawia się ono dopiero w tekstach XIX-wiecznych i trwa do dziś:

- (3) Z każdym krokiem cywilizacji oddalamy się od natury. Nie chcę przez to powiedzieć, aby stan rodu ludzkiego tym sposobem się pogorszał, i owszem przeciwnie, wszakże jabłko szczepione lepsze jest niż dzika dębniarka (F19, 1834)
- (4) Występując przeciwko despotyzmowi i uciskowi, Rousseau głosił utopijną ideę powrotu do natury (SDor, Lib, Lit. IX, 236).
- (5) Ostatnio wiele mówi się o ekologii, o powrocie do natury. Uzmysławiamy sobie, jak wielkim zagrożeniem staje się dla nas cywilizacja. (NKJP za WSJP PAN)

Co prawda w łacińskim gnieździe morfologicznym mamy *naturalis* ‘naturalny, od natury pochodzący’, ale fakt, że znaczenie to pojawiło się późno, wyklucza bezpośrednią pochodność z łaciny.

Osobnym tematem jest fundowanie na derywatach zawierających łaciński rdzeń metatekstowej warstwy języka. Omawiany rdzeń obecny jest w przysłówku metapredykatwnym *naturalnie* (por. *Ona odżywia się naturalnie* vs. *Naturalnie dzisiaj go nie było*). Omówione zostały one w monografii „W głąb specjalizacji znaczeń. Przysłówkowe metapredykaty atestacyjne” (Danielewiczowa 2012). Badania diachroniczne dowiodły, że proces wykształcania się znaczenia metatekstowego odbył się na gruncie polszczyzny zdecydowanie później (Pastuch 2020). Badacze współczesnej polszczyzny wyróżniają pięć odrębnych gniazd opartych na tym rdzeniu (SGSWJP: 922–923).

3.2 Kolejna z badanych jednostek to *pasja* wywodząca się z łacińskiego *passiō, ōnis*. W dobie staropolskiej odnotowano postać *passyja*. W przypadku tego typu zapożyczeń podwójne s albo się utrzymywało (np. *komissyja, transgressyja, secessyja*) albo zachodziło uproszczenie (np. *awersyja, pensyja, kompleksyja*) (Moszyńska 1975: 69).

Staropolszczyzna przejęła łaciński wyraz z jednym tylko znaczeniem ‘*historia męki Chrystusa, Passionis Christi historia*’, a Sstp poświadcza pojedyncze użycie:

- (6) Godzinki o męce bożej, w których się zamyka wszytka pasja (Sstp, ca 1500)

Nie ma w średniowiecznej polszczyźnie znaczenia, które w łacinie klasycznej sytuowane było jako drugie (Słp,) ‘gwałtowne uczucie, namiętność, żądza’ – współczesna polszczyzna zaś odwołuje się do tej wartości semantycznej, choć przeważają konteksty negatywne. Źródła

leksykograficzne (USJP, WSJP PAN) podają, że *pasja* odnosi się tylko do uczuć negatywnych:

- (7) Nagle przestałam się bać i ogarnęła mnie taka pasja – nie, nie strach, ale wściekłość, wściekły żal i gniew. (NKJP za WSJP PAN),

ale w korpusach współczesnej polszczyzny odnaleźć można kolokacje wskazujące na odniesienie *pasji* do namiętności pozytywnych:

- (8) Reszta była przelotnym zatrudnieniem ciała, niekiedy żarliwym, jak jego miłosne pasje, lecz nietrwałym. (KWJP, Marek Bieńczyk, 2018)

Podobnie jak w staropolszczyźnie, religijne konteksty dominują także w XVI wieku, choć mamy jedno poświadczenie z *Kroniki Bielskiego*, które można interpretować jako kontynuację łacińskiego ‘cierpienie, choroby’:

- (9) Muchy go ukąsały / chłopi uszarpali / owa miał swą passią (SXVI, BielKron 1597/711)

Można by zatem uznać, że mamy do czynienia z kontynuacją znaczenia obecnego w łacinie pisarzy chrześcijańskich¹⁰ lub też, co według mnie bardziej prawdopodobne, znaczenia z łaciny poklasyycznej ‘cierpienie, choroba’. Zbyt dużym uproszczeniem wydaje się przyjęcie, że pojawiające się do XVII wieku znaczenia są prostą kontynuacją znaczenia łacińskiego *passiō, ōnis* ‘gwałtowne uczucie, namiętność, żądza’. W języku włoskim łaciński rdzeń kontynuowany jest w dwóch wyrazach: *passio* i *passione*. Ten pierwszy odnosi się do tej części Ewangelii, w której mówi się o cierpieniu Chrystusa, zaś drugi obejmuje swym znaczeniem nie tylko konteksty religijne¹¹, ale uogólnia znaczenie ‘cierpienie, ból’ oraz odnosi się do silnych emocji w ogóle. W polszczyźnie takie rozróżnienie morfologiczne nie nastąpiło. Użycia (9) i (10):

- (10) I niebo tych nie winuje, i owszem ich konserwuje, Gdzie są te miłości pęta i pasyja nie odjęta. – I natenczas to sprawiło, iż przewodnikiem było. (KorBa)
- (11) Jak miłości trudno taić, tak i żal musi wyjawic; Bo to jest wielka pasyja – w czymem trudność czuła i ja. (KorBa)

¹⁰ Plezia opatruje to znaczenie skrótem Eccl.

¹¹ Nie ma tu prostej reguły – słowo *passione* występuje np. w połączeniu *la settimana di passione*

współwystępują w XVII-wiecznej polszczyźnie z tymi, które odnoszą się do kontekstów religijnych:

- (12) W wieczór pasyja była na kaplicy z kazaniem ks. Zawadzkiego, Piarum Scholarum; z gabinetu onego królestwo ichm. słuchali (KorBa)

Kolejny etap rozwojowy to rozszerzenie łączliwości semantycznej wyrazu na obiekty i zjawiska fizyczne, por. np.:

- (13) Zaprawiłeś mię do kart; ta ochota stała mi się passyą, przemieniła się w naturę. (SL, Teat. 48, 73).
 (14) Dziadkowie przyszej aktorki Larsa von Trieri byli fanami jazzu i zarazili wnuczkę pasją do muzyki (NKJP za WSJP PAN)

W Słowniku gniazd słowotwórczych współczesnego języka polskiego (SGSWJP) podane są następujące derywaty oparte na obserwowanym rdzeniu: *pasjonat1*, *pasjonat2*, *pasjonatka1*, *pasjonatka2*, *pasjonować (się)*, *pasjonista*, *pasyjka*, *pasyjny*. Ich pojawienie się w polszczyźnie uwarunkowane było stabilizacją znaczenia wyrazu podstawowego ‘gwałtowne uczucie, namiętność, żądza’ Potwierdza to kwerenda w KorBie¹² – wyszukiwanie *pasjonata* daje tylko trzy rezultaty, wszystkie odnoszą się do znaczenia ‘osoba, która łatwo wpada w złość, np.

- (15) Maią swoje też vitia. że pasyonáci, od morza nabieraią często burzliwości, na wielkie odważaiąc się molimina. (KorBa, Nowe Ateny 1746–1756)
 (16) Podstoli drohicki pojechał do biskupa kujawskiego i czy na zły humor biskupowi trafił, bo biskup mało mówiący i mrukliwy, ale wielkiego rozumu i sumienia, czyli się też podstolem drohickiemu, także pasjonatowi, tak zdawało, że go niedobrze przyjął, prosił biskupa ani gorąco, ani uniżenie. (KorBa, między 1754 a 1765)

Obserwacja relacji ze znaczeniem łacińskim potwierdza, że powstały one już na bazie znaczeń ustabilizowanych w polszczyźnie.

3.3. I ostatnie zapożyczenie to *afekcyjǎ* pochodzące od łacińskiego *affectiō* (*adf-*), *ōnis* I. ‘stosunek do czegoś’ II. 1. ‘namiętność, nastrój, doznanie, wrażenie stan duchowy, uczucie, usposobienie, stan fizyczny’; 2. ‘skłonność, przychylność, życzliwość, miłość’; 3. a. ‘wola, zamiar, zamysł’; b. ‘przywiązanie’ (Słp). Do polszczyzny przeniknęło znaczenie najbogaciej udokumentowane w łacinie – znaczenie II. W tym przypadku nie można pominąć adaptacji morfologicznej. Jak

¹² W ESXVII/XVIII nie został jeszcze opracowany artykuł hasłowy *pasjonat*

pisze Moszyńska łacińska grupa *-kt-* została uproszczona do *-kc-* podobnie jak np. w *aukcyjã* czy *dyrekcyjã* (Moszyńska 1974: 68). Należy zauważyć, że adaptacja morfologiczna do polszczyzny i utrwalenie się formy *afekt* wpłynęły na wartość semantyczną. Znaczenie formy zachowującej morfologiczną łączność z formą łacińską występuje w SXVI wieku tylko w trzech użyciach i są to konteksty medyczne, np:

- (17) Ta áffectia przychodzi w vdy á w kolána nabarziéy (SXVI, *Oczko* 33)

Pozostałe wystąpienia mają już postać *afekt*, jest ich zdecydowanie więcej (87) i są kontynuacją właśnie znaczenia II., zob.:

- (18) áffektu swego przyiáznego zátáić miedzy sobą nie mogą [...] nic chęci swey zarzyftey ná fercu swym pokryć nie vmieiąc (SXVI, *WerKaz* 276)

Na podstawie danych korpusowych można by wnioskować, że ta szybka adaptacja ustabilizowała zapożyczenie i miała wpływ na rosnącą frekwencję użycia – KorBa notuje aż 3278 wystąpień. Analiza wykraczająca poza dane językowe powinna tu koniecznie uwzględnić takie czynniki, jak czas, sytuacja społeczna i polityczna oraz dynamikę wpływów łacińskich w XVII i XVIII wieku. Na podstawie przykładów z tego czasu można by nawet podejrzewać, że nastąpiło powtórne zapożyczenie z łaciny, ponieważ pojawiły się wartości semantyczne obecne w łacińskim rdzeniu, ale niepoświadczone w źródłach XVI-wiecznych. Silna pozycja tego zapożyczenia ma swoje odzwierciedlenie w rozwijającej się polisemii rzeczownika. Przykłady (19), (20) i (21) ilustrują kolejno podstawowe wartości semantyczne, które można wyekscerpować z użycy XVII i XVIII-wiecznych.

- (19) 'UCZUCIE' Co naynieszczęśliwsza, podeyzzrliwy, chcąc nadzwyczajnym sposobem wszystkie serca y umysłu wzruszenia kochaney przeniknąć osoby, na to po większey części pracuie, aby powzięty ku sobie affekt osłabił, co nie iedno doświadczenie potwierdziło. (KorBa, *Monitor Polski*, 1772)
- (20) 'ZAMIAR, ZAMYŚL' Iusz się tego nimal pewnie spodziewac, [...] ze się nieodmieni w affectie Swym w dom nasz ow Cawaler. (ESXVII/XVIII *OpalKListy* 111.)
- (21) 'SKUTEK' (...) Pan Dobrotliwy około tego pracował ze by był po trzech zerwanych Seymach ten przynaymniey Czwarty do Szczęśliwego przyprowadził affektu. (KorBa, *PasPam* 215v)
- (22) 'USTĘP TEKSTU' Piękne i żywe traspozycyje, gęste erudycyje rozsądne wedle miary słów przybranie, akcentów i affektów

zgodne pomiarkowanie [...] Coż nad to milszego czytać się może. (ESXVII/XVIII LubSArtPol 216.)

Co ciekawe medyczne znaczenie, wydawałoby się wycofane, bo nieobecne w ESXVII/XVIII i w KorBie, pojawia się w SL poświadczone cytatem z *Compendium medicum* z 1767 roku:

- (23) Krwi puszczanie służy na wszelkie afekcje podniebienia (L, *Comp med.* 1767).

Zasadny wydaje się zatem powrót do łacińskiego gniazda morfologicznego – wśród łacińskich pochodnych znajdujemy przymiotnik *affectus*, który w odniesieniu do ludzi oznaczał ‘wyczerpany, osłabiony, chory’ (Słp). Autorzy ESXVII/XVIII uznali, że to właśnie ten derywat był podstawą polskich znaczeń. Wydaje się jednak, że analiza gniazda rdzennego zwalnia od orzekania o bezpośredniej pochodności. Założenie, że to rdzeń jest nośnikiem podstawowej wartości semantycznej (Karpłowska 2007: 28) pozwala inaczej spojrzeć na rozkład znaczeń w gnieździe. W źródłach XIX-wiecznych¹³ poświadczane jest już tylko znaczenie ‘miłość’:

- (24) O ja mości kapitanie, rzekąc prawdę żadnego nie czuję afektu do mego małżonka. (F19, 1906)
- (25) Zgodźcie się, iż na mil sto wokoło nie nosił nikt piękniejszej mycki jak Podsędek. Była to pamiątka afektów świętej pamięci Kunegundy – cała z pąsowej włóczki, cała wzwyż botanicznych kwiatach z kupidynami, łukami i pokłutemi na wylot sercami; (F19, 1850).

To przekształcenie semantyczne mogłoby być przykładem procesu zwanego specjalizacją znaczenia (Buttler 1978: 49–79). W XX wieku, jak wskazuje materiał, mamy do czynienia z rywalizacją pomiędzy znaczeniem szerszym ‘uczucie’ a znaczeniem węższym ‘miłość’. Na wynik tej konkurencji niebagatelny wpływ ma aktywność słowotwórcza rdzenia. Powstanie i terminologizacja przymiotnika *afektywny* (por. termin *choroba afektywna dwubiegunowa*) oraz terminologiczne utrwalenie się kolokacji *zbrodnia w afekcie* spowodowały, że w odmianie ogólnej zwyciężył rzeczownik rodzimy *miłość*, a użycie *afektu* w znaczeniu ‘miłość’ opatrywane jest kwalifikatorem *przestrzały*, zob. przykłady:

¹³ W korpusie F19 mamy już tylko 5 wystąpień *afektu*. Relatywne porównanie liczby wystąpień w KorBie i w F19 upoważnia do stwierdzenia, że *afekt* zdecydowanie ograniczył swoją obecność w polszczyźnie.

- (26) Czynię to, co mi Bóg, sumienie i afekt dla miłej matki ojczyzny nakazuje (SDor, Sienk. Pot. VI,7) [z kwalifikatorem *przestarzały*.]
- (27) Odrzuciła także zaloty niezwykle majątnego litewskiego „niedźwiedzia” z Wilna, który zapałał do niej gorącym afektem (NKJP za: WSJP PAN) [z kwalifikatorem *przestarzały*]
- (28) Miał wraz ze swym bratem, Eliaszem, nieszczęście zabić w afekcie człowieka (...) (NKJP za: WSJP PAN).

Interesujący może być fakt, że *afekt* ma dość bogatą reprezentację¹⁴ w najnowszym korpusie (KWJP) – może dlatego, że jest to korpus, którego źródłem są tylko teksty pisane?

Analizę semantyczną należy poszerzyć, zgodnie z założeniami, o ogłód współczesnego gniazda morfologicznego. Tworzy go, jak podaje SGSWSJP, współcześnie tylko pięć derywatów: *afektacja*, *afektacyjny*, *afektacyjnie*, *afektowany*, *afektywny* i choć WSJP PAN (na podstawie NKJP) podaje jeszcze czasownik *afektować*, to jego użycie jest ograniczone do odmiany literackiej, a w najnowszym korpusie KWJP już tego czasownika nie ma. Można zatem uznać ten derywat za potencjalny. Utworzony na gruncie polskim czasownik *afektować* nie był obciążony frekwencyjnie także we wcześniejszych epokach. W SXVI odnotowano tylko jedno użycie, nie związane z dominantą znaczeniową wierzchołka centrum:

- (29) Do czego Aktor wiedzie,y czego áffektuje v sądu, jesli krzywdę, jesli taxę, jesli cum poena & c. (SXVI, SarnStat 751)

To jedno poświadczenie wskazuje jednak na aktywność rdzenia, która zresztą zdecydowanie się zwiększyła już w XVII i XVIII wieku, gdzie mamy *afektację*, *afektat* ‘życzenie, żądanie’, *afektować*, *afektowany*, *afektowny*, *afektujący*, *afekty*. Produktywność ta gaśnie stopniowo w XIX wieku (*afekt*, *afekcja*, *afektacja*, *afektować*, *afektowany*, *afektowny* – dwa ostatnie bez przykładów w L) – korpus F19 notuje tylko jedno użycie *afektować*, a *afektowany* nie występuje wcale, choć poświadczony jest w SDor kilkoma XIX-wiecznymi i jednym XX-wiecznym przykładem.

Jak pokazuje zgromadzony materiał, wybrane przeze mnie rdzenie łacińskie meandrowały w historii polszczyzny jak najbardziej kręta rzeka. Przedstawiony przegląd nie jest kompletny, sporo w nim jeszcze luk, czasami niedopowiedzeń. Wydaje się jednak, że wstępne odpowiedzi na postawione pytania powinny stać punktem wyjścia

¹⁴ 338 wystąpień w korpusie zrównoważonym, co daje wynik 4.140 / 1mln słów.

do badań, które mogłyby z jednej strony wzmocnić metodami słowotwórczymi badania historycznosemantyczne, z drugiej zaś rozbudować teorię zapożyczeń.

4. Konkluzje

Na podstawie przeprowadzonych analiz można stwierdzić, że zapożyczenie łacińskie nie przechodziło do polszczyzny z pełnym zestawem znaczeń. Dominantą znaczeniową w języku-biorcy był początkowo sem najbardziej ogólny, ten, który był obecny we wszystkich znaczeniach szczegółowych: *natura* – ‘coś wrodzonego, istota rzeczy’; *pasja* ‘męka Chrystusa’; *afekt* ‘uczucie, namiętność, emocje’. Prześledzenie dróg rozwoju semantycznego wybranych jednostek pozwoliło odpowiedzieć na pytanie, które wartości semantyczne utrwały się, a które osłabły w trakcie trwania pożyczki w polszczyźnie. Okazało się, że „korowa” wartość trwa, niezależnie od tego, jakie znaczenia pojawiają się jako nowe i jak układa się hierarchia znaczeń w obrębie gniazda rdzennego. Ciekawe, że znaczenia, które w języku-dawcy były drugoplanowe czasami pojawiają się w języku-biorcy, ale są niestabilne, a czasami mają żywot efemeryczny (np. *natura* ‘nasienie męskie’). Potwierdziło się też, że aktywność centrum gniazda („wierzchołka gniazda”) wpływa na zmiany semantyczne, to znaczy im większe/szersze jest gniazdo morfologiczne (czyli aktywność „wierzchołka gniazda” jest większa), tym zmiany semantyczne są różnorodniejsze, tym więcej elementów semantycznych dołącza, dokleja się do morfemu rdzennego.

Przed wszystkim należy podkreślić, że tego typu badania, zakrojone oczywiście na szerszą skalę, mogłyby zweryfikować poglądy na temat zapożyczeń: ich stabilności i zmienności semantycznej. Sondażowy przegląd relacji znaczenia w języku-dawcy do znaczenia w języku-biorcy pokazał, że konieczny jest ogląd gniazda w obu tych językach: okazać się może, że wartości semantyczne, które wydają się nowe w języku-biorcy pojawiały się już w gnieździe języka-dawcy; inaczej mówiąc trzeba też zaglądać do łacińskich wyrazów pokrewnych – może niektóre znaczenia są od nich przejęte? (zob. np. łac. *naturalia* ‘narządy płciowe, przyrodzenie’ vs. XVI-wieczne *natura* ‘nasienie męskie’). To ostatnie stwierdzenie potwierdza moje przekonanie, że badania powinny mieć charakter porównawczy, przy czym należy porównywać nie tylko gniazda polskie i łacińskie, ale także polskie i innośłowiańskie. Dopiero taki ogląd daje możliwość pełnego zrealizowania celów badawczych. Dodatkowo w orbicie tak zorientowanych

badani powinny się znaleźć także jednostki rodzime (i ich gniazda), które wchodzą z zapożyczeniami w relację szeroko rozumianej blisko-znaczności; w przypadku *natury* będą to jednostki oparte na rdzeniu *rod-*, w przypadku *afektu* na rdzeniu *czu-*, a w przypadku *pasji* pod uwagę należałoby wziąć zarówno *mił-* (por. *zamiłowanie*), jaki i *zł-* (por. *złość*). Nie bez znaczenia jest też wpływ innych języków indoeuropejskich, które także włączyły do swojego zasobu leksykalnego daną pożytkę łacińską¹⁵.

Każde badanie empiryczne powinno, w moim przekonaniu, otwierać szersze perspektywy badawcze, powinno przybliżać nas do rozwiązania problemu natury ogólnej. Wydaje się, że przeprowadzona analiza danych materiałowych spełniła swoje zadanie. Należy także dodać, że zgodnie z początkowym założeniem, nie odnosiłam się w niej do wpływu czynników zewnętrznych w procesie kształtowania się znaczeń wyrazów zapożyczonych, co nie oznacza, że nie doceniam ich wagi. Dopiero zespolony obraz przemian widocznych w materii językowej i tych, które dokonywały się w świecie może dać odpowiedź na pytania lingwisty.

PRACE CYTOWANE

- КАРПІЛОВСЬКА Є. *Кореневий гніздовий словник української мови: Гнізда слів з вершинами омографічними коренями*, Київ: Видавництво "Українська енциклопедія" ім. М.П. Бажана, 2002.
- КОВАЛИК І. *Семантична функція кореня в словотвірному гнізді*, [w:] І. Ковалик, *Вчення про словотвір: Вибрані праці*, опrac. В. Грещук. Івано-Франківськ – Львів, Ч. 1, s. 326–346.
- ЧЕРНИШ Т. *Слов'янська лексика в історико-етимологічному висвітленні*. Київ: Київський національний університет ім. Тараса Шевченка, 2003.

*

- AXER J. (red.). *Łacina jako język elit*. Warszawa: OBTA: Wydawn. DiG, 2004.
- AXEROWA A. „Próba klasyfikacji wtretów łacińskojęzycznych w staropolskich tekstach dwujęzycznych”. *Łacina jako język elit*, red. J. Axer, 2004, s. 157–61. Warszawa: OBTA: Wydawn. DiG, 2004.

¹⁵ Można przypuszczać, że na polskie znaczenie 'środowisko, które nie zostało zmienione przez cywilizację i kulturę' duży wpływ miała francuszczyzna, a konkretnie pisma Jeana Jacques'a Rousseau.

- BATKO-TOKARZ B. „Klasyfikacja tematyczna w WSJP PAN”. *Wielki słownik języka polskiego PAN. Geneza, koncepcja, zasady opracowania*, red. P. Żmigrodzki i in., Kraków: Instytut Języka Polskiego PAN, 2018, s. 79–93.
- BILIŃSKA J., DERWOJEDOWA M., KWIECIEŃ M., KIERAŚ W. „Mikrokorpus polszczyzny 1830–1918”. *Komunikacja Specjalistyczna*, 11, 2016: s.149–161.
- BUTTLER D. *Rozwój semantyczny wyrazów polskich*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1978.
- DANIELEWICZOWA M. *W głąb specjalizacji znaczeń: przysłówkowe metapredykaty atestacyjne*. Warszawa: Bel Studio, 2012.
- GERMAN J. „Czy (i jak) warto jeszcze badać staropolskie latynizmy i greczyzmy?” *LingVaria*, t. 17, nr 1(33), maj 2022, s. 307–17.
- GRUSZCZYŃSKI W., ADAMIEC D., BRONIKOWSKA R., KIERAŚ W., MODRZEJEWSKI E., WIECZOREK A., WOLIŃSKI, M. “The Electronic Corpus of 17th- and 18th-century Polish Texts”. *Language Resources and Evaluation*, 56, 2022: s. 309–332.
- JAKUBOWICZ M. *Drogi słów na przestrzeni wieków: zarys słownika motywacji semantycznych na materiale przymiotników słowiańskich odziedziczonych z prasłowiańszczyzny*. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2010.
- KARPIŁOWSKA E. „Gniazda słów jako językowy obraz świata. perspektywy badań porównawczych”. *LingVaria*, nr 2, 2007, s. 27–42.
- KLESZCZOWA K. *Staropolskie derywaty przymiotnikowe i ich perspektywiczna ewolucja*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2003.
- KLESZCZOWA K. „Strukturalizm i poststrukturalizm w badaniach historycznojęzykowych”. *Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego*, t. LXVII, 2012, s. 97–115.
- KWAŚNICKA-JANOWICZ A. „Słowotwórstwo gniazdowe na usługach diachronii – w poszukiwaniu efektywnej metody badań zapożyczeń leksykalnych”. *Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego*, t. LXXVIII, nr 78, grudzień 2022, s. 183–198.
- LENARTOWICZ-ZAGRODŃA A. „Czy warto jeszcze badać polsko-łacińskie kontakty językowe? Historyczny przegląd i ocena badań polsko-łacińskich kontaktów językowych”. *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica*, t. 48, styczeń 2014, s. 103–116.
- MARCINIAK M., KIERAŚ W., BOJAŁKOWSKA K., BORKOWSKI P., BORYS M., EŻŁAKOWSKI W., GUZ W., KOBYLIŃSKI Ł., KOMOSIŃSKA D., KRASNOWSKA-KIERAŚ K., ŁAZIŃSKI M., MIERNECKA M., NITOŃ B., OGRODNICZUK M., RUDOLF M., TOMASZEWSKA A., WOLIŃSKI M., WOŁOSZYN J., WÓJTOWICZ B., WRÓBLEWSKA A., ZAWADZKA-PALUEKTAU N. (2023). *Korpus Współczesnego Języka Polskiego, 2011–2020*. Instytut Podstaw Informatyki PAN. < <https://kwjp.pl> >

- MASLEJ D. „Średniowieczne zabytki polsko-łacińskie jako przedmiot badań historycznojęzykowych. Perspektywy badawcze”. *Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego*, t. LXXIX, nr 79, grudzień 2023, s. 355–369.
- MOSZYŃSKA D. *Morfologia zapożyczeń greckich i łacińskich w polszczyźnie*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1975.
- MOSZYŃSKA D. „O dostosowywaniu łacińskich zapożyczeń do wymogów fleksji polskiej w XVI wieku”. *Studia Polonistyczne*, nr 3, 1976, s. 127–131.
- PASTUCH M. *Polskie wyrażenia o funkcji dopowiedzeniowej – historia i współczesność*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2020.
- PAWELEC R. „Myślą rzeczy rozbieranie”. *Poradnik Językowy*, nr 10, 2006, s. 95–102.
- PEŹIK P. *Wyszukiwarka PELCRA dla danych NKJP*. Narodowy Korpus Języka Polskiego. Przepiórkowski A., Bańko M., Górski R., Lewandowska-Tomaszczyk B. (red.). Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2012.
- SIATKOWSKA E. „Historia wpływów łacińskich w językach zachodniosłowiańskich”. *Poradnik Językowy*, nr 4, 1989, s. 229–239.
- SKARŻYŃSKI M. (red.). *Słowotwórstwo gniazdowe. Historia, metoda, zastosowania*. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2003.
- TIMOFEEVA O. „Lexical Loans and Their Diffusion in Old English: Of ‘Gospels’, ‘Martyrs’, and ‘Teachers’”. *Studia Neophilologica*, t. 89, nr 2, lipiec 2017, s. 215–37. dostęp: <<https://www.zora.uzh.ch/id/eprint/136401/1/ZORA136401.pdf>> 2.01.2025.
- WALCZAK B. „Staropolszczyzna – zakres pojęcia na płaszczyźnie historycznojęzykowej”. *Staropolszczyzna piękna i interesująca*, t. 1, red. E. Koniusz, S. Cygan. Kielce: Wydawnictwo Akademii Świętokrzyskiej, 2006, s. 11–19.
- VOGELGESANG T. (red.). *Słownik gniazd słowotwórczych współczesnego języka ogólnopolskiego*. Kraków: Universitas, 2001.
- ŻMIGRODZKI P. „Słownik jako korpus tekstów – korpus tekstów jako słownik: perspektywy polskiej leksykografii”. *Poradnik Językowy*, nr 6, 2005, s. 3–14.

Źródła

- ESJP XVII/XVIII – Elektroniczny Słownik Języka Polskiego XVII i XVIII wieku. <<https://sxvii.pl/>> 15.11.2024.
- F19 – Korpus Tekstów Polskich z lat 1839-1918. <https://korpus19.nlp.ipipan.waw.pl/query_corpus/> 5.11.2024.

- KorBa – Elektroniczny Korpus Tekstów z XVII i XVIII wieku <<https://korba.edu.pl/>> 6.12.2024.
- KWJP – Korpus Współczesnego Języka Polskiego. <<https://kwjp.ipipan.waw.pl/overview>> 13.12.2024.
- L – Słownik języka polskiego S.B. Lindego. <<https://szukajwslownikach.uw.edu.pl/slownik-lindego/>> 22.11.2024.
- NKJP – Narodowy Korpus Języka Polskiego. <<https://pelcra-nkjp.clarin-pl.eu/>> 22.11.2024.
- SDor – Doroszewski S. (red.). Słownik języka polskiego <<https://doroszewski.pwn.pl/>> 28.11.2024
- SGSWJP – Słownik gniazd słowotwórczych współczesnego języka polskiego. Jadacka H., Bondkowska M., Burkacka I., Grabska-Moyle E., Karpowicz T. (red.). Kraków: Universitas, 2001.
- Słownik pojęciowy języka staropolskiego <<https://spjs.ijp.pan.pl/szukaj/index>> 13.12.2024.
- Słp – Plezia M. (red.). Słownik łacińsko-polski. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2007.
- Sstp – Słownik staropolski. <<https://pjs.ijp.pan.pl/sstp.html>> 8.11.2024.
- SXVI – Słownik polszczyzny XVI wieku. <<https://spxvi.edu.pl/>> 8.11.2024.
- USJP – Dubisz S. (red.). Uniwersalny słownik języka polskiego. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 20023.
- WSJP PAN – Wielki Słownik Języka Polskiego PAN

Magdalena Pastuch

WORD-FORMATION NESTS OF OLD LATIN LOANWORDS IN THE POLISH LANGUAGE

Summary

The article is dedicated to the analysis of three Latin borrowings into the Polish language: *natura* (nature) *pasja* (passion), and *afekt* (affect). The earliest attestations of these units date back to the second half of the 15th century (*natura*) and the 16th century (*afekt* and *pasja*). The study's primary aim is to present the semantic relationships between the Latin etymon and its Polish equivalent, as well as the relationship between the derivational activity of the borrowing and its stability in the language.

The rich linguistic literature on Latin borrowings usually focuses on two main issues: morphological adaptation or semantic characterization. In the presented text, both perspectives are combined, allowing for the obser-

vation of connections between derivational analysis and semantic analysis. Based on this methodological approach, the following research questions are posed:

1. What was the correspondence between the meaning of the root in the donor language and its meaning in the recipient language at the time of borrowing?
2. Which semantic values have persisted, and which have weakened over the course of the borrowing's history in Polish?
3. How has the activity of the centre of the word-formation nest influenced semantic changes?

A diachronic review of dictionary and corpus material led to the formulation of preliminary conclusions as follows:

- The Latin borrowing did not enter Polish with its full range of meanings. The dominant meaning in the recipient language initially was the most general one, present in all the specific meanings in the donor language: *natura* ('something innate, the essence of a thing'); *pasja* ('the Passion of Christ'); *afekt* ('feeling, passion, emotions').
- In the borrowed word, the most stable semantic values are those constituting the core meaning in the donor language. The basic meaning persists regardless of what new meanings emerge or how the hierarchy of meanings within the root's nest is structured. Meanings that were secondary in the donor language sometimes appear in the recipient language but are unstable and may be ephemeral (e.g., *natura* meaning 'male semen').
- The larger/wider the word-formation nest is (i.e., the greater the activity of the "top of the nest"), the more diverse the semantic changes, and the more semantic elements attach themselves to the root morpheme.

A preliminary review of the relationship between meanings in the donor and recipient languages revealed that examining the word-formation nest in both languages is essential. It may turn out that semantic values, which seem new in the recipient language, have already existed within the nest in the donor language. Therefore, an examination of Latin cognates is necessary—could some meanings have been adopted from them? (for example, compare Latin *naturalia* meaning 'sexual organs, genitalia' vs. 16th-century *natura* meaning 'male semen').

The theoretical value of such studies would significantly increase if they also included other languages for which Latin served as an important lexical reservoir. The study of the dynamics of Polish word formation nests centred around lexemes of Latin origin is also crucial for comparative studies within Slavic linguistics. Furthermore, such research should also encompass native units (and their nests) that form relationships of broad seman-

tic similarity with the borrowings; for example, for *natura*, units based on the root *rod-*; for *afekt*, those based on the root *czu-*, for *pasja* on the root *mil-(zamiłowanie)* and *zł-*.

Keywords: history of the Polish language, Latin loan words, word-formation nests, historical semantics.

УДК 811.163.6'373.611

811.163.6'367.623

811.163.6'322

https://doi.org/10.18485/ssds_mks17_dg.2025.ch8

IRENA STRAMLJIČ BREZNIK*

Univerza v Mariboru

Filozofska fakulteta

Oddelek za slovanske jezike in književnosti

USTREZNOST STROJNO IZLUŠČENIH ŠTIRIPRIPONSKIH IZPRIDEVNIŠKIH BESEDOTVORNIH NIZOV IZ UČNE MNOŽICE BSSJ**

Poskusni besednodružinski slovar z iztočnicami na črko b (BSSJ) je izdan s posebnim računalniškim programom za slovarje in izdan v knjižni obliki leta 2004, v obsegu 666 besednih družin z 11 136 leksikalnimi enotami. Le-te so bile zajete iz virov, aktualnih in razpoložljivih v času priprave slovarja (Slovar slovenskega knjižnega jezika, Besedišče slovenskega jezika, Slovenski pravopis 2001 in korpus Fida).

Raziskali bomo relevantnost novih tvorjenk za štiripripone nize s pridevniškim izhodiščem, ki so pridobljene s strojnim luščenjem podatkov iz SSKJ in baze Sloleks po modelih, pridobljenih iz učne množice BSSJ.

Namen raziskave je na konkretnih primerih ovrednotiti, v kolikšni meri sta pri novih avtomatsko najdenih kandidatkah skladni zunanja (morfemsko izražena) struktura in notranja (besedotvornopomenska) logična tvorbeni pot.

Ključne besede: slovenščina, besedotvorje, izpridevniška tvorba, štiripriponski nizi, avtomatsko prepoznavanje tvorjenk.

1. Uvod

V sodobnem slovenskem jezikoslovju se do začetka 21. stoletja besedotvorne raziskave niso načrtno ukvarjale s sinhrono večmorfemsko obrazilno kombinatoriko, ampak je le-ta bila omenjana obrobno (Vidovič Muha 1988, Toporišič 2000). V večini drugih slovanskih jezikov (zlasti češčini, slovaščini, poljščini in ruščini) so med

* irena.stramljic@um.si, ORCID: 0000-0002-7267-6507

** Prispevek je nastal v okviru raziskovalnega projekta št. J6-3131 (Kombinatorika besedotvornih obrazil v slovenščini (2021–2025), vodja programa dr. Boris Kern), sofinancer ARIS, in Raziskovalnega programa št. P6-0156 (Slovensko jezikoslovje, književnost in poučevanje slovenščine (2020–2027), vodja akad. prof. dr. Marko Jesenšek), financer ARIS.

tem že bile izdelane morfemske analize (Stramljič Breznik 2004: 8), na osnovi katerih so bili v naslednjih desetletjih izdani izčrpni oblikoslovno-besedotvorni ali samo besedotvorni morfološki slovarji, kot so npr. slovaški *Morfematski slovník slovenčiny* (Sokolova idr. 1999), poljski *Słownik gniazd słowotwórczych współczesnego języka ogólnopolskiego* (Skarżyński 2004), češki *Bazový morfematský slovník češtiny* (Šiška 2005), ruski *Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка* (Lopatin, Uluhanov 2016), slovaški *Slovník slovotvorných prostriedkov v slovenčine* (Ološtiak, Ivanova 2021).

Šele v zadnjih dveh desetletjih se je v slovenistiki pozornost tej problematiki sistematičneje posvetila z besednodružinskim oz. stopenjskim pristopom, ki je bil preizkušen na gradivu besednih družin (Stramljič Breznik 2004) in na primerih glagolov čutnega zaznavanja (Kern 2017).

2. Aktualne morfotaktične raziskave slovenskega jezika

Novejše morfotaktične raziskave slovenskega jezika je spodbudil projekt *Kombinatorika besedotvornih obrazil v slovenščini* (KOBOS, 2021–2025), ki temelji na izhodiščni besedotvorni bazi podatkov, zbrani v poskusnem *Besednodružinskem slovarju slovenskega jezika za iztočnice na b* (Stramljič Breznik 2004), v nadaljevanju BSSJ. Poteka v sodelovanju Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša, ZRC SAZU, Inštituta Jožef Stefan iz Ljubljane in Filozofske fakultete Univerze v Mariboru.

Po zasnovi je interdisciplinaren, saj združuje jezikoslovni in jezikovnotehnoški pristop. Osredinja se na analizo in opis družljivosti priponskih obrazil v okviru večstopenjske tvorbe. Metodologija, način obravnave in prikazi obrazilnih kombinacij so se vzorovali po pristopih v poljskem besedotvorju, še posebej po delu Iwone Burkacke *Kombinatoryka sufiksalna w polskiej derywacji odrzeczownikowej* (Burkacka 2012). Tako zasnovana analiza omogoča predstavitev besedotvornega in pomenotvornega mehanizma sodobnega slovenskega jezika, saj lahko pokaže sistemsko predvidljivost tvorbe glede družljivosti priponskih obrazil. Konkretno npr. v kvalitativni analizi izmedmetnih priponskih nizov ugotavljamo, katera priponskoobrazilna kombinatorika in pomenske skupine tvorjenk si sledijo znotraj najpogostejših dvo-, tro- ali redkih štiripriponskih nizov in kateri izpostavljeni dvo- in tropriponski nizi so prepoznani kot produktivni besedotvorni mo-

deli izmedmetnih izpeljank (Stramljič Breznik 2024a: 1–17; Stramljič Breznik, Ledinek 2024b: 59–85).¹

Hkrati pa so mogoče tudi primerjalne študije, v katerih lahko protistavno opazujemo besedotvorne značilnosti določene besedne vrste, konkretno npr. značilnosti in število besednovrstno različnih tvorjenk na različnih stopnjah tvorbe pri glagolih premikanja v slovenščini in poljščini (Kern 2023: 185–201).

3. Metodologija in viri za raziskavo

Izhodiščno bazo besedotvornih podatkov predstavlja BSSJ, ki ob nemotivirani iztočnici na b po stopnjah tvorbe prikazuje vse istokorenske tvorjenke, členjene na podstavni in obrazilni del. Izdelan je bil s posebnim računalniškim programom za slovarje in izdan v knjižni obliki. Obsega 666 iztočnic na b in njihovih besednih družin, v katerih je razvrščenih 11 136 enot. Slovar je bil ob nastanku pri vključevanju gradiva zavestno in hote izčrpen z namenom, da bi bilo zajetih čim več tvorbenih podatkov. Temeljni gradivni viri so bili: Slovar slovenskega knjižnega jezika (SSKJ), Besedišče slovenskega jezika (BSJ), Slovenski pravopis 2001 (SP) ter po referenčnem korpusu Fida² dodatno paberkovalno zbrane nekatere besede črke b (Stramljič Breznik 2004: 9).

Raziskovalci jezikovnotehnološkega dela so v okviru projekta KOBOS na podlagi izvoženih podatkov iz BSSJ oblikovali obsežno bazo realiziranih besedotvornih nizov, primernih za nadaljnjo strojno analizo (Erjavec, Pranjič idr. 2023: 449–465). Vsebovani so podatki o stopnji tvorbe, besednovrstnostnem izhodišču tvorjenk, zaporedju obrazil v nizu in dodan je konkretni primer tako uresničene tvorjenke ali več njih iz BSSJ. Na podlagi avtomatskega luščenja podatkov so bile iz SSKJ in baze Sloleks³ dodane še druge tvorjenke, ki so bile prepozna-ne kot ustrezne tvorbenemu nizu iz BSSJ. Določen delež strojno najdenih primerov iz obeh dodatnih virov je bil popolnoma pravilen. Npr.

¹ Več o izsledkih projektnih raziskav v Stramljič Breznik (2024a: 5–6).

² V času nastajanja slovarja sta bila edina razpoložljiva korpusa Fida (Filozofska fakulteta Univerze v Ljubljani, Inštitut Jožef Stefan, Založba DZS, d. d., Amebis, d. o. o.) in Nova beseda (Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša, ZRC SAZU).

³ Slovar slovenskega knjižnega jezika (SSKJ 2014) je druga, dopolnjena in deloma prenovljena elektronska izdaja (Vir: <https://www.fran.si/>).

Sloleks je leksikon besednih oblik v slovenski jezik. V strukturirani bazi podatkov vsebuje osnovne podatke o slovenskih besedah, predvsem v katero besedno vrsto spadajo in kakšne so njihove slovnične lastnosti. Pri vsaki besedi so v bazi zabeležene tudi vse njene pregibne oblike (Vir: <https://viri.cjvt.si/sloleks/slv/about>).

izluščena tvorbeni shema četrstopenjskih tvorjenk s pridevniškim izhodiščem: ADJ:X → NOUN:X-ec → ADJ:X-ev → ADJ:X-ski → ADV:X-o, izdelana na podlagi tvorbenega vzorca pridevnika *bel* iz BSSJ, je bila ustrezno potrjena z dodatnima nizoma tvorjenk s pridevniškima izhodiščema *nor* in *star*, ki sta bila najdena v SSKJ in Sloleks.

Precejšen delež tako avtomatsko izluščenih primerov pa je bilo treba izločiti. Naj konkretiziramo. Po tvorbeni shemi iz BSSJ s samostalniškim izhodiščem NOUN:X → ADJ:X-en → NOUN:X-ik → NOUN:X-ica → ADJ:X-in je bil iz SSKJ in baze Sloleks avtomatsko izluščen tudi neustrezen niz: **pesa* → **pesen* → *pesnik* → *pesnica* → *pesničin*, v katerem se mešajo tvorjenke izhodiščnega samostalnika *pesa* 'kultura na rastlina' in glagola *pesniti* 'pisati pesmi'.

V nadaljevanju bomo predstavili pet iz BSSJ izluščenih štiripriponskih nizov s pridevniškim izhodiščem in preverili uspešnost avtomatsko prepoznanih primerov iz širše leksikalne baze, ki jo predstavljata SSKJ in Sloleks.

4. Najpredvidljivejši vzorci štiripriponskih izpridevniških nizov

Število dodatno strojno prepoznanih tvorjenk za posamezni štiripriponski niz s pridevniškim izhodiščem je bilo različno: od ene (ADJ:X → VERB:X-ati → VERB:X-eva-ti → ADJ:X-alen → NOUN:X-ica) do šest, kot jih ima niz (ADJ:X → NOUN:X-ik → NOUN:X-ica → NOUN:X-ar → NOUN:X-ka). Nize bomo predstavili in njihovo ustreznost pokomentirali po merilu števila tvorjenk, tj. od takih z največ do takih z najmanj potrjenih tvorjenk.

4.1. Niz ADJ:X → NOUN:X-ik → NOUN:X-ica → NOUN:X-ar → NOUN:X-ka

Je niz z največ najdenimi tvorjenkami v SSKJ in Sloleksu. V izhodišču vseh 6 četrstopenjskih tvorjenk je tvorjen kakovostni pridevnik, ki je lahko neposredna prvostopenjska izsamostalniška tvorjenka (*dneven* ← *dan*; *drevesen* ← *drevo*; *ovraten* ← *ob vratu*;⁴ *železen* ← *železo*; *žičen* ← *žica*; dvoumno je pri primeru *bolan* ← *bol* ali *boleti*),⁵ lahko pa

⁴ Zelo verjetno gre za tvorjenko iz predložne zveze, v kateri se je obrusil soglasniški del predloga: *o(b)vraten* ← *tak, ki je ob vratu*. Prim tudi iztočnica *vrat* (SES 2016).

⁵ Prim. iztočnica *bol*¹ (Skok 1971: 184), toda ESSJ I (1977: 31–32) v iztočnici *boleti* navaja splošnoslovanski adj. *boленъ*. Enako tudi SES znotraj glagolske iztočnice *boleti* navaja pridevnik *bolan*, kar bi kazalo na izglagolsko tvorbo.

je izhodiščni pridevnik tudi višjestopenjska izsamostalniška tvorjenka (*računalen* ← *računati* ← *račun*).⁶

Model za niz iz BSSJ je primer s osnovnim pridevnikom *bolan*, iz katerega je predvidena četrtoopenjska samostalniška izpeljanka: *bolan*: -ik + -ica + -ar + -ka, ki bi se potencialno lahko zaključila še s predvidljivim svojilnim pridevnikom na 5. stopnji tvorbe, a v BSSJ ni registrirana (*bolan*: -ik + -ica + -ar + -ka + (-in)).

Besednovrstni model v priponskem nizu Ad,S,S,S,S,(Ad) v konkretnem primeru predstavlja zaporedje naslednjih besedotvornih pomenov: pridevnik *bolan* (0. stopnja tvorbe) → oseba kot nosilec lastnosti (*bolnik*, 1. stopnja) → prostor za osebe (*bólnica*, 2. stopnja) → oseba kot nosilec samostalniške značilnosti (*bolničar*, 3. stopnja) → feminativ dodajalnega tipa (*bolničarka*, 4. stopnja) → potencialno še (*bolničarkin*, 5. stopnja).⁷ V nadaljnjih konkretnih nizih bomo take 5-stopenjske tvorjenke upoštevali, le če bodo zanje tudi konkretne korpusne potrditve.

Predstavljeno morfemsko zaporedje je bilo avtomatsko prepoznano v več nizih, vendar morfemsko zaporedje v njih pogosto ne ustreza tudi besedotvornopomenskemu zaporedju tvorjenk v tvorbenem nizu s pridevnikom *bolan*. Kje je težava? Naj pojasnimo.

Na tvorbeni poti, v kateri je izhodiščni pridevnik *bolan* → *bolnik* → *bolnica*, pri tvorjenki *bolnica* prihaja do pojava homonimije, tj. enakopisnosti, a ne tudi enakoglasnosti. Tvorjenka *bolníca* 'bolna ženska' z v BSSJ označenim naglasom je lahko besedotvornopomensko feminativ zamenjalenega tipa, pri katerem se obrazilo -ica krni in zamenja z -ik. Besedotvornopomensko pravilo, da se s krnitvijo moškospolskega obrazila (-ik) in z zamenjavo z ženskospolskim (-ica) tvorijo feminativi,⁸ je mogoče s pogojem, da je samostalnik na -ik nekaj, kar je živo.

Hkrati pa je v BSSJ v drugem tvorbenem nizu na tem tvorbenem mestu izpeljanka *bólnica* 'prostor za zdravljenje bolnikov', tj. besedotvornopomensko tvorjenka s pomenom prostora, nastala prav tako s krnitvijo obrazila -ik in zamenjavo z -ica.⁹

⁶ Prim. iztočnica *račun* (Skok 1972: 93).

⁷ V korpusu Gigafida 2.0 ima pridevnik *bolničarkin* 1 pojavitev iz leposlovja (*Ko sem bruhal, sem čelo naslonil ob bolničarkino močno stegno*).

⁸ V Slovenski slovnici (Toporišič 2004: 183) so med feminativi večinsko navedeni primeri dodajalnega (npr. *davk-ar-ica*), a tudi zamenjalnega tipa (npr. *goljufiv-ee* + -ka). Prim tudi (Stramljič Breznik, Markežič 2021).

⁹ Pri tem velja opozoriti, da etimološka interpretacija ne podpira te sinhrono predpostavljene tvorbene povezave. Npr. Skok (1971: 184) navaja, da je *bolnica* 'špi-

Tako je avtomatski analizator posplošil dva tvorbeni niza, v katerem nastopita enakopisni, a naglasno in pomensko različni tvorjenki. Če upoštevamo in posplošimo etimološko razlago po primeru, da sta *bolník* in *bólnica* istostopenjski tvorjenki, potem z brisanjem nekaterih vmesnih členov v avtomatsko pridobljenih nizih le-ti postanejo tvorbeno in pomensko ustrezni:¹⁰

- (1) *dneven* → *dnevnik* ('1. osebni zapiski, 2. uradna knjiga, 3. časopis') → *dnevnic* ('znesek') → *dnevničar* (1. nekdanji 'uslužbenec, pisar, ki je plačan na dan' → *dnevničarka* ('novinarica');
- (1a) *dneven* → *dnevnik* ('1. osebni zapiski, 2. uradna knjiga, 3. časopis') → *dnevnic* ('znesek') → *dnevničar* (2. knjiž. 'novinar, ki poroča o dnevni novicah') → *dnevničarka* ('novinarica');
- (2) *drevesen* → *drevesnik* (lingv. termin) → *drevesnica* → *drevesničar* → *drevesničarka*;
- (3) *ovraten* → *ovratnik* (1. 'del obleke, 2. ovratni pas') → *ovratnica* (1. 'ovratni pas, 2. knjiž. kravata, 3. arheol. ovratni nakit') → *ovratničar* → *ovratničarka*;¹¹
- (4) *železen* → *železnik* (1. bot. rastlina, 2. zastar. rudnik železa) → *železnica* ('pot s tirnicami') → *železničar* → *železničarka*;
- (5) *žičen* → *žičnik* ('žebelj iz žice') → *žičnica* ('naprava za prevoz oseb ali tovora') → *žičničar* → *žičničarka*.

Morda je v celoti sprejemljiv le primer:

- (6) *računalen* → *računalnik* → *računalnica* ('učilnica, prostor') → *računalničar* → *računalničarka*: besedotvorni pomen opravkarja (*računalničar*) je sprejemljivo tvorbeno povezati ne samo z *računalnikom* (oseba, ki ima opravka s predmetom, tj. *računalnikom*), ampak tudi kot osebo, ki je povezana s prostorom, tj. *računalnico*, po analogiji (*bólnica* → *bólničar*).

tal' neposredno izpeljana z *-ica* iz pridevnika *bolan*. To pomeni, da sta *bolník* 'oseba' in *bólnica* 'prostor' lahko istostopenjski tvorjenki.

¹⁰ Tvorbeni in besedotvornopomenski neskladnosti prečrtanih tvorjenk je podprta še z leksikalnimi pomeni.

¹¹ SSKJ za primera nima potrditev, sta pa v bazi Sloleks, ki črpa iz korpusa Gigafida 2.0, v katerem imata besedi *ovratničar* (16 pojavitev) in *ovratničarka* (13 pojavitev), npr. Avstralska znamenitost je tudi kuščar *ovratničar*, ki spominja na miniaturnega, šestdesetcentimeterskega zmaja; Pri nekaterih vrstah, kot na primer pri pljuvajoči *ovratničarki* (*Haemachatus haemachatus*) in pri egiptovski kobri (*Naja nigricollis*), so strupniki preoblikovani tako, da kobra lahko strup pljune oziroma razprši napadalcu v oči.

4.1.1. Ugotovitev

Vsi predstavljeni štiripriponski izpridevniški nizi od (1) do (5) so tvorbeno in pomensko v celoti regularni le s predstavljenimi korekcijami. Avtomatsko izluščene tvorjenke s štirimorfemskim nizom (potencialno tudi petmorfemskim) tako razpadejo na tri tvorbene vzorce, npr.:

Preglednica I

Podstava	1. stopnja	2. stopnja	3. stopnja	4. stopnja	5. stopnja
Tvorjen kakovostni pridevnik	Predmet ali nosilnik lastnosti	Oseba ali opravkar	Feminativ	Svojina	
<i>dneven</i>	<i>dnevnic</i>	<i>dnevničar</i>	/	/	/

Preglednica II

Podstava	1. stopnja	2. stopnja	3. stopnja	4. stopnja	5. stopnja
Tvorjen kakovostni pridevnik	Predmet ali nosilnik lastnosti	Oseba ali opravkar	Feminativ	Svojina	
<i>drevesen</i>	<i>drevesnica</i>	<i>drevesničar</i>	<i>drevesničarka</i>	<i>(drevesničarkin)</i>	/

Tudi možnost, da je prvostopenjska tvorjenka samostalnik s podspolom neživo, ki omogoča regularni morfološki in pomenski

celo petstopenjski niz, je mogoča, čeprav redkejša, kot kaže edini primer (6):

Preglednica III

Podstava	1. stopnja	2. stopnja	3. stopnja	4. stopnja	5. stopnja
Tvorjen kakovostni pridevnik	Predmet ali no- silnik lastnosti	Prostor	Oseba ali opravkar	Feminativ	Svojina
<i>računalen</i>	<i>računalnik</i>	<i>računal- nica</i>	<i>računal- ničar</i>	<i>računalni- čarka</i>	<i>(računal- ničarkin)</i>

4.2. Niz ADJ:X → NOUN:X-ik → NOUN:X-ica → NOUN:X-ar → ADJ:X-ski

Naslednji, po številu avtomatsko izluščenih primerov, je štiristopenjski niz iz BSSJ, identičen tistemu, ki je bil predstavljen v točki 4.1. Razlika v danem primeru je, da se niz na 4. stopnji ne zaključi s feminativom na *-ka*, ampak vrstnim pridevnikom na *-ski*. Tvorbeni nizi so morfološko in besedotvornopomensko ustrezni, če se iz avtomatsko izluščenih nizov s pridevniškim izhodiščem izloči tvorjenka na *-ik*:

- (7) *drevesen* → *drevesnik* → *drevesnica* → *drevesničar* → *drevesničarski*;
- (8) *železen* → *železnik* → *železnica* → *železničar* → *železničarski*;
- (9) *žičen* → *žičnik* → *žičnica* → *žičničar* → *žičničarski*.

4.2.1. Ugotovitev

Z izločitvijo tvorjenke in s tem morfema *-ik*, ki ne more dati pomensko logičnega tvorbenega niza, se le-ta zmanjša za en morfem in postane le tropriponski po vzorcu:

Preglednica IV

Podstava	1. stopnja	2. stopnja	3. stopnja
----------	---------------	---------------	---------------

Tvorjen kakovo- stni pridevnik	Prostor	Oseba ali opravkar	Vrstnost
<i>drevesen</i>	<i>drevesnica</i>	<i>drevesničar</i>	<i>drevesničarski</i>

Lahko pa je prvostopenjska tvorjenka tudi predmet oz. naprava kot v vzorcu:

Preglednica V

Podstava	1. stopnja	2. stopnja	3. stopnja
Tvorjen kakovo- stni pridevnik	Predmet, naprava ali nosilnik lastnosti	Oseba ali opravkar	Vrstnost
<i>železen</i>	<i>železnica</i>	<i>železničar</i>	<i>železničarski</i>
<i>žičen</i>	<i>žičnica</i>	<i>žičničar</i>	<i>žičničarski</i>

4.3. Niz ADJ:X → NOUN:X-ica → ADJ:X-en → NOUN:X-ež → NOUN:X-ost

Niz iz BSSJ predpostavlja v izhodišču netvorjen pridevnik (*bled*, 0. stopnja tvorbe) → iz njega izhaja abstraktni samostalniki (*bledica*, 1. stopnja), ki je tvorbeno izhodišče za pridevniško tvorjenko s pomenom povezanosti s tem, kar imenuje samostalniška podstava (*bledičen*, 2. stopnja), → iz nje pa se izpeljuje poimenovanje osebe po njeni lastnosti ali t. i. nosilec lastnosti (*bledičnež*, 3. stopnja). V BSSJ se tvorbeni niz tukaj tudi ustrezno konča, saj sta istostopenjski tvorjenki 3. stopnje tako *bledičnež* kot *bledičnost*. Avtomatski luščilnik podatkov je torej napačno pripisal *bledičnost* kot četrtoštopenjsko tvorjenko iz tretjestopenjske *bledičnež*.

Iz Sloleksa in SSKJ najdena dodatna dva primera sta regularna s pogojem, če se izloči nerelevantna tretjestopenjska tvorjenka na *-ež*. S tem pa se štiripriponski niz spremeni v trojpriponskega:

(10) *kriv* → *krivica* → *krivičen* → *krivičnež* → *krivičnost*;

(11) *pet* → *petica* → *petičen* → *petičnež* → *petičnost*.

4.3.1. Ugotovitev

V predstavljenem besedotvornem nizu se je pri branju izvornih podatkov zgodila napaka, saj je abstraktni samostalnik na *-ost* lahko neposredno tvorjen le iz pridevnika na *-en* (*bledičen* → *bledičnost*) in

enako velja tudi za tvorjenko na *-ež* (*bledičen* → *bledičnež*), kot je pravilno hierarhično razporejeno v BSSJ. Vsi trije nizi, v katerih so v vseh primerih sinhrono netvorjeni pridevniki, tako predstavljajo le tripripinski niz in hkrati tudi tretjestopenjsko tvorbo. Na prvi stopnji je mogoč abstraktni samostalnik: *bledica* 'bleda barva (polti)', *krivica* '1. dejanje, ki koga prizadene in je v nasprotju z vrednotami, priznanimi v določeni družbi':

Preglednica VI

Podstava	1. stopnja	2. stopnja	3. stopnja
Netvorjen kakovostni, pridevnik	Abstraktni samostalnik	Povezanost pridevnika s samostalniško podstavo	Abstraktni samostalnik
bled	bledica	<i>bledičen</i>	<i>bledičnost</i>
<i>kriv</i>	<i>krivica</i>	<i>krivičen</i>	<i>krivičnost</i>

Lahko pa kot prvostopenjska tvorjenka nastopa tudi popredmetena lastnost *petica* '1. pog. številka pet, 2. pog. ocena pet, 3. pog. vrsta francoskega avtomobila, 4. nekdanj avstrijski novec, 5. igralna karta s petimi znaki':

Preglednica VII

Podstava	1. stopnja	2. stopnja	3. stopnja
Netvorjen števnik	Popredmetena lastnost	Povezanost pridevnika s samostalniško podstavo	Abstraktni samostalnik
<i>pet</i>	<i>petica</i>	<i>petičen</i>	<i>petičnost</i>

4.4. Niz ADJ:X → NOUN:X-ec → ADJ:X-ev → ADJ:X-ski → ADV:X-o

Kot že uvodoma omenjeno, je bila tvorbena shema četrtoopenjskih tvorjenk s pridevniškim izhodiščem izluščena iz pridevnika *bel* v BD ((1. stopnja) *bel-ec* → (2. stopnja) *belč-ev* → (3. stopnja) *belčev-ski* → (4. stopnja) *belčevsk-o*) in ustrezno potrjena z dodatnima

nizoma tvorjenk s pridevniškima izhodiščema *nor* in *star* iz SSKJ in Sloleks.

Pričakovano je, da je tak obrazilno in pomensko identičen niz mogoč tudi pri drugih nizih, čeprav imajo besednovrstno drugačno izhodišče. Izpolnjen mora biti pogoj, da v njih nastopa samostalniška izpeljanka z obrazilom *-ec* in pomenom 'živo, človeško', kot je to npr. znotraj BD glagolske iztočnice *boriti*. Isto tvorbeno pot lahko imata tako prvostopenjska izglagolska kot izpridevniška samostalniška izpeljanka na *-ec* (*borec* – *norec*, 1. stopnja), saj lahko enako generirata → svojilna pridevnika (*borčev* – *norčev*, 2. stopnja), za njim se lahko tvorbeno razvrstita obrazili za vrstni pridevnik → (*borčevski* – *norčevski*, 3. stopnja), le-ta pa omogoča besedotvorno predvidljivi prislovni izpeljanki na *-o* → (*borčevsko* – *norčevsko*), kar je v slovenščini najnaravnejši način tvorbe izpridevniških prislovov.

Pri tem je treba dodatno opozoriti, da so v BSSJ tvorjenke tega tipa morfemizirane na dva načina, ki sta razumeljena kot enakovredna in označena z nadpisanima oznakam *a* oz. *b* (Stramljič Breznik 2004: 17). V BSSJ so tako morfemizirani med drugim tudi primeri pridevniški tvorjenk na *-ovski*, po preglasu tudi *-evski* (*norčevski*, *starčevski*), ki nastopata tudi v konkretnih dveh nizih v primeru 12 in 13. Pri njih obstaja tvorbenosistemska možnost izhajati iz samostalniške podstave s posplošenim obrazilom npr. *-evski* (*norec* → *norč-evski*) ali pa iz pridevniške svojilne oblike (*norec* → *norč-ev* → *norčev-ski*), ki sta v obeh konkretnih primerih kot svojilna pridevnika tvorbeno potrjena.¹² Zadnja tvorbena interpertacija pa poveča tudi število morfemov v nizu in s tem tudi višjo stopnjo tvorbe.

Morfemski in besedotvornopomenski vzorec je očitno splošno produktiven za izpridevniško tvorbo ne glede na to, ali je pridevnik tvorjen ali pa korenski kot v našem primeru. Avtomatsko sta namreč iz SSKJ in Sloleksa izluščena še dva taka dva niza:

(12) *nor* → *norec* → *norčev* → *norčevski* → *norčevsko*;

(13) *star* → *starec* → *starčev* → *starčevski* → *starčevsko*.

4.4.1. Ugotovitev

Besedotvorni niz, izluščen kot delna BD znotraj glagolskega izhodišča, se je pokazal kot produktiven tudi za izpridevniško tvorbo:

¹² Svojilni pridevnik *borčev* ima 4 korpusne pojavitve, npr. /.../ *ko so bikovi rogovi božali bikoborčevo kožo in je bikova kri umazala borčev suknjič, je sledil šok*.

Svojilni pridevnik *starčev* pa ima kar 404 pojavitve, npr. *Podoba bi bila idilična, če ne bi bila vsa bližnja okolica starčeve domačije povsem porušena /.../*.

Preglednica VIII

Podstava	1. stopnja	2. stopnja	3. stopnja	4. stopnja
Netvorjen kakovostni pridevnik	Oseba kot nosilec last- nosti	Svojina	Vrstnost	Prislov načina
<i>nor</i>	<i>norec</i>	<i>norčev</i>	<i>norčevski</i>	<i>norčevsko</i>
<i>star</i>	<i>starec</i>	<i>starčev</i>	<i>starčevski</i>	<i>borčevsko</i>

4.5. Niz ADJ:X → VERB:X-ati → VERB:X-eva-ti → ADJ:X-alen → NOUN:X-ica

Vzorec iz BSSJ je naslednji: *boljši* (0. stopnja) → *boljšati* (1. stopnja) → *poboljšati* (2. stopnja) → *poboljševati* (3. stopnja) → *poboljševalen* (4. stopnja) → *poboljševalnica* (5. stopnja) → (*poboljševalniški*). Šestostopenjska tvorjenka je zapisana v oklepaju kot potencialna, saj ni potrjena v SSKJ ali Sloleksu, enako tudi v korpusu ne.

Avtomatsko izluščen štiripriponski niz je potrjen le z eno tvorjenko:

(14) *ojačen* → *ojačati* → *ojačevati* → *ojačevalen* → *ojačevalnica*.

Vendar je predpostavljeno tvorbeno zaporedje, kot ga v nadaljevanju predstavljamo, napačno: (**ojačen*, 0. stopnja → iz njega tvorjen dovršni glagol (**ojačati*, 1. stopnja) → s tvorbo ponavljalnega glagola (*ojačevati*, 2. stopnja) → izpeljava pridevnika, ki izraža namembnost (*ojačevalen*, 3. stopnja) → prostor (*ojačevalnica*, 4. stopnja).

Poglejmo, zakaj. Prvo napačno izhodišče je, da pridevnik po izvoru deležnik na *-en*, motivira izpeljani glagol. Mogoče je le obratno, saj se iz glagola izpeljujejo deležniki (npr. *ojačiti* → *ojač-en*). In hkrati v nobenem primeru ne moremo tvorbeno povezati deležnika na *-en* z glagolom na *-ati* (*ojačati* → **ojač-en*), saj iz glagolov na *-ati* lahko tvorimo le deležnik na *-n* (*ojačati* → *ojač-(a)n*).

Niz je ustrezen z izločenim napačnim pridevniškim izhodiščem: (14a) *ojačen* → *ojačati* → *ojačevati* → *ojačevalen* → *ojačevalnica*.

4.5.1. Ugotovitve

Avtomatsko prepoznan morfemski niz izhaja iz napačnega izhodišča, zato je le delno ustrezen v delu, kot je predstavljeno:

Preglednica IX

Podstava	1. stopnja	2. stopnja	3. stopnja	4. stopnja
Tvorjen glagol	Ponavljalno dejanje	Pridevnik s pome- nom namembnosti	Prostor	/
<i>ojačati</i>	<i>ojačevati</i>	<i>ojačevalen</i>	<i>ojačeval- nica</i>	/

Morfemski priponski niz v tvorjenki *ojačevalnica* je dejansko daljši in s tem njena tvorbeni stopnja višja, saj je v izhodišče treba postaviti sinhrono netvorjen pridevnik *jak*:

Preglednica X

Podstava	1. stopnja	2. stopnja	3. stopnja	4. stopnja	5. stopnja
Netvorjen kakovostni pridevnik	Nedo- vršno dejanje	Dovršno dejanje	Ponav- ljalno dejanje	Pridevnik s pome- nom na- membnosti	Prostor
<i>jak</i>	<i>jačati</i>	<i>ojačati</i>	<i>ojačevati</i>	<i>ojačevalen</i>	<i>ojačevalnica</i> ¹³

5. Sklep

Predstavljeni primeri strojno prepoznanih štiripriponskih izpridevniških nizov, avtomatsko izluščenih iz učne množice BSSJ, so pokazali nekaj dobrih rezultatov. Ugotovimo lahko: (1) Za strojno učenje so uporabni na vseh tvorbenih stopnjah zastopani morfološki nizi, ki se pojavljajo znotraj besednih družin posameznih slovarskih iztočnic na b. (2) Izluščen morfološki niz iz učne množice je lahko v celoti uspešno apliciran na prepoznavo še drugih tvorjenk s pridevniškim izhodiščem v večji leksikalni bazi, kot sta SSKJ in Sloleks (prim. niza *nor* in *star* po izhodiščnem vzorcu *bel*). (3) Na določenih mestih so ti nizi lahko celo morfološko in besedotvornopomensko prekrivni, čeprav je njihovo besednovrstno izhodišče različno (prim. niz *norec* s

¹³ V SSKJ nastopata samo še primera *izplačevalnica* in *plačevalnica*, ki v tvorbenem izhodišču nimata pridevnika, ampak glagol (*plačati*).

pridevniškim in niz *borec* z glagolskim izhodiščem). (4) Z dodatnim pregledom in ročno narejenimi korekcijami v izluščenih nizih lahko odstotek ustreznih še povečamo (prim. npr. niz *drevesen* idr.)

Na delno ustreznost dodatno najdenih primerov tvorjenk, avtomatsko izluščenih po naučenih vzorcih, pa lahko vpliva več dejavnikov, med katerimi so: (1) Morfemsko zaporedje v nekem delu niza ne podpira logičnega besedotvornopomenskega vzorca (*žičen* → *žičnik* → *žičnica* → *žičničar* → *žičničarski*), ker je bilo napačno posplošeno, da vsakemu samostalniku na *-ik* sledi samostalnik na *-ica*, kar velja le s pogojem, da je samostalnik na *-ik* živo, človeško in da se obrazilo moškega spola krni¹⁴ in zamenja z ženskospolskim (zamenjevalni tip feminativne tvorbe). (2) Strojno neprepoznana enakopisnost, a ne tudi enakozvočnost vpliva na napačno posplošitev vzorca (prim. *bólnica* proti *bolníca*). (3) Sinhrono predpostavljeno besedotvorno razmerje med motivirajočo in motivirano besedo (*bolan* → *bolník* → *bólnica*), ki etimološko ni podprto, ker naj bi šlo za diahrono gledano istostopenjski tvorjenki (*bolan* → *bolník* in *bolan* → *bólnica*), lahko vodi do napačnega avtomatsko posplošenega vzorca. (4) Strojno napačno prepoznavo tvorbeno razmerje med deležnikom in glagolom tako na ravni motivacijske smeri, v kateri je deležnik izhodišče ter glagol njegova tvojenka (**ojačan* → **ojačati*) in ne obratno, kot je pravilno (*ojačati* → *ojačan*), in še dodatne obrazilne neustreznosti (ne *ojačati* → **ojačen*, ampak *ojačati* → *ojačan* in *ojačiti* → *ojačen*), zahteva korekcijo. Dodatna rekonstrukcija celotnega tvorbenega niza pa pokaže, da je le-ta mnogo daljši, saj ima v izhodišču korenski pridevnik *jak*.

Iz predstavljenih primerov izhaja, da bo za izboljšanje strojne prepoznave tvorjenk po naučenih modelih vsaj v tej fazi potrebne še veliko dodatnega ročnega pregleda in odstranjevanja napačno posplošenih vmesnih faz tvorbe oz. obrazilnega zaporedja v priponskih nizih, s čimer se navadno ne samo skrajša dolžina priponskega niza, ampak tudi stopnja tvorbe.

CITIRANA LITERATURA

- BEZLAJ F. *Etimološki slovar slovenskega jezika I:A–J* (ESSJ). Ljubljana: Mladinska knjiga, 1977.
- Burkacka I. *Kombinatoryka sufiksalna w polskiej derywacji odrzeczownikowej*. Warszawa: Wydział Polonistyki Uniwersytetu Warszawskiego, 2012.

¹⁴ Krnitev obrazila je dodatna težava pri strojni prepoznavi niza.

- ERJAVEC T., PRANJIC M., PELICON A., KERN B., STRAMLJIC BREZNIK I., POLLAK S. „Automating derivational morphology for Slovenian” *eLex 2023: electronic lexicography in the 21st century: proceedings of the eLex 2023 conference*. *Lexical Computing CZ*. Ur. M. Medved', M. Měchura, C. Tiberius, I. Kosem, J. Kallas, M. Jakubíček, S. Krek. 449–465. <https://elex.link/elex2023/wp-content/uploads/92.pdf>. 15. 11. 2024.
- KERN B. *Stopenjsko besedotvorje (Na primeru glagolov čutnega zaznavanja)*. Ljubljana: Založba ZRC SAZU, ZRC SAZU, 2017.
- KERN B. „Potencjał słowotwórczy wybranych polskich i słoweńskich czasowników ruchu”. V: Gawlak, M. (ur.). *Polsko-słoweński dialog międzykulturowy = Slovensko-poljski medkulturni dialog*. 1. mednarodna znanstvena slovenistična konferenca Slovensko-poljski medkulturni dialog, Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2023. Str. 185–201. <https://monograph.us.edu.pl/index.php/wydawnictwo/catalog/view/PN.4188/115/85>. 11. 12. 2024.
- ЛОПАТИН В. В., УЛУХАНОВ И. С. *Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка*. Москва, 2016.
- MARKEŽIČ T., STRAMLJIC BREZNIK I. *Feminativi v slovenskem jeziku*. Maribor: Univerzitetna založba = University Press, 2021.
- OLOŠTIAK M., IVANOVÁ M. (ur.). *Slovník slovotvorných prostředků v slovenčine*. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove, Filozofická fakulta, 2021.
- SOKOLOVÁ M., MOŠKO G., ŠIMON F., BENKO V. *Morfematičský slovník slovenčiny*. Prešov: Náuka, 1999.
- SKARŻYŃSKI M. (ur.) *Słownik gniazd słowotwórczych współczesnego języka ogólnopolskiego*, Knj. 3–4. Kraków: Towarzystwo Wydawnicze «Historia Iagellonica», 2004.
- SKOK P. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Zagreb: JAZU, 1971. <https://archive.org/details/EtimologijskiRjecnikHrvatskogaIliSrpskogaJezika>. 10. 12. 2024.
- SNOJ M. *Slovenski etimološki slovar*³ (SES), 2016. <https://fran.si/>. 10. 12. 2024.
- STRAMLJIC BREZNIK I. *Besednodružinski slovar slovenskega jezika: poskusni zvezek za iztočnice na b (BSSJ)*. Maribor: Slavistično društvo, 2004.
- STRAMLJIC BREZNIK I. „Značilnosti izmedmetih priponskih nizov v Besednodružinskem slovarju slovenskega jezika za iztočnice na b.” *Slavia Centralis*. 17/1 (2024a) : str. 1–17.
- STRAMLJIC BREZNIK I., LEDINEK N. „Kvantitativni podatki o besedotvornih modelih in priponskih nizih izmedmetnih tvorjenk v Besednodružinskem slovarju slovenskega jezika za iztočnice na b.” *Slovenski jezik – Slovene linguistic studies*. 16 (2024b): str. 59–85.
- ŠIŠKA Z. *Bázový morfematičský slovník češtiny*. Univerzita Palackého v Olomouci, Pedagogická fakulta, 2005.
- TOPORIŠIČ J. ⁴2000: *Slovenska slovnica*. Maribor: Obzorja.

VIDOVIČ MUHA A. *Slovensko skladenjsko besedotvorje ob primerih zloženik*. Ljubljana: Znanstveni inštitut Filozofske fakultete, 1988.

VIDOVIČ MUHA A. *Slovensko skladenjsko besedotvorje*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete, ²2011.

Viri

Besedišče slovenskega jezika

<http://bos.zrc-sazu.si/besedisc.html> 10. 11. 2024.

Fran. Slovarji inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU.

<https://fran.si/> 10. 12. 2024.

Gigafida 2.0, referenčni korpus pisne standardne slovenščine.

<https://viri.cjvt.si/gigafida/> 10. 12. 2024.

Sloleks 2.0. Slovenski oblikoslovni leksikon.

<https://viri.cjvt.si/sloleks/slv/> 10. 12. 2024.

Slovenski pravopis 2001

<https://fran.si/> 10. 12. 2024.

SSKJ1: Slovar slovenskega knjižnega jezika. ¹1970–1991.

<https://fran.si/> 10. 12. 2024.

SSKJ2: Slovar slovenskega knjižnega jezika. ²2014.

<https://fran.si/> 10. 12. 2024.

Irena Stramljič Breznik

RELEVANCE OF MACHINE-EXTRACTED FOUR-SUFFIX DEADJECTIVAL DERIVATIVE SETS FROM THE BSSJ LEARNING DATASET

Summary

In this study, we present five examples to demonstrate the relevance of new derivatives with adjectival bases recognized through machine data extraction from SSKJ (Dictionary of the Standard Slovene Language) and the Sloleks database, based on models from the learning dataset represented by

the Experimental Word Family Dictionary with entries starting with the letter 'b' (BSSJ 2004). We evaluated the extent to which the externally formally (morphemically) expressed structure and the internally (word-formation semantically) logical formation path align in the newly automatically found candidates.

We can identify the following advantages:

1. Morphemic sets represented at all formation degrees within word families of individual dictionary entries starting with 'b' are useful for machine learning.
2. The extracted morphemic set from the learning set can be successfully applied to recognize other derivatives with adjectival bases in larger lexical databases like SSKJ and Sloleks (e.g., sets 'nor' and 'star' based on the initial pattern 'bel').
3. In certain cases, these sets can even be morphemically and word-formation semantically overlapping despite having different word-class bases (e.g., the sequence 'norec' with an adjectival base and 'borec' with a verbal base).
4. With additional review and manual corrections in the extracted sets, the percentage of appropriate sets can be increased (e.g., the set 'drevesen' etc.).

Several factors can influence the partial appropriateness of additionally found derivatives automatically extracted based on learned patterns, including:

1. Morphemic set in a part of the sequence does not support the logical word-formation semantic pattern (e.g., 'žičen' → 'žičnik' → 'žičnica' → 'žičničar' → 'žičničarski'), as it was incorrectly generalized that every noun ending in '-ik' is followed by a noun ending in '-ica', which is only true if the noun ending in '-ik' is animate, human, and the masculine suffix is truncated and replaced with a feminine suffix (substitution type of feminine formation).
2. Machine-unrecognized homography, but not homophony, affects the incorrect generalization of the pattern (e.g., 'bólnica' vs. 'bolníca').
3. Synchronically assumed word-formation relationship between the motivating and motivated word (e.g., 'bolan' → 'bolník' → 'bólnica'), which is not etymologically supported, as they are diachronically considered same-level derivatives (e.g., 'bolan' → 'bolník' and 'bolan' → 'bólnica'), can lead to an incorrect automatically generalized pattern.
4. Machine-incorrectly recognized formation relationship between the participle and the verb at the level of the motivational direction, where the participle is the base and the verb its derivative (*'ojačan' → *'ojačati') and not vice versa, as appropriate ('ojačati' → 'ojačan'), and additional suffixal inadequacies (not 'ojačati' →

*'ojačen', but 'ojačati' → 'ojačan' and 'ojačiti' → 'ojačen') require correction. Additional reconstruction of the entire formation set shows it is much longer, as it has the root adjective 'jak' at its base.

From the presented examples, it follows that to improve machine recognition of derivatives based on learned models, at least at this stage, much additional manual review and removal of incorrectly generalized intermediate formation stages and thus suffixal sequences in the suffix sets will be necessary, which usually shortens not only the length of the suffix set but also the formation degree.

Keywords: Slovenian, word formation, deadjectival formation, four-suffix sets, automatic recognition of derivatives.

Савез славистичких друштава Србије
Комисија за словенску творбу речи Међународног
славистичког комитета

ДЕРИВАЦИОНА ГНЕЗДА У СЛОВЕНСКИМ ЈЕЗИЦИМА:
СИСТЕМНОСТ ТВОРБЕНЕ ПРОДУКТИВНОСТИ

XVII међународни конгрес слависта
(Париз, 25–30. VIII 2025)

Тематски блок

Издавач
Савез славистичких друштава Србије
ssds.org.rs

За издавача
Проф. др Рајна Драгићевић

Лектура и коректура
Аутори радова

Графичко уређење
Биљана Живојиновић

Дизајн корица
Милица Допуђа

Припрема и штампа

Cigoja
ШТАМПА
office@cigoja.com
www.cigoja.rs

Тираж
50

ISBN 978-86-81622-15-5
https://doi.org/10.18485/ssds_mks17_dg.2025

Садржај зборника је доступан у отвореном приступу
у складу са лиценцом CC BY-NC-ND 4.0

CIP - Каталогизација у публикацији
Народна библиотека Србије, Београд

811.16'373.611(082)

МЕЂУНАРОДНИ конгрес слависта (17 ; 2025 ; Париз)

Деривациона гнезда у словенским језицима: Системност творбене продуктивности : тематски блок / XVII међународни конгрес слависта (Париз, 25–30. VIII 2025) ; приредила Рајна Драгићевић = Derivational nests in slavic languages: Systematicity of word formation productivity : thematic block / XVII International Congress of Slavists (Paris, 25–30. August 2025) ; edited by Rajna Dragičević. - Београд : Савез славистичких друштава Србије, 2025 (Београд : Чигоја). - 180 стр. : табеле ; 24 cm

Радови на више језика. - Тираж 50. - Стр. 9-14: Уводна реч / Рајна Драгићевић = Introduction / Rajna Dragičević. - Напомене и библиографске референце уз текст. - Библиографија уз сваки рад. - Summaries.

ISBN 978-86-81622-15-5

а) Међународни конгрес слависта (17 ; 2025 ; Париз) б) Словенски језици
– Творба речи – Зборници

COBISS.SR-ID 168093193

Овај зборник садржи радове осам учесника тематског блока Деривациона гнезда у словенским језицима: системност творбене продуктивности, који ће бити одржан на XVII међународном конгресу слависта у Паризу. Тематски блок је пријављен као блок Комисије за словенску творбу речи Међународног славистичког комитета. Системност творбе речи у словенским језицима највидљивија је у деривационим гнездима. Анализом организације деривационих гнезда и односа међу дериватима могу се открити бројне творбено-семантичке законитости између мотивних и мотивисаних речи. Циљ истраживача који учествују у тематском блоку био је да укажу на различите видове системности у деривационим гнездима и да упореде правилности у настајању деривационих ланаца у различитим словенским језицима. Сличности и различитости деривационих ланаца и деривационих гнезда омогућава стицање потпуније слике о најважнијим чињеницима (законитостима и односима) у творби речи у словенским језицима.

This volume of proceedings contains papers by eight participants of the thematic session Derivational Nests in the Slavic Languages: The Systemicity of Word-Formation Productivity, which will be held at the 17th International Congress of Slavists in Paris. The thematic session was registered as a session of the Commission on Slavic Word-Formation of the International Committee of Slavists. The systemicity of word-formation in the Slavic languages is best visible in derivational nests. Analysis of derivational nest organisation and relations between derivatives can reveal many formation-semantic patterns between the motive and motivated words. The aim of the researchers in the thematic session was to point to the different aspects of systemicity in derivational nests and to compare the regularities in the emergence of derivational chains in diverse Slavic languages. The similarities and differences of derivational chains and derivational nests makes for a fuller picture of the most relevant facts (patterns and relations) in word-formation in the Slavic languages.

